

ТАИНСТВО ВОЗМОЖНОГО

ИЗБРАННОЕ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I

ИОСИФ МИГИРОВ

И О С И Ф М И Г И Р О В

**ТАИНСТВО
ВОЗМОЖНОГО**

ИЗБРАННОЕ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I

PUBLISHING GROUP “ENLIGHTENMENT”

Joseph Migirov
Таенство Vozmozhnogo Tom I
(The Mystery of Possible Volume I)

Издание этой книги стало возможным благодаря
финансовой поддержке известного мецената и моего
друга Виктора Абаева.

Publishing Group
“Enlightenment”

All rights reserved including rights of reproduction.
No part of this book may be used or reproduced in
any manner without written permission of the
Author, except in the case of brief quotations
embodied in critical articles and reviews.

Copyright © 2014 by Joseph Migirov
ISBN 978-0-692-30692-5

Printed in the United States of America

ПРЕДИСЛОВИЕ

Планка духа...

Выход в свет «Избранных произведений» событие для каждого писателя потрясающее и значительное. Двухтомник Иосифа Мигирова «Таинство Возможного» обретает своего читателя в Дни Йом Кипур. В этом есть свой символизм: все его работы на еврейскую тему, в них светлая боль и надежда, а по жанру повести Мигирова – это мистический реализм.

Я называю его еврейским Набоковым.

Изобразительная одаренность писателя бесспорна, картины, которые описывает Иосиф удивительно живые и яркие.

Олег Ратновский, преподаватель университетов МГУ – Москва, Ешива Университет -- Нью-Йорк заметил:

«...Иосифу Мигинову есть что сказать нового о мире и человеке. Это талантливый, умный писатель...»

Действительно, когда читаешь его произведения, невольно возникает ощущение, что сами Небеса открывают Иосифу свои сокровенные тайны, чтоб через его душу передать их читателю.

Горский еврей по происхождению – планку духа своего народа он поднял на должную высоту.

В это издание не вошли некоторые его вещи и я знаю, что сейчас он работает над Проектом-серией из нескольких книг. Иосиф Мигилов блистательный писатель и я уверен, что перед нами откроются новые «...таинства возможного...» человеческого сознания и мы будем снова очарованы ярким и захватывающим миром его новых книг.

Михаил Немировский,
Директор русского отдела Совета
Еврейских организаций Нью-Йорка.

Р А С С К А З Ы.

ДУША В ДУШУ...

...-Миша, принеси два мешка муки, а потом можешь идти получать деньги и- домой,-молодая завмаг протянула связку ключей и весело подмигнула.

Миша вышел из магазина, развернул стоявшую рядом тележку и покатил ее к складу. Большие замки склада хорошо видны с улицы, и, прежде чем открыть их, он смотрит на прохожих, слегка откидывает назад голову и что-то гордое поднимается в нем: прохожие ведь не знают, что он обыкновенный рабочий магазина, а поэтому должны думать о Мише как о начальнике. И он дольше возится с большими замками, связкой ключей и уже сам верит в свою особую причастность ко всему этому, а значит, и к еще чему-то более важному...

-Все могут короли!-напевает Миша, возвращаясь к магазину,-Душа в душу!-думает он о предстоящей зарплате-своих постоянных 90 рубчиках, и прохожие кажутся родственниками, которых он давно не видел.

Перетаскав мешки, Миша вручает ключи завмагу и, как бы, мимоходом небрежно сбрасывает:

-Все в порядке...-он скосился глазом на пышное богатство, выпиравшее из-под блузки завмага.

-Ты молодец, Миша,- рука молодой заведующий легла на его плечо и он на секунду замер, чувствуя как половина того богатства прильнуло к нему. В голове запрыгало много добрых слов, Миша растроганно подумал, что за свои тридцать с лишним лет он еще не видел такого «душа в душу» начальника.

Когда он получил зарплату и пришел домой, было самое «пивное» время.

-На!...-протянул он жене деньги,-ни копейки не потратил...шелест девяти красных бумажек наполнял его магической силой.

-Дай мне два рублика...-повертевшись возле жены, протянул он руку.

-Пить будешь?..

-Да я... пиво...

-На пиво и рубля хватит...-отрезала она и, вздохнув, полезла в карман халата.

-Ну, хоть мелочь еще дай...

-Сейчас и на пиво не будет...

-Ну что, не имею права что ли?! Я зарплату получил!-прозвенел Мишин голос.

-На, на!-жена сунула ему в руку несколько монет.

Миша по дороге посчитал деньги. Кроме как на бутылку вина, выходило еще и на кружку пива. Небогато, но Миша представил наполненный до краев стакан и веселее потопал к пивной: накатывало самое пивное время.

-Здорово, братишка! Душа в душу!-приветствовал он встречаемых. Это было небольшое местечко и здесь все хорошо знали друг друга, а каждый о другом еще больше.

Народа вокруг пивнущики собралось-будто все в этом

мире получили зарплату: длинная очередь, шум-гам, да счастливые физиономии за стойками-эти уже вкусно отхлебывали из больших кружек.

Мише никакая очередь не указ и через пару минут, вкусно потирая руками, он стоял за высоким столиком:

-Душа в душу!..

Первый стакан разлил по душе сладостную легкость и вокруг за столиками гомонило славное пивное братство.

-Миша, спой!-вдруг крикнули ему.

Он увидел как повернулись в его сторону головы и замерли руки, еще мгновение назад кромсавшие воблы.

Миша сотворил мастерскую паузу: вырвал еще пару приглашений-Миша, давай!- поднял стакан в котором еще оставалось вино и тонко вывел:

-Абарагум! А-а-а!- и это было покруче, чем у самого Радж Капура.

Ну а когда он потрянул черными, с сединой, кучеряшками, куражисто резанул свободной рукой, да, извиваясь тонкой фигурой, пошел меж столиков,- плакало индийское кино.

-Абарагум! А-а-а! Судьба моя, мечта моя, иди ко мне люблю тебя!..

-Мужчина, Миша!

-Бродяга, давай!-сыпались аплодисменты.

Миша изредка останавливался, ершисто подбивая кого-то худым плечом, снова бросал рукою кверху:

-Абарагум! А-а-а!..

С вышолзшей из брюк рубашкой, тонкий, он казался двадцатилетним парнем. А к пивной подкатывали, уносились и снова подъезжали машины...

Мишу угостили. Потягивая пиво, поблескивая черными кнопками глаз, он понимающе кивал:

-Жизнь-это душа в душу! Кто нас не поймет, тот враг народа! А денег мне надо!

-А если миллиончик?...- подбросили со стороны.

-Миллион душу портит! - знающе отрезал он.

-Ты гений!

-Я гипноз! Я все знаю!-как бы, что-то пообещал Радж Капур.

-А что ты знаешь?- подъехали снова.

-Душа в душу!.. Моя душа со мной в душу!

Подшли еще двое. Их Миша знал еще с детства. Вадим с массивным перстнем и Федя со стеклянным глазом. Поздоровались.

-Бродяга говорит, что миллион ему не нужен!-кто-то продолжил прерванный разговор.

-А зачем ему деньги? Он на складе работает! У него... мука, сахар, лимонад...-Вадим повернул на пальце перстень.

Миша повел взглядом по лицам. Жирные и тощие-они кривились, расползались в довольных улыбках. Мише показалось, что его загнали в темный лес.

-Братишка, ты надо мной смеешься?-Миша посмотрел на Вадима.-Ты надо мной не смейся. Я тебя не обижал.

-Пусть тот и дня не проживет, кто смеется над тобой. Ты же артист! Радж Капур!

Вокруг катил смех.

-Я не артист...-как бы невзначай заметил Миша.-Это вы артисты. Я что? Я на свой склад прихожу, бабе своей копеечку приношу. Я своей бабе, он - твоей...-он кивнул на приятеля Вадима-стеклянноглазого.

Накатила тишина. Остро запахло рыбой и подсолненным пивом.

-Сука!-стеклянноглазый, схватив Мишу за ворот, резко толкнул его. Тот, споткнувшись, плюхнулся лицом в асфальт.

Пивное братство у столиков выжидающе замерло, ждали ответа Вадима, но тот кажется если чего и хотел, то забыть, что на свете существуют деньги.

Миша медленно встал:

-Душа в душу...-как бы для себя пробормотал он, вскинув ладони соединил их над головой и поплелся от пивной.

Уже пройдя метров двадцать, услыпал за спиной крики. Повернулся. На том месте, где еще пару минут лежал он сам, теперь барахтались два человека. Кажется, это были Вадим и его друг стеклянноглазый.

Миша провел рукой по лицу, глянул на красную от крови ладонь, но почему-то ему было очень спокойно. Он снова неторопливо потопал по улице.

Наплывал теплый нешумный вечер с улыбающимся большим лицом луны. Миша протягивал к ней руки и, казалось, она слышит его:

-Абарагум, а-а-а!.

Прохожие поворачивались в его сторону, подтрунивали, но Радж Капур протягивал к ним ладони, пел и через припев бросал руками вверх:

-Душа в душу!..

СТАРЫЕ КАРТИНКИ

(из цикла рассказов)

...Горские евреи уже лет триста как жили в Нальчике, наладили торговлю в Кабарде и сами кормились тем, что могли прекрасно выделывать и красить кожу, шить обувь. А еще ездили по селам - аулам-торговали красным товаром, иголками-нитками и были в самых добрых отношениях с кабардинским народом. Торговали по одиночку и парами, вот в такую пару соединились два приятеля Бэбэ и Охрон.

...Однажды случилось так, что не успели они возвратиться к вечеру в Нальчик. Уже поблескивали в ночном небе холодные ясные звезды, а арба друзей еще только въезжала в далекое от города село. И лишь тускло мерцавшие огоньки домов, да разносивший в ночи лай собак, встречали гроыхавшую по сельской дороге арбу друзей. Но на душе у приятелей было спокойно и уютно, ибо знали они, что горцы-народ гостеприимный и всегда рады хорошим людям.

-Попросимся к ним...-Охрон показал на светившее справа окно, потянул вожжи, и верный осел Хар, которому не терпелось поскорее добраться до порции сена, и, почуяв, что они уже у цели, послушно повернул и остановился у плетенного забора.

Звяканье цепи и матерый лай рвались в сторону арбы.

Охрон несколько раз крикнул хозяина, но голос его потонул в лае пса.

Но вот со двора послышался мужской окрик, собака повиновалась ему-лай сменился звуком волочившийся по земле цепи.

-Кто в такой час?..-приблизился голос.

-Свои,-ответил Охрон.

После коротких переговоров арба друзей въехала во двор. Хар нашел пристанище, сено и на ночь пристился со своими друзьями.

При свете лампы, сидя за низеньким столиком, приятели наблюдали за горбоносым широкоплечим стариком-тот неторопливо собирал такой поздний ужин.

-Извините меня, дети мои,-говорил он.-Вы так поздно... все что есть...

-Что ты, отец, это ты извини нас за беспокойство!-воскликнул Охрон.

Старик положил на столик три лакума и три яйца, поставил стаканы, чайник и сел к друзьям.

-В Нальчике живет один такой Амирбек. Может слышали о нем?-спросил он, сцепив грубые пальцы работы.

Друзья удивленно переглянулись, и быстро шепнул на джуури Бэбэ:

-Кажется, он моего отца имеет в виду. В селениях его так называют. Но только не говори, что это мой отец. Вдруг что-нибудь такое... Уж лучше пусть он не знает...

Охрон легко кивнул: мол, это останется тайной до самой могилы и глянул на старика:

-Знаем Амирбека, а как же не знать! Это мой отец.

-Какая встреча! Сынок, как ты вырос! Ты наверное меня не помнишь... Я не один раз бывал у моего друга и брата Амирбека!- растроганно заговорил старик и поспешил прижать щеку парня к своей колючей бороде.

Охрону пришлось рассказать все последние новости об отце своего приятеля:

-Я горжусь своим отцом!-закончил он, сдерживая выпирающую улыбку: хмурое лицо Бэбэ в тусклом свете лампы казалось еще более мрачным. А когда счастливый старик придвинул к Охрону еще один лакум и еще одно яйцо, лицо Бэбэ скисло и вовсе.

А в довершение всего «сыну» Амирбека была постелена мягкая, с высокими перинами, постель. Гордо, по-хански, взирал он он со своей высоты на приютившегося на полу Бэбэ.

Утром, когда арба друзей весело тряслась по дороге, уходящей из села, Охрон, хитро сощурившись, почесал в переносице , и, как бы невзначай, проронил:

-Да-а, я никогда в жизни не был благодарен моему родному отцу Амирбеку.

-Ничего,-как бы пригрозил Бэбэ.-Моего отца знают не только в этом селении.

И сбылись его слова.

Через несколько дней снова застала их ночь на краю одного села. И на этот раз получили ночлег приятели. А когда на стол была поставлена еда, Бэбэ, с усмешкой глянув на приятеля, у хозяина спросил:

-Вы может быть слышали о таком Амирбеке из Нальчика?.. Это мой отец!

Победно блеснули в тусклом свете его глаза, но через мгновение и потухли, ибо встретились с хмурым взглядом хозяина.

-Слыпали мы о таком из Нальчика...-глухо бросил он и почти всю еду подвинул к Охрону. Кроме этого, и на этот раз уплыла от Бэбэ мягкая постель...

Утром, когда арба друзей весело тряслась по уходящей из села дороге, Охрон, глянув в усталые глаза приятеля, обнял одной рукой и невольно рассмеялся:

-Не расстраивайся, брат мой, просто в этом мире всем не угодишь...

СИНИЙ ГОЛУБЬ.

Не стало у Асэфа бабушки. Умерла Дэдэй. Ушла спокойно. И даже когда глаза ее уже ни чего не видели, а светились, как два светло-карих озерца, на глади их словно было сказано: то, что могла сделать я-маленькая горская женщина-сделала.

И имя у Дэдэй теплое-мама. Асэф никогда не называл ее бабушка, Ба, Бабуль-и вот только так и никогда по-другому. И все вокруг любили ее. Выйдет она, бывало, посидеть у калитки, не пройдет и минуты, как к ней подседет соседская женщина или девочка.

Дэдэй никогда не говорила много. Больше слушала. И только изредка, поправив темную, повязанную к затылку косынку, скажет два-три слова, но тебе покажется, что все объяснено и подсказано.

Лицо ее выписано чистыми долгими морщинами. Такие же суховатые, с заметными венами ее руки. И душа... душа ее похожа на усталую реку: течет река, а вот появляется еще одна, поменьше, и впадает в большую реку. Так и люди. Раз появились они в жизни ее, значит, несут свои годы вместе...

Провели ее тихо, без суеты, даже старики- окаменевшие сердца- которые к чужой смерти с годами относятся с безразличием, и те, кажется, забыли свои разговоры, да каждый на могилку бросил по горстке земли.

Приехали с кладбища. У ворот стояли ведра с водой и большими кружками. Мужчины умывались, хлопками бросая в лицо воду.

Ворота уже были закрыты, а в дворе, вдоль забора протянулся длинный, заставленный едой, стол. Вода, зеленые овощи, рыба, яйца, хлеб.

Асэф прошел в дом узнать готова ли остальная закуска.

Глянув из окна кухни, увидел, как поднялся рабби, поднес «Писание» к глазам и медленно, кивая в такт головой, стал читать. Асэф вышел. Над столами звучал равномерно-носовой голос равина и в промежутках поднималось густое мужское «Омин»! В стороне сидела группа женщин, в черных платках, о чем-то говорили. Рядом с одной из них вертелся мальчуган лет шести

Раби вел молитву, и звучало всеобщее — «Омин»!

Лица, лица, лица за общим столом. Разные, но в незримом все чем-то похожие друг на друга.

Асэф попался на взгляд своего друга Коли, добродушного молодого человека с широкими усами. Тот кивнул-подойди. Асэф прошел к столу. Товарищи раздвинулись, освобождая ему место.

И снова стало тепло оттого, что в этот день друзья пришли сочувственно пожать ему руку, были с ним на кладбище, бросили по горстке земли на могилку бабушки.

Налили водки.

Неожиданно в начале двора раздался громкий плач. Это был разломаченный пятидесятилетний Адам-всегда в одном и том же замусоленном пиджаке, бесцветных брюках. Он, по обыкновению, без приглашения ходил по

свадьбам, поминкам; танцевал и плакал. Танцевал оттого, что свадьба, плакал оттого, что так полагалось.

Он прошел к столу. Прежний осторожный говор, стоявший над двором, стал перекатываться в осуждающий гул.

Вдруг, над головами раздалось хлопанье: хоп-хоп-хоп.

Двор замер.

Хоп-хоп-хоп.

Лица обратились к осеннему синему небу-над двором бил крыльями голубь. Голубь стал опускаться, он был белым, но он опускался с синего неба словно малая часть безбрежной синевы. Синий кусочек синего неба.

Голубь опускался и вдруг порхнул на плечо седовласого мужчины. Тот застыл с растерянной улыбкой. Его рука так и осталась лежать на столе, прижав вилку.

Все смолкло.

Секунда-другая и кусочек синего неба порхнул на стол, ткнул клювом в тарелку и снова взлетев, сел на другое плечо. Почистил крылья и вновь взлетел.

Асэф смотрел в лица людей. Кто-глуповато улыбался, другой старался скрыть улыбку. А голубь снова садился на чье-то плечо, и снова никто не решался его прогнать, но и никто не смел брать на руки.

-Голубь!-вдруг радостно рванулся маленький мальчик, но женская рука остановила его.

Асэфу подумалось, что во всем этом есть что-то особенное, ему захотелось взять птицу, приласкать, но вокруг были люди и ему на мгновение показалось, что у него связаны руки.

Но вот голубь поднялся с застывшего плеча, поднялся, забил крыльями. Он взлетал выше и выше, с

каждой секундой становясь меньше и меньше. Синие крылья сливались с синей безбрежностью.

Поднялся рабби, за ним встали все сидевшие за столом. Звучала молитва, но взгляды людей невольно уходили ввысь, где с синими небесами слился маленький синий кусочек...

Т А Н Я.

На второй десятиминутной перемене Саша бегал домой, успевал на ходу перекусить и приносил на урок орехи. Они были большие и вкусные, острые в концах, точно две слепленные лодочки.

Саша и сам был похож на крепкий орех и считал себя самым сильным в своем четвертом Б классе. Впереди него, на предпоследней парте, сидел Сема-черноволосый мальчик с щуплым затылком. В начале урока Саша клал на передний край парты орех и тайком от учителя толкал в плечо сидевшего впереди Сему. Тот осторожно оглядывался и неизменно видел громадный орех. Сема любил орехи, тем более, к третьей перемене ему уже хотелось есть, а денег у него никогда с собой небыло. Не водились они ни у его мамы, потому что ее зарплаты на троих-на себя, Сему и его брата Лешку-никогда не хватало. А отца у Семы не было. Вернее, прошло уже два года, как отец ушел к другой женщине...

Прозвенел звонок, вышел учитель, класс стал похож на огромную коробку с кнами и скачущими в ней детьми-разноцветными мячиками.

-Хочешь?-спросил Саша, подбросив на ладони орех.

Вздохнув, Сема кивнул.

-Три щелбана...-поставил свое обычное условие Саша.

Они вышли из класса, остановились в углу коридора.

-Давай...-вскинул подбородком Саша и поднял руку.

Сема закрыл глаза и подставил лоб.

-Раз!-щелкнул Саша Сему по лбу, тот лишь чуточку прикрыл глаз и приготовился принять следующий щелбан.

-Два!-смакуя удовольствие, ударил Саша.-Три-и!

Сема почесал лоб и взял заработанный орех.

-Еще один?-подманил Саша, вытянув из кармана брюк следующий орех.

Сема бросил кротким взглядом и кивнул.

-Давай!-довольным голосом сказал Саша и занес руку.

-Раз!.. Два!.. Три!-последний щелбан он старался нанести со вкусом.

Сема забирал орех, а Саша доставал следующий:

-Еще?

-Последний...-соглашался Сема и получив девятый щелбан, забирал третий орех, выходил из школы и, найдя камень, где-нибудь в сторонке раскалывал орехи.

На соседней, с Сашиной, парте сидела коротко стриженная, светловолосая девчушка Таня. Саша любил ее и в начале каждого урока, когда учитель проходил от двери к столу, Саша брал Танину руку и они стояли так, глядя вперед, перебирая теплые пальцы друг друга.

Однажды, когда Саша выменял орехи на щелбаны, Таня хмуро подошла к нему:

-Как тебе не стыдно?-посмотрев вслед отходившего Семы, упрекнула она.-Их и так отец бросил!

-Кого?-как бы не понял Саша.

-Того!..-Таня резко отвернулась, а в начале урока, когда Саша, как всегда, коснулся было ее пальцев, она одернула руку.

Почти весь урок Саша в раздумье смотрел на Семин шуплый затылок.

На следующий день, хотя Саша в этот раз не выставил ореха на парте, Таня снова одернула свою руку, а он до самой ночи ни разу не вспомнил-кто самый сильный в его, 4 Б классе. Утром Саша набил свой портфель орехами и яблоками и, дождавшись перед уроками Сему, негромко позвал его:

-Надо поговорить! Как мужчина с мужчиной!

Они отошли в знакомый угол в конце коридора.

-Ты на меня не обижайся...-повинился Саша.

Сема отвел глаза.

Неожиданно Саша присел и подставил лоб:

-Бей! Двадцать щелбанов!

Сема растерянно смотрел на улыбающееся лицо одноклассника.

-Как мужчина мужчину прошу-давай!

Сема ошарашенно замер.

-Бей же!

Сема занес руку над подставленным лбом и вlepил щелбан!

-Раз!-посчитал довольный Саша и увидел-несколько школьниц, хохоча смотрели в их сторону. И только одна из них лишь легко улыбнулась и пошла в класс.

-Два!-отсчитал Саша и зажмурил глаза.-Бей давай!

-Три!.. Вот!-зажмуренное лица Саши расплывалось в улыбке.-Четыре!

-Пять!-теперь уже раззадорился и Сема.

-Шесть!-Саша открыл глаза и встретился с веселым Семиным взглядом.

-Семь!-теперь воскликнули они вместе и рассмеялись.

-Девять!..-хохотал Сема и, кажется, не смеялся так уже целых сто лет- с тех пор, как пап ушел к другой женщине.

А перед началом урока, в те мгновения, когда учитель проходил от двери к столу, Саша несмело коснулся Таниной руки, но она не одернула ее, и они снова стояли глядя вперед и перебирая теплые пальцы друг друга...

**...ГОРСКИЕ, БУХАРСКИЙ ДЯДЮШКА
и НЬЮ ЙОРК...**
(музыкальная комедия)

Синописис.

...Полицейскому Матвею, живущему в горско-еврейском местечке в городе Южном и обыкновенному парикмахеру из Нью-Йорка-Марку и в самом страшном сне не приснилось бы, что они могут заинтересовать инспекторов-инопланетян прилетевших на Землю с важной и, даже, страшной миссией. Они должны были определить в каком состоянии находится лучшая планета Вселенной, и если со стороны человека ей угрожает серьезная опасность, то человек должен быть уничтожен. В составе инспекторов-три инопланетянина. Уже с первого облета они увидели, что Земля из-за разрушительной деятельности человека оказалась в самом плачевном виде. Следовательно, человек должен быть уничтожен.

Но, так получилось, что один из инспекторов заметил на экране двух удивительно похожих друг на друга людей. Это не были братья-близнецы и они даже не знали о существовании один другого, а жили на разных континентах. Марк и Матвей - просто двойники.

Тогда инспектор предложил дать людям шанс: ведь они так похожи друг на друга, может эта схожесть (чего им тогда на самом деле) изменит их отношение друг к другу и к самой Земле. Инопланетянин даже представил потрясающую цифру: 99,9 процента ДНК одни и те же у всех людей!

А идея инспектора была такой: поменять американца и горского еврея местами, и пусть они попробуют выжить в такой непростой ситуации, в ситуации, где особенно необходимы сострадание и любовь к ближнему.

Так инопланетяне и поступили: полицейский Матвей одним ранним утром проснулся в чужой квартире, в чужой стране, а парикмахер Марк оказался в чужой постели, рядом с чужой женщиной, за тридевять земель

от родного Нью Йорка. Приключения двойников начались. Их узнают и тут же не узнают. Они постоянно оказываются в комических ситуациях. Американец Марк, невольно оказавшись в роли полицейского, вынужден решать застарелый конфликт меж двумя кланами.

А любитель женщин, лейтенант Матвей и на дальних материках оставаясь борцом с преступным миром, спасает жизнь матери своего двойника.

Миротворец- Марк, волею случая попав на обряд обрезания, на следующий день с ужасом обнаруживает, что этот обряд обошелся ему не просто так... Но в итоге, за все свои злоключения, он обретает в награду любовь-красивую южанку.

А инспекторам-инопланетянам тоже придется сделать свой нелегкий выбор...

Сценарий

ГОРОД НА ЮГЕ РОССИ-ЮЖНЫЙ. ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО.

ДОМ ЛЕЙТЕНАНТА МАТВЕЯ.

Спальня залита светом летнего утра. Посредине комнаты большая кровать, у изголовья стоит стул, на котором сложена летняя форма полицейского: белая рубашка с короткими рукавами и погонами лейтенанта, форменные черные брюки. У ножек стула надраенные черные туфли. Матвей, молодой крепкий мужчина лет двадцати пяти, сбросил тапки, стащил с себя спортивные штаны, взялся было за брюки, но вдруг глянув на тапки, задумался. Снова сунув ноги в шлепанцы, походил вдоль широкой по-царски кровати, сел на край, и вдруг крикнул в сторону открытой двери

МАТВЕЙ (нарочито-дедовской манере). Женщина! (тишина) Эй, женщина!..

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ГЛУБИНЫ ДОМА. Здесь я! Чего кричишь?

МАТВЕЙ. Что за дела на этом свете! Женщине слова уже нельзя сказать!

В дверях спальни стала миловидная горская еврейка, лет двадцати двух, в домашнем цветастом халате. Лия. Она легко припала к дверному косяку. Молчаливое ожидание.

МАТВЕЙ. Чего молчишь?

ЛИЯ (бросив глаза к потолку). Благословенно имя твое, Боже! (и тут же мужу) Сам позвал и сам спрашивает почему молчу.

МАТВЕЙ. Правильно и спрашиваю. Я позвал-ты пришла. Ты пришла-должна сказать: вот мол, я пришла, дорогой мой муж, да возьму на себя все твои боли, скажи пожалуйста, какое твое желание?

ЛИЯ (с иронией). Вот я пришла дорогой мой единственный, да возьму твои боли, зачем позвали?

МАТВЕЙ. Вот это другое дело... У меня тапки падают (поддел носком шлепанца кверху).

ЛИЯ. Только же ночь была!

МАТВЕЙ. Если бы тапки понимали «день-ночь»!

ЛИЯ. На работу не опоздаешь?

МАТВЕЙ. Женщина, у меня тапки падают!

ЛИЯ (безнадежно вздохнув). Падают, так падают!

Она шагнула к нему, он сделал шаг навстречу, стал расстегивать пуговицы ее халата, жадно целовал губы, шею. Они завалились на кровать.

ЛИЯ (шепотом, отвечая на поцелуи). Ненасытный!..

МАТВЕЙ. Да лучше сдохнуть...

Его ноги свисали с края постели и он сбросил тапки. Вдруг кто-то затарабанил в окно и в нем, как призрак появилась морда козла. Это Колдун. Рядом с его мордой появилась тощая, с обвислыми усами, мордашка и послышался тонкий голос. Это Черпой. Он неофициальный помощник лейтенанта.

ЧЕРПОИ. Власть! Пункт полиции! Сбор!

ЛЕЙТЕНАНТ(обмякнув на жене). Всех убью!..

Морду Черпой точно слизало, но козел еще с секунду с любопытством поглядывал в окно.

МЕСТЕЧКО.

По улицам местечка бежит старенькая малоли-
тражка с открытым верхом. За рулем беременная жен-
щина, живот которой почти упирается в руль. Рядом
сидит бровастый южанин с широким усами, кончики
которых лихо закручены кверху. Ариэль. Прохожие с
улыбкой приветственно машут руками: видно, бровастый
известная личность. На нем цветастая рубашка, черная
жилетка, на голове бухарская кипа-тюбетейка. Он сидит
с видом большого начальника, в руке телефон со спутни-
ковой связью. Телефон задребезжал.

АРИЭЛЬ. На спутнике.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Как дела, брат мой?!

АРИЭЛЬ (таинственно, жене). Хаим из Беер-
Шевы! Пока тормози...(машина стала).

ХАИМ. Вот тебя во сне видел, ты улыбаешься,
думаю позвоню.

АРИЭЛЬ. Правильно видел. Вот жену в роддом
везу.

ХАИМ. Дай Бог, что бы сына на руки взял!

АРИЭЛЬ. Спасибо! Так и будет, в любом случае!

ХАИМ. Ладно, не буду тебя отвлекать! Сына тебе!

АРИЭЛЬ. Спасибо! Беер-Шеву привет скажи! Держись на связи! (отключил телефон и повернулся к жене). Беспокоятся!

ЖЕНА. Сделали бы узи, никто бы уже не беспокоился! Но ты ж не дал!

АРИЭЛЬ. Зачем заранее всем знать, что у Ариэля родился пятый девочка?! Они и так этот хотят! А так пусть беспокоятся!

ЖЕНА. А может мальчик?!

АРИЭЛЬ. Тогда еще лучше пусть беспокоятся!

Снова зазвонил телефон.

АРИЭЛЬ. На спутнике!

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ариэль, брат мой!

АРИЭЛЬ (таинственно, жене). Исак из Нью Йорка... Пока притормози!..

МЕСТЕЧКО.

Матвей бравым шагом шагом идет по улице. В руке черная кожаная папка с документами. Прохожие еще издали приветствуют его. Он степенно кивает или коротко козыряет. Из-за угла вынырнула уже знакомая нам малолитражка с открытым верхом, с беременной женщиной за рулем и бровастым мужчиной рядом. Бро-

вастый, увидев лейтенанта, потянулся к рулю и силой надавил на клаксон. Воздух пронзил тонкий, пробивающий уши сигнал, а бровастый получил подзатыльник от беременной соседки. Машина остановилась напротив Матвея, тот радостно раскинул руками.

МАТВЕЙ. Привет Ариэль! (они пожали друг другу руки.) Здравствуй Инна!

ИННА. Привет Власть! На службу?

МАТВЕЙ. На службу. А вы куда?!

АРИЭЛЬ (кивнув на беременную жену). Да вот... ее в роддом везу! Свою женщину сохраняю! Ей сказали много ходить надо. А зачем ходить, когда машина есть!

МАТВЕЙ. Мужик! Сына тебе!

АРИЭЛЬ. В любом случае так и получится...

МАТВЕЙ. Как это в любом случае?..

АРИЭЛЬ. Вот смотри: у меня четыре дочки, так? Так. А один сын равняется пять дочкам. Значит если у меня родится пятый дочка-это тоже будет сын...

Матвей беззаботно рассмеялся.

ИННА. Болтун!

АРИЭЛЬ. Не нервничай, а то как я тебя довезу...
Зажигание! (и уже Матвею) Будь здоров, Власть!

Лейтенант по-военному козырнул. Малолитражка отъехала.

МАТВЕЙ (вдогонку). Ариэль, когда в любом случае родится мальчик, позвони! Я тебе потом сомбреро куплю! Настоящий!

Тот в знак согласия, не оборачиваясь, бросил кверху рукой. Проведя его с улыбкой, Матвей раскрыл толстую кожаную папку, что-то посмотрел и решительно пошел по улице.

Местечко уже жило своим обычным ритмом: кто-то шел в магазин, другой-на базарчик, заезжали во дворы и выезжали автомобили...

В местечке рядом с двухэтажными особняками могли соседствовать старые саманные домики. Проходя мимо одной приземистой лачужки, Матвей вдруг замер: из открытой форточки донесся сдавленный возглас. Лейтенант прислушался-тишина, а на воротах мелом было выведено: В связи с отъездом в Израиль, продаются вещи. Он двинул дальше, но у калитки остановился, призадумался, а вот осторожно открыл дверь, вошел во двор. У старенького деревянного крыльца, стоял мужчина лет сорока, в джинсах, клетчатой рубашке с короткими рукавами. Увидев полицейского, деланно-беззаботно козырнул.

НЕЗНАКОМЕЦ. Слава нашей доблестной полиции!

Матвей заметил, наколотые на пальцах, большие буквы: Т Л Т.

МАТВЕЙ. Ваши документы, пожалуйста!

НЕЗНАКОМЕЦ. Да, вот вещички для хозяйства...

МАТВЕЙ. Документы!

НЕЗНАКОМЕЦ. Да, будут тебе и документы...

Он, как бы, полез было в карман, но выбрав секунду (Матвей в этот момент прислушался к шуму в доме) силой толкнул его к крыльцу. Матвей споткнулся о ступеньку, завалился спиной на крыльцо, папка выпала из рук.

НЕЗНАКОМЕЦ. Братва, валим, менты! (метнулся к воротам).

Матвей уже снова был на ногах, из форточки раздался звук разбитого стекла, он распахнул дверь, осторожно вошел в маленькую кухоньку, снял со стены деревянную каталку, осторожно заглянул в смежную комнату. Двое грабителей пытались улизнуть в окна. Один уже вынырнул наружу, второй замешкался.

У стенки, на двух стульях, обмотанные скотчем, корчились старик и старушка. Ноги у них обмотаны не

были, старушка то и дело была кверху костлявой ступней. Рты у стариков были залеплены скотчем.

МАТВЕЙ (в спину грабителя, приподняв каталку, как пистолет). Стой! Стой, стрелять буду!

Грабитель медленно повернулся. В руке сверкнуло лезвие ножа. Скосившись на стариков, метнулся к ним. Взял старика за шиворот.

ГРАБИТЕЛЬ (угрожая ножом). Дернешься, прирежу обоих!

МАТВЕЙ. Чего хочешь?!

ГРАБИТЕЛЬ. Сейчас ты, ментяра, отойдешь в угол, ляжешь на свою поганую задницу. Понял?! И положи свой пулемет на пол! Аккуратно.

МАТВЕЙ. Хорошо, все сделаю, как скажешь.

Он опустил каталку на пол, грабитель, разрезал скотч на старике, подтолкнув его к выходу, сделал пару мелких шагов вперед и оказался перед старушкой.

ГРАБИТЕЛЬ. Теперь сам, на пол! Быстро! (нож по-прежнему у горла старичка).

МАТВЕЙ. Хорошо, хорошо, только стариков отпусти!

Старушка, глянув на разведенные ноги, стоявшего к ней спиной, грабителя со всей силы снизу вверх ударила его в пах. Вскрикнув, тот согнулся, и лейтенант уже был над ним, оглушил его крепким кулаком. Нож выпал из руки грабителя, Матвей поднял нож, разрезав скотч, освободил старушку. Она сорвала со рта кусок ленты.

Матвей поискал глазами по полу, найдя рулон скотча, обмотал им руки грабителя. Легко выдохнул. В окно сунулась голова первого грабителя.

ГРАБИТЕЛЬ. Слышь, мент, давай по-хорошему: ты отпускаешь братана, а мы твою семью не тронем!

МАТВЕЙ. Слышь, суслик, звони явку с повинной, по-хорошему!

Он сделал движение словно сейчас запустит в него ножом, голова в окне тут же исчезла, Матвей достал мобильник, набрал 02. Ему ответили.

МАТВЕЙ (в телефон). Да тут, старики в Израиль уезжают, барахло свое продают, а тут эти уроды!.. Ладно, жду!

ГОЛОС ГРАБИТЕЛЯ С УЛИЦЫ. Ну, ты попал, ментяра! Мы тебя из-под земли достанем!

МАТВЕЙ (с угрозой). Ну, ты меня уже достал!

Зашевелился, растянувшийся на полу, грабитель! Застонал.

МАТВЕЙ. Яичница всмятку... (и рассмеявшись, старушке). Тетя Мира, когда приедешь в Израиль, иди в спецназ, без разговора возьмут!

СТАРУШКА. Куда возьмут?

МАТВЕЙ. В спецназ...

СТАРУШКА. Нимаз... знаю, специ-наз... не помню...

МАТВЕЙ. Ну, ничего дед тебя ответит! Да. Дедок?!

ДЕД. Хорошо- я с ней никогда не скандалил, как чувствовал, что она... это... спецназ (он вскинул ногой).

МЕСТЕЧКО. ДВОРИК ДЕТСКОГО САДИКА.

В этот теплый денек малышня во дворе скатывается с «горок», лазает по деревянным лестницам и усердно зодчествуется в песочницах. За детьми присматривают три воспитательницы: Лана, Рита, Виктория. У каждой своя группа. Лана, черноглазая горская еврейка, девушка лет восемнадцати с каштановым волосом, сейчас несколько спутанным от ветерка, разучивает с малышами горскую песню и не замечает, что за ней наблюдают с улицы: к забору из металлических прутьев

приникло лицо молодого мужчины. Зазор меж прутьями достаточный и весь дворик хорошо просматривается.

Но только и он не замечал, что за ним наблюдали тоже: по улице в его сторону семенил маленький (знакомый уже нам) человечек с длинными отвислыми усами и рядом с ним деловито трусил белобородый козел. Человека звали Черпой, козла-Колдун.

Парень, следивший сквозь забор за Ланой, горский еврей, лет двадцати двух, с крепкими руками, с мужским, как говорят, носом, который ему шел, и живыми, с лукавинкой, глазами. Илюша. Первой его заметила Виктория, девушка лет девятнадцати с пышными формами и грустным взглядом. Она сидела на стуле, но увидев его, опустила голову. Лана и Рита, посмотрев на Франческу, переглянулись. Илья, увидев, что он «раскрыт», позвал Лану.

ИЛЬЯ. Лана, подойди пожалуйста!

Лана, быстро глянув, отвернулась. Тогда Илья перевел глаза на Риту.

ИЛЬЯ. Ну, объяснить хотя бы ты можешь?! Ну конфеты возьмите!..

Рита, глянув на Лану, вопросительно пожала плечами: мол, чего делать? Вздохнув, Лана подошла к забору.

ЛАНА. Не приходи сюда больше! Все местечко уже говорит как ты со своей Таней прогуливался по парку. Вон, уже смотрят!

На противоположной стороне улицы, под деревом, собрался небольшой кружок мужчин, наблюдали за игрой в нарды. В какой-то момент стали посматривать в их сторону.

ИЛЬЯ. Это не совсем то, что эти сплетники говорят! Вернее, совсем не то!

ЛАНА. Тебя видела подруга моей мамы!

ИЛЬЯ. Ну, был я с Таней в парке! Но ее подслала...

Илья начал петь, просовывал руки сквозь решетки, но она отбрасывала их и вот запела тоже. Они пели о любви и предательстве, о разлуке. (Дуэт- по горским мотивам).

ЛАНА. Я тебе сказала все! (она пошла к подругам).

ИЛЬЯ (вслед). Я сегодня сватов пошлю! Сам приду! Один! К твоему отцу! Он меня любит!

Лана, стоя к нему спиной, замерла. Рита только пожала плечами, но глянув в сторону забора, рассмеялась.

РИТА. Илюшка, а, кажется, сваты к тебе?..

У ноги парня стоял козел Колдун. Задрав морду на него, не сводил глаз, точно изучал.

ИЛЬЯ (смеявшимся подругам). Колдуна на помощь позвали?

РИТА. Илюшка, а хочешь, чтоб Ланка за тебя пошла?

ИЛЬЯ. Ну, говори...

РИТА. А научи Колдуна по нотам петь! Научишь, тогда и пойдет! (и Лане). Правда, подружка?!

ЛАНА (как бы, безразлично). Ну, разве что по нотам...

Илья, пристально глянув на Риту, перевел глаза на Лану и снова на Риту.

ИЛЬЯ. По нотам?

РИТА.. А как же!

ИЛЬЯ. Отлично! По нотам, так по нотам! Скоро увидимся! (и Черпой). Твой зверюга конфеты жрет?

ЧЕРПОИ. Не все, правда, но попробовать можно. А ну-ка!..

ИЛЬЯ (раскрыв большую красивую коробку.) Пробуй на здоровье!..

Черпои вытянул из ячеек сразу несколько штук, положил одну на зуб. Пожевал. Прикрыл глаза.

ЧЕРПОИ. Ну, да, эти он ест...

Илья, посмеиваясь, поднес к бородатой морде открытую коробку. Козел лизнул по ней лепешистым языком, вкусно захрумкал.

ИЛЬЯ. Жуй, студент, нам вместе работать!..

Подружки во дворе, отвернувшись, смеялись.

ЧЕРПОИ. Илюшка, давай я помогу! (он протянул руку к конфетам).

ИЛЬЯ. Вот ты мне и поможешь! Я заскочу к тебе! Договорились?! (отдав ему коробку, пошел к своей машине).

РИТА (глядя вслед). Может, не надо было так?! Нехорошо как-то получилось.

ЛАНА. Не слышала, сам признался?!..

РИТА. Ну, парень-видный жених. Тут, уже столько слухов понапустили! А Илюшка не плохой.. Чем тебе не

пара?!.. В университете учиться... Адвокатом будет! Родители богатые... Что еще надо?!

ЛАНА. Рита, я хочу закончить колледж! Я хочу писать музыку!

РИТА. А без любви - какая музыка?!.. Тем более, тебе Илюшка нравится...

ЛАНА. «...нравится, не нравится!..». Одни адвокаты кругом! (но уже улыбалась сама)

САЛОН АВТОМОБИЛЯ.

Сев на водительское кресло, Илья откинулся на спинку, пробил по рулю дробь, словно, подтвердил свое хорошее настроение. Посмотрел на сидевшего рядом друга.

ИЛЬЯ. Шурик, ты слышал?..

ШУРИК (совершенно спокойно). Слышал конечно! Почему не слышал?! Хороший шанс, я тебе скажу! Тем более в твоей ситуации!

ИЛЬЯ. Да, какая ситуация?! Катя подслала Таню, чтоб та уговорила меня жениться на Таньке! Ну, мы пошли по парку!..

ШУРИК. Чего ты ворчишь?! Я ему говорю, Илюша, брат мой, тебе хороший шанс сам Бог послал! А он-«жениться-не жениться»! Мамой клянусь! Тем более этот козел Колдун умеет проклинать и все местечко его боится!

ИЛЬЯ. При чем здесь это?

ШУРИК. Какой этот жених глупый! Смотри, если этот Колдун умеет проклинать, значит, умеет благословлять! А раз умеет благословлять, то чего ему стоит по нотам спеть?! Такому козлу по нотам спеть, как морковку скушать!

ИЛЬЯ (рассмеявшись). Ты-голова!

ШУРИК (важно). Шутишь, у меня все деды и прадеды равинами были! (как бы перечисляя). И по маминой стороне, и по папиной стороне! А по дедушкиной, вообще, с обеих сторон! Мамой клянусь, все получится!

ИЛЬЯ. Что-нибудь придумаем! Если еврею сказали-ты должен научиться делать это, еврей должен научиться!

ШУРИК. А иначе не выживем!

ИЛЬЯ. Выживем! Тем более, кажется, я знаю, что делать! Как только они сказали- я сразу увидел!

Впереди по тротуару засемила фигура Черпой, рядом, цокая по тротуару маленькими копытцами, трусил белобородый козел Колдун..

ИЛЬЯ. Шурик, а ты не замечал, как козлы ходят?

ШУРИК. Ты про Черпой что-ли?..

ИЛЬЯ. При чем здесь Черпой? Смотри, как его дракон бежит: копытцами, как каблучками, цок-цок-цок, (и с деланным акцентом). «Как молоденький Девичка, а»?!

ШУРИК. Ага, смотри, мамой клянусь, правда! Э-э, у тебя не только этот дракон запоеет, у тебя он еще и на гармошке заиграет. Приколись, сам по нотам поет, и сам по нотам играет!

Они посмотрели друг на друга, ударив по рукам, рассмеялись.

ШУРИК (глядя в переднее окно на длиннобородого Колдуна и, как бы, перечисляя). Селедку с вареньем ел!.. Коньяк огурцом закусывал!.. Пять километров на лыжах стоял! Но чтоб такие конфеты-козе дарить?!..

ИЛЬЯ. Пустяки! Теперь, если надо, мы ей не только конфеты, мы ей доллары дадим, евро, шекели!

ШУРИК. Правильно говоришь, на что клонет...

Илья запустил мотор, нагнал семенившего по асфальту человечка.

ИЛЬЯ (высунувшись из окна). Черпой, давай садись! Поговорим!

ЧЕРПОИ (с готовностью). Все -твоему сердцу и твоей душе!..

Черпой и Колдун сели на заднее сиденье. Илья поворачивается к Черпой.

ИЛЬЯ. Твой дракон что любит больше всего?

ЧЕРПОИ. Илья, брат мой, ты же видел какой он избалованный! Конфеты импортные любит! Шашлык любит! Водку, сволочь, стаканами жрет!

ИЛЬЯ (нарочито-серьезно). Я тебя понимаю! А пшеницу он ест?

ЧЕРПОИ. Что ему пшеница? Пшеницу ем я!

ИЛЬЯ. Ну и отлично! Вот, купи себе пшеницы, а ему водки и шашлыка!

Он вытянул из пухлой пачки несколько крупную купюр, протянул их Черпой, но Колдун тут как тут-выхватил их из его руки толстыми губами и вкусно зажевал.

ЧЕРПОИ (козлу) Эй! Эй, нечистый, это не морковка! Это деньги! А ну выплони! Выпхни деньги!

Илья и Шурик рассмеялись.

ЧЕРПОИ. Сатана! На что я себе сегодня пшеницу куплю?!

Колдун сжевал свою добычу, посмотрел на Илью и, подняв голову, заблеял. Илья, замерев, вдруг протянул ему еще. Козел прожевал и снова, подняв голову, заголосил.

ИЛЬЯ. Слышали? «До-о»! Молодец Колдун! А теперь сделай – «Ре-е» (сунул колдуну еще купюру).

Козел все повторил: вкусно разжевал купюру, поднял голову, заблеял.

ИЛЬЯ. Слышали- «Ре-е»!

ЧЕРПОИ. Я ж говорю-питание у него хорошее: шашлык, чуду!

ИЛЬЯ. Питание, как раз у него неправильное, поэтому бумагу просит... Но это то, что нам надо! Я примерно на такое рассчитывал. Правда, не с деньгами...

ЧЕРПОИ. Илюшка, слушай сюда, если что, я сам могу все оптом спеть!

ИЛЬЯ. Каким оптом?

ЧЕРПОИ. Ну, «до-ре-ми»...

ИЛЬЯ (смеясь). Октаву, что ли?

ЧЕРПОИ. Я и говорю-оптом!

ИЛЬЯ. Тебе на пшеницу надо, как я понимаю?

ЧЕРПОИ (показав на козла). Ну, ему ж ты на шашлык уже дал...

ИЛЬЯ. Вечером мы к тебе заглянем, будет тебе на все: и на пшеницу, и на овес! (включив зажигание, повернулся Шурику). Сейчас мы их подбросим, а потом в город.

ШУРИК. А в город зачем?

ИЛЬЯ. Нам хороший книжный магазин нужен!.. Теперь у нас все запоют!..

ДВОР ДЕТСАДИКА.

Виктория сидела на своем стуле, прикрыв лицо ладонями, всхлипывала. Лана подошла, пригладила ей висок.

ЛАНА. Ну, чего ты?

ВИКТОРИЯ. Я замуж хочу!

ЛАНА. И все?!

Та подняла на подругу голову, лицо в слезах и со следами растекшейся туши. Но это лишь вызывало симпатию.

ВИКТОРИЯ. А что, этого мало? Я и так уже старуха! (и разревелась больше).

ЛАНА (протянув обе руки). Ну, иди ко мне, маленький, иди...

Виктория поднялась, обняла подругу.

ЛАНА. Пыпечка! Ну, успокоились... Успокоились...

ВИКТОРИЯ. Ланка, я тебя очень люблю!

ЛАНА. И я тебя люблю, и Ритка тебя любит, все тебя любят! Парни тебя тоже любят!

ВИКТОРИЯ. Я тоже вас люблю...

ЛАНА. Скажи, может, кто-то тебе из мальчиков нравится?

ВИКТОРИЯ. Мне многие нравятся! Мне горские ребята нравятся! Но они ж меня не возьмут?!

ЛАНА. Почему не возьмут?!

ВИКТОРИЯ. Я же не горская...

ЛАНА. Глупая! Ты больше горская, чем некоторые другие! Ты в местечке родилась, выросла, твои родители тоже здесь выросли. Вон, и горский язык ты знаешь лучше других.

А горские парни тебя тоже любят. Забыла- многие наши ребята за тобой бегали. Хотя бы тот же Петя...

ВИКТОРИЯ. Петя хороший, только слишком хлипкий. А если я по причине супружеского долга на него лягу?! Он же помнется весь!

ЛАНА (смеясь). Ну, хорошо, а Гришка? Он ведь тоже за тобой бегал?

ВИКТОРИЯ. Гришка-бабник? Полапает, полапает и бросит!

Она запела, на чистом горском, песню «Тэки-тэки».

Виктория закончила петь, подруги рассмеялись,

ЛАНА (как бы нашла). А хочешь мы тебя за иностранного принца отдадим?

ВИКТОРИЯ. А принц возьмет?

ЛАНА. Еще бы-такую пыпечку, такую милую!
Пусть еще радуются!

ВИКТОРИЯ. В принципе можно, лишь бы такой,
чтоб не помялся!

МЕСТЕЧКО. ДОМ АРОНА.

Дом Арона, выходит на улицу тремя окнами. Между домом и соседским забором тянется двор метра три в ширину-достаточно места, чтоб разместить до полусотни гостей. Вот и сегодня здесь накрыт стол, но только обыкновенный, кухонный. Четверо мужчин в парадной форме танкистов сидят за ним: сам хозяин-Арон-худощавый мужчина лет пятидесяти и его трое друзей. У них сегодня особенный день-отмечают очередную годовщину возвращения с афганской войны. Гуляют, вспоминают боевых друзей, самые памятные события. За друзьями ухаживает жена Арона-Дэдэй, горская еврейка с манерами достойной, уважающей себя женщины.

В калитку вошла Лана. Она дочь Арона.

ХАСАН (один из друзей благодарно вскинул руками). Ланушка, дай Бог, чтоб мы на твоей свадьбе гуляли!

ЛАНА. Спасибо дядя Хасан!

ТИМУР (второй из приятелей). Арон, надеюсь к этому времени ты не уедешь в Израиль и мы погуляем на свадьбе нашей дочери еще здесь!

АРОН. Даже если уеду, далеко что ли! Если на козу Черпой сесть, то уже завтра-в Иерусалиме!

Рассмеялись.

Соседом Арона был полный мужчина, его ровесник Исроэль по кличке Чебурк. Их дворы разделял двухметровый, сплошной забор из досок. В нем было отверстие размером с пробку Шампанского, как некий тайный глазок. Сейчас он был нацелен точно на стол друзей. Взгляд Арона случайно попал на него. Глазок был светел, значит ничто его не закрывало.

БОРИС (третий из приятелей Арона). Давайте за наших детей (он наполнил рюмки). Арон, дорогой наш брат! Мы вместе воевали, видели столько, что на десять поколений хватило бы! Но только пусть нашим детям и внукам не пришлось увидеть войны!

ОСТАЛЬНЫЕ. Дай-то Бог!

БОРИС (Арону). Я вот что хочу сказать. Нас (он посмотрел на двух друзей) называют коренными жителями Кавказа и, дай Бог...! Но, в первую очередь, коренными жителями этой великой земли являетесь Выгорские евреи! Горские евреи тысячелетия жили на этой земле! Защищали ее! Поднимали из руин! Вложили в

процветание Кавказа много сил, таланта! Горские евреи очень талантливый народ! Но сейчас вы уезжаете. Честно скажу. Кавказ без вас обеднеет!

ПРИЯТЕЛИ. Это так...

БОРИС (Арону). Наверное, Арон, уедешь и ты. И если ты уедешь, пусть будет благословенной земля, на которой тебе и твоему народу доведется жить!

ВСЕ. Омин!

БОРИС. Но я хочу, чтоб ты знал, когда бы ты не приехал сюда, мы встретим тебя, как самого близкого человека!

ДРУЗЬЯ. Верно! По-другому и быть не может!

АРОН. Я знаю об этом! Спасибо! Но мы пока еще здесь, и пить будем, и гулять будем, и девочек еще любить будем!

Его взгляд невольно потянуло к глазку в заборе. На этот раз он был темный. Что-то закрыло его.

АРОН (громко, хитро подмигнув друзьям). Как вы говорите, все мы коренные! И мой сосед Исроэль-тоже коренной!

Друзья рассмеялись, глазок тут же просветлел.

Исроэль и вправду минуту назад, чуть пригнувшись, наблюдал в глазок за пиршеством в соседском дворе, но, услышав свое имя, тут же, на цыпочках покинул свой наблюдательный пост.

ЦЕНТР МЕСТЕЧКА.

Центром местечка негласно считался магазин, против которого стоял газетный киоск и рядом пятачек-площадка, которая никогда не пустовала. Здесь, обычно, собирались горские мужчины поговорить, посплетничать, посмеяться. Вот и сейчас собрался кружок из пяти-шести человек. Что-то говорили, глазели по сторонам. Мимо прошла горская еврейка, лет сорока, элегантно одетая с зеленым платочком вокруг шеи. Один из круга, в кепке с длинным козырьком, толкнул соседа.

КЕПКА (уважительно). Она?

СОСЕД (с ранней лысиной). Она.

КЕПКА. Правда?

СОСЕД (легко прихлопнув себя по щеке). Этим моим лицом клянусь!

КПЕКА. Да-а!

ДВОР АРОНА. ВЕЧЕРЕЕТ.

Друзья продолжали отмечать свой афганский день. В какой-то момент ударила калитка и во двор вошел

мужчина лет пятидесяти, с брюшком, солидного вида, при галстучке.

АРОН (поднимаясь из-за стола) Арсен, брат мой! Проходи, присоединяйся к нам!

Все шумно поздоровались, видно было, что вошедший со всеми знаком и в добрых отношениях. Из дома вышла Дэдэй с чистой тарелкой, вилкой, рюмкой. Поприветствовала гостя. Наполнили рюмки.

ХАСАН. Скажи нам пару слов...

АРСЕН. Я знал, что вы сегодня будете вместе! Клянусь, я помню этот день, как будто сам с вами воевал! Не из-за этого конечно! (он показал на рюмку). Этого добра всегда найдется....

АРОН (Арсену). Пару дней назад мы хорошо нашли... у него.

Они встретился глазами и расхохотались. Приятели с улыбками подобрались-подготовились услышать новую веселую историю.

АРОН (Арсену). Ну, рассказывай теперь...

АРСЕН. Вот только эту шлепну! Давайте!

Все выпили и с улыбками глянули на него.

АРСЕН (вкусно хрустнув соленным огурчиком). Ну, вот. На прошлой неделе что-то пришло мне в голову купить самогонки. Ну пришло, так пришло, взял я пятилитровую бутыль, принес домой, поставил под навесом, так и забыл про нее. Проходит пару дней, эти клиенты (он кивнул на Арона) человека четыре собрались на углу, стоят, не знают, где бы стаканчика-другого пропустить. (Приятель начал посмеиваться). Ну, вот, тогда один из них говорит Арону: Арон, Арсен твой лучший друг, иди-ка посмотри там... Мой дом, как раз рядом, и знают же, что у меня всегда что-то найдется! Мой лучший друг пошел. Пошел и быстро вышел. Они все замерли: почему так быстро? А он из калитки машет рукой-идите быстрее! Эти понеслись! Заходят во двор, а у меня там длинный стол, а на столе эта пятилитровая бутыль. Там же и летний холодильник, ну все такое. Шлепнули они по стаканчику и вышли на свой угол. Стоят, мучаются, мало по стаканчику. Посмотрели друг на друга и снова к бутылке. Выпили, стало лучше- и снова на свой угол. Опять стоят, маловато, конечно, и снова во двор. Короче, шлепнули они и по третьей, стали снова подниматься, а Арон посмотрел на бутылку и говорит, чего теперь туда-сюда ходить, давайте уже сядем!..

Друзья долго смеялись.

Из дома, с подносом, на котором лежали аккуратно нарезанные ломтики дыни, вышла Лана. Легко сошла со ступенек.

АРСЕН (распахнув руки). Доченька!

ЛАНА. Здравствуйте, дядя Арсен!

АРСЕН (легко поцеловав ее в лоб). Что б на твоей свадьбе гуляли!

ЛАНА. Спасибо! (и отцу). Я к Виктории...

АРОН. Ну, ты недолго...

ЛАНА. Да, да, не беспокойся! (пошла к воротам).

АРСЕН. Не буду скрывать, я ее как родную люблю!
И как не любить такую?!

Работает, в институте учится!

ДРУЗЬЯ. Знаем Ланушку! Чистая девочка!

ХАСАН. Был бы у меня сын такого возраста, не задумываясь породнился!

АРСЕН. А мы и породнимся, скажи, Арон?! Моему сыну, Илюшке, кажется, нравится Лана!

АРОН. Все в руках Бога! Мы ведь и так родственники. (и друзьям). Одну историю расскажу. Дед Арсена, Захар, да упокоится его душа, европейский еврей. Он бежал на Кавказ из России... от сталинских преследований. Женился на горской. Здесь, горские научили Захара выделывать кожу, овчины. Захар так научился, не хуже

самого лучшего мастера выделывал. А когда умер наши некоторые горские охламоны денег ему были должны.

Арсен, смеясь кивал.

АРСЕН. Что говорить, горские евреи много помогали европейским. Особенно во время войны, когда тысячи ашкеназов бежали от фашистов, горские приняли их как родных. От себя отрывали, но все лучшее сначала отдавали ашкеназам. Бывало у человека в семье семь душ детей, а он брал и воспитывал восьмого-ашкеназа.

АРОН. Так и мой дед сделал. Когда он уходил на фронт, маленький бездомный ашкеназский мальчик сидел под забором, Голодный, ободранный. А у деда было пять дочек и сын. Он увидел мальчишку и сказал моей бабке, возьми и воспитай. Сам дед не вернулся, а тот мальчишка, вырос, хорошим стал, на горской женился...

АРСЕН. Да... Война...

В какой-то момент Тимур взял стоявшую у стены гитару, прошелся пальцами по струнам, глянул на Арона: -Ну что, брат, нашу афганку?..

АРОН. Афганку...

И зазвучал его красивый, чуть хриловатый голос. Песню подхватили остальные. Пели о пережитом на войне.

ЦЕНТР МЕСТЕЧКА.

Кружок горских все еще стоял на пяточке. Кто-то уходил, кто-то подходил новый. Один из них кивнул в сторону.

ГОРСКИЙ. Радио идет!

В кружке заулыбались и, как бы, приготовились к новому представлению. Радио, коренастый, мужичек, пожал всем руки.

ГОРСКИЙ. Ну, что слышно?

РАДИО. Сейчас мимо ароновского дома проходил, а там гулянка вовсю!

ВТОРОЙ ГОРСКИЙ. А че, Арон, дочь замуж отдал?

РАДИО. Не-е, к нему кенты пришли, с которыми в Афгане воевал.

ТРЕТИЙ ГОРСКИЙ. Арон говорит- там много горских воевало!

РАДИО. И горских, и бухарских! Специально выбирали, языки похожи, и на лица тоже.

ГОРСКИЙ. Я слышал-у Арона в танке мезуза была!

ЧЕТВЕРТЫЙ (улыбаясь). У него точно будет!

ДВОР АРОНА.

Начало темнеть. Друзья уже были навеселе.
Выпили на посошок.

ХАСАН. Ну что, по местечку пройдемся?

АРОН. Может еще по одной?

БОРИС. Спасибо, брат мой! Теперь уже в следующий раз! Отлично посидели!

ТИМУР. Спасибо тебе за все!

Гостей вышла провожать Дэдэй. Попрощались,
пошли к калитке.

ЦЕНТР МЕСТЕЧКА.

Круг горских все еще не расходился, но только
теперь стояли под светом уличного фонаря.

Один из них кивнул в сторону.

ГОРСКИЙ. А вон они, на правдивое слово!

В метрах тридцати впереди свет ночных фонарей
вылепил четыре фигуры в военной форме. У своих калиток сидели местечковцы и все приветствовали гостей. Видно было, что друзей здесь хорошо знают и любят.

Весело поздоровались с «кружковцами», круг заметно расширился.

РАДИО. Правда, у тебя в танке мезуза была?

АРОН (с серьезным видом). И мезуза, и семисвечник! И даже равин на обрезание приходил!

ПЕРВЫЙ ГОРСКИЙ. Что, серьезно?

АРОН. Я сказал, ты услышал!

ГОРСКИЙ (худощавый, в кепке). А кому обрезание делали?

АРОН. А ты что не слышал про это?

КЕПКА. Не-ет, не слышал...

АРОН. Все слышали, а ты нет. Козлу Черпои обрезание делали.

Кружок покати́л от смеха.

КЕПКА. Ты..скажешь!..

АРОН. Чего «скажешь»?! Почему, ты думаешь, он так проклинать научился?! Вот, например, когда тебе обрезание, ты кричал?

КЕПКА. Все кричали и я кричал!

АРОН. То-то! А здесь коза, да еще в танке!

Смех на пяточке крепчал, притягивая к себе все больше местечковцев...

МЕСТЕЧКО. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

В зале Матвей с женой. Лия смотрит по телевизору какой-то мексиканский сериал, лейтенант чистит пистолет. Перед ним на столе на мягкой тряпице разложены детали. Рядом мобильник.

МАТВЕЙ. Что-то Ариэль не звонит. Наверное опять... девочка. (и озорно глянул на жену). Взял тут недавно одно заявление...

Лейтенант, заметив пристальный подозрительный взгляд жены, понял, что оплошал.

МАТВЕЙ. Да, тут муж и жена поругались..,

ЛИЯ (насмешливо). Ну-ну...

МАТВЕЙ. Чего «ну-ну».. Вон-Ариэль свидетель, его Инка тоже за рулем была. Ариэль ее в роддом отвозил... Клянусь-отвозил!

ЛИЯ. Ну-ну...

МАТВЕЙ. Женщина, ты знаешь скольким девочкам равняется сын?

В эту минуту раздался спасительный для него звонок и он метнулся к висевшему у двери телефону:-У аппарата!

ГОЛОС АРИЭЛЯ (возбужденно). Власть, брат мой, ты знаешь кого Ариэль родил?!

МАТВЕЙ. В любом случае Мальчика!

АРИЭЛЬ. Правильно! Только не пять равняется одному! А один равняется пяти! Ты понял?!

МАТВЕЙ. Сын?!..

АРИЭЛЬ. Сын! Ариэль родил сына!

МАТВЕЙ.Мужчина!

АРИЭЛЬ. Но как я рисковал!..

МАТВЕЙ.Поздравляю, брат мой, от все души поздравляю! Вон моя Лия тоже тебя поздравляет!

АИРЭЛЬ. Спасибо! Скажи, чтоб и у вас мальчик был! Один-равняется пять!

МАТВЕЙ. Обязательно скажу! А как назвали?

АРИЭЛЬ. Асэф назвали! В честь моего дедушки! В Бухаре большой равин был! Ну, теперь всех убью!

И они оба рассмеялись...

АРИЭЛЬ. Матвей, приходи! Обмывать будем!..

МАТВЕЙ. Обязательно приду!

Лейтенант вернулся в зал, глянул на экран.

МАТВЕЙ. Смотри на этого! Ну, точно Ариэль! И носяра такой же, и усы! Только сомбреро нет. Надо Ариэлю какой-нибудь такой сомбреро подарить!

Он с еще большим интересом всмотрелся в экран. Но вдруг поник головой.

ЛИЯ. Ты чего?

МАТВЕЙ (через паузу). Там одна женщина на маму похожа (у него вдруг покатила по щеке слеза). А! (и повернулся к стенке со множеством портретов).

Он стал перед черно-белым фото. С него смотрит красивая горская еврейка. Мама (смахнул слезу). А вот она с отцом.

Снова взглянул на портрет молодых родителей. У мамы на груди цепочка со шестиконечной звездой. Рядом висели старинные, чуть пожелтевшие фотографии деда и бабушки. Дед в горской одежде-черкеске, газыри, высокая папаха. Бабушка тоже в одежде горянки, платок,

длинное платье, пояс. Зазвенел мобильник, лежавший рядом деталями пистолета.

МАТВЕЙ (громко) Я возьму!

ЛИЯ (с усмешкой) Ночная свзистка?..

МАТВЕЙ. У телефона...

А с другого конца провода потек сладкий женский голос.

ГОЛОС (совсем приглушенно). Я очень соскучилась...

МАТВЕЙ. Хорошо. Напишите заявление. Рассмотрим.(отключил телефон).

ЛИЯ. Заявление.. Рассмотрим... Ни стыда, ни совести, уже домой звонят...

МАТВЕЙ. Я официальный человек и могу иметь связь с любой женщиной!

ЛИЯ. Чего?!..

МАТВЕЙ. Я хотел сказать отношения...

ЛИЯ. Да хоть бы уже не выкручивался! Боишься правду сказать?

МАТВЕЙ. Я боюсь?! Власть ничего не боится!

Она длинно глянула, усмехнулась, прошла было мимо, но он попытался привлечь, обнять ее. Лия мягко оттолкнула.

ЛИЯ. Иди, иди! У твоей связистки уже тапки падают! (она прошла в зал).

МАТВЕЙ. Во- первых, в демократической стране тапки могут падать у всех! Во-вторых, мы идем к Ариэлю!

ЛИЯ. Уже поздно. Но он твой друг-ты иди.

МАТВЕЙ. Мужчина!.. Ты меня не жди, сама знаешь-когда у Ариэля, да еще один равняется пяти!..

МЕСТЕЧКО. ДВОР АРИЭЛЯ. ВЕЧЕР.

Во дворе Мефодия праздничный говор: он гуляет с друзьями в честь рождения сына. Мужчины: гордые, солидные горские, говорят умные и образные тосты, пара женщин снуют с закусками- обслуживают мужской стол. Рядом, но за маленьким столиком сидит трио национальных инструментов: зурнист, гармонист и барабанщик. Матвей спешит к столу с подносом, на котором аппетитно сложены шампуры с сочно поджаренным мясом.

А во главе стола сидит, счастливый, но несколько суровый, отец новорожденного сына-Ариэль. Рядом с ним-бородач Жорж.

МАТВЕЙ (бородачу). Жорж, наливай! Шашлыки остынут!

Бокалы наполнились. Лейтенант, стоя возле Ариэля, с достоинством поднял рюмку.

МАТВЕЙ. Братья мои! Мы сегодня собрались в доме нашего великого брата, чтоб отметить радостное событие, которого так ждало все наше местечко! Мальчик!

АРИЭЛЬ (с лукавинкой). Э-э! Местечко ждало другого события!..

МЕСТЕЧКО. ДОМ ИСРОЭЛЯ.

Великолепная южная летняя ночь. Над крыльцом частного дома горит лампочка. Открылась дверь, на крыльце стал полный мужчина в трусах и майке. Это, знакомый нам уже, Исроэль, по кличке-Чебурек. Его двор от двора соседей отделяет деревянный, метра два в высоту, забор. У соседей добротный дом из кирпича. Исроэль всмотрелся в его окна, которые видны поверх забора. Окна темны. И только от лампочки, которая горит над соседским крыльцом, рассеивается тусклый свет. Он прислушался к ночному воздуху. Тишина. Тогда осторожно, на носочках, он прокрался к воротам, где и начинался забор, приложился к нему ухом. Тихо. Довольный, Исроэль расшатал первый столбик забора, вытянул его, передвинул эту часть забора на территорию соседа.

У ног его лежала, заранее приготовленная лопата. Чебурек выкопал ямку, установил в ней столбик. Засыпал, затоптал и, счастливый, поднял голову, и увидел, как прекрасно звездное небо.

КОСМОС.

Безграничные ночные небеса переходят в бескрайние космические просторы. Звезды. Миры. Галактики. Среди россыпи звезд просматривается какое-то плотное кольцо из сотен и сотен огней. Это межпланетная станция-комплекс. Размерами она с пару военных кораблей. Здесь имеется все для длительного жизнеобеспечения: гостиницы для проживания пилотов, крытые стадионы, космодром и конференц зал.

МЕЖПЛАНЕТНАЯ СТАНЦИЯ. КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

Это небольшой, мест на пятьдесят, зал. За столом президиума пять инопланетян. Трое из них одеты в тренировочные костюмы. В зале, как на обычной прессконференции- фотовспышки, движение камер.

Инопланетяне — человекоподобные существа маленького роста, с несколько вытянутыми головами. У трибуны тонкотелый, с маленькими глазками, оратор. Это Старший Инспектор. За президиумом на стене-огромный экран.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР. Уважаемые Галактяне! Не очень-то хороший повод сегодня для нашей встречи.

Объект J-7-40, или, как его называют его обитатели, Земля, находится под угрозой уничтожения. Взгляните.

На засветившемся экране пошли картинки с дымящими в небеса огромными трубами, вот показали беспощадную вырубку лесов, таяли вековые ледники, на морских просторах чернели пятна разлитой нефти.

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР. Мы должны предотвратить уничтожение одного из самых величественных объектов Галактики. Для этой цели мы вынуждены направить наших инспекторов на Землю (он посмотрел на троих пилотов). И если она под угрозой уничтожения, мы будем вынуждены пойти на крайние меры, но спасти J-7-40...

Из зала посыпались вопросы. Инспектор показал на одного из корреспондентов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Господин Старший Инспектор, Вы готовы уничтожить человека?

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР. Если речь идет о спасении такого уникального объекта Галактики, как Земля, то мы готовы на любые решения...

МЕСТЕЧКО. УТРО. ДОМ АРОНА.

Арон вышел на крыльцо своего дома. Он раздет по пояс. Сладко потянулся и вдруг заметил что-то подозри-

тельное в начале двора. Да, так и есть: забор передвинут на его территорию.

АРОН. Месяца еще не прошло!.. Ну, Чебурек!..

Гневно глянув в сторону соседских окон, он сбежал со ступенек, стал расшатывать забор.

ДОМ ИСРОЭЛЯ.

В окне торчит заспанная физиономия Чебурека, на глазах она меняется в гневную: он видел, как из стороны в сторону качается забор, который он передвинул этой ночью. Губы что-то угрожающе зашевелились.

ДОМ АРОНА. Арон потопал на кухню, снял трубку лежавшего на столе телефона, почесал голую грудь. Тут же, рядом, жена нарезала хлеб.

АРОН (в трубку). Это рабби?.. Доброе утро рабби!.. Месяца не прошло? Не прошло!.. Чебурек снова передвинул границу... А что делать... Будем собираться!.. Музыкантов теперь пускай зовет сам... Это не чебурек, это пирожок с яйцами!.. Ну, тогда сбор после молитвы!.. Да жить тебе 120, рабби!..

Арон повернулся к стоявшей сбоку жене Дэдэй и шаловливо ущипнул в щечку.

АРОН. Ты мой стограмчик!.. Ты мой соленый огурчик.

ДЭДЭЙ. Перебьешься! Вон, в синагогу на свой сбор идешь?

АРОН. Как не идти?! Иду!

ДЭДЭЙ. Там тебе все и будет: и стограмчик... и огурчик...

В дверях стала девушка с полотенцем наброшенным на плечо. Это, уже знакомая нам, воспитательница Лана, дочь Арона и Дэдэй..

АРОН. А, доченька моя! Душа моя! Кто тебя больше всех любит?

ЛАНА. Папа.

АРОН. Вот-папа!

Он поцеловал дочь и вышел из кухни.

МЕСТЕЧКО. ДОМ МАТВЕЯ.

Матвей в трико, туфлях подошел к военной форме, висевшей на стуле, снял трико, взялся было за брюки, но сел на постель, посмотрел в сторону двери.

МАТВЕЙ. Лия! (молчание). Женщина!

ЛИЯ (став в дверях). Ну, чего?

МАТВЕЙ (в сердцах, отмахнувшись). Да, ничего! (кивнул в окно). Сейчас появятся!

И вправду в окне показалась физиономия Черпой и рядом возникла морда Колдуна.

ЧЕРПОИ. Власть! Сбор! После молитвы! В синагоге!

МАТВЕЙ. Всех убью!..

Черпой и морду Козла, как водой смыло.

ЦЕНТР МЕСТЕЧКА. БАЗАР.

Центр местечка- магазин на углу, пятачек напротив, где мужчины собираются посплетничать (уже нам знакомый) и в переулке базарчик, где можно купить всякую всячину. Это еще прессцентр. Сюда поступают самые свежие новости и отсюда со скоростью интернета разлетаются по домам.

У Черпой здесь своя торговая «точка», это два каких-нибудь ящика, на одном из которых он выставляет кожаные тапочки своего производства, и второй-на котором он сидит. Торговать ему помогает козел Колдун. В этот утренний час вокруг точки Черпой собрался большой круг продавцов. Те, кажется, позабыли о торговле, смеясь слушали его.

ЧЕРПОИ. ...Говорю вам, он деньги понимает!.. Доллар понимает! Евро понимает!

ТОРГОВЕЦ (с иронией). Вместо тебя я бы его на биржу устроил.

ЧЕРПОИ. А что нам биржа! Он у меня он скоро петь начнет! По нотам!

ВТОРОЙ ТОРГОВЕЦ С ПИДЖАКОМ НА ПРОДАЖУ. Так, тебе можно и на всех торжествах играть: свадьбах, обрезаниях, дай Бог чтоб только одни радости были! И сто музыкантов не надо!

ТРЕТИЙ. Клянусь, правда! Если его козел все чалчалы запоет, никакой зурны не надо!..

ЧЕРПОИ. Я и говорю! Прикинь, мой козел поет, а вы на него деньги бросаете! Он поет, а вы доллары бросаете! Евро! Доллары! Евро!

Смех катил по всему переулку. Даже вечные сплетники на пяточке у магазина стали подтягиваться на этот хохот.

ТОРГОВКА (о хохотавших). Да, не быть их отцу в трауре! Чего только не скажут!

ТОРГОВЕЦ. Нет, сейчас на гармошку деньги не бросают, лучше пускай на биржу идет! Угадал разок- и миллион в кармане! Черпои и тапочки шить не надо!

ЧЕРПОИ. Как скажете, могу его и на биржу пристроить...

ТОРГОВЕЦ. А, пусть он курс доллара скажет: что поднимется, доллар или евро?..

ЧЕРПОИ. На радость твоей душе и сердца-пожалуйста!.. У кого доллар есть?! И евро тоже! А то как он определять будет?!

ГОЛОСА. За такой цирк и пять не жалко!
Считай, Черпои на самогонку дали!

Но вот в руках у него оказалась необходимая валюта, он снял со своего ящика выставленные на продажу тапки, положил на их место две купюры, расправил. Толпа вокруг с улыбками попритихла, смотрели сверху-вниз на маленького, сидевшего на ящике, человека.

ТОРГОВЕЦ С ТУФЛЯМИ НА ПРОДАЖУ (поддевая). Ну, давай, своего маклера!

ЧЕРПОИ (козлу). А ну-ка, уважаемый, скажи людям, что поднимется-доллар или евро?!

Он подтащил козла за ошейничек к ящику. Тот сунул морду к валюте и слизнул евро.

ЧЕРПОИ. Братья мои, видите, он говорит-евро подорожает!

Колдун тем временем, прожевал свою добычу и вдруг, вскинув голову, заблеял.

ЧЕРПОИ. Во-от, теперь он подтверждает-евро! (стянув пятидолларовую с ящика, сунул ее в карман). Биржа временно не работает!

Он быстренько собрал свои тапки в сумку и через секунду семенил меж рядов покупателей и продавцов. Рядом с ним трусила его «биржа». Кажется, хохотало все местечко. Он перешел дорогу, направился к магазину. Впереди показалась группа из трех горских евреенок. В эту же минуту из магазина вышел Арон. Горская из группы, обреченно хлопнула по бедру: впереди в пяти шагах был Черпой с козлом.

ГОРСКАЯ. Шла на рынок, вышла на эту козлиную морду. Кошелек у меня в автобусе и украли. Вот, возвращаюсь и снова на эту рожу попала!

АРОН (открывая пачку сигарет). Да ты еще радуйся, некоторые вообще не вернулись!

МЕЖПЛАНЕТНАЯ СТАНЦИЯ.

Один за другим звучно застегнулись замки на костюмах троих пилотов-инспекторов. На груди у каждого светила бирка: И-1, И-2, И-3.

А вот они одной шеренгой идут к ждущему их космическому аппарату.

Звездолет врзается в космическую мглу.

МЕСТЕЧКО. ДВОР АРОНА.

Из дома один за другим вышли трое стариков- это старейшины горской общины. Они в светских костюмах, но на каждом каракулевые папахи. За ними появился Арон. Сандали, чуть коротковатые брюки, рукава черной рубашки закатаны калачиком, фуражка с длинным козырьком лихо сдвинута на бок.

Старейшины степенно прошли к воротам – туда, где забор был передвинут на «их» сторону, стали молчаливым полукругом, молчаливо-осуждающе покачали головами в папах. Так же молчаливо вышли на улицу.

Минуту спустя точно такая же процессия вышла из дома Израэля. Но только старейшин было четверо. Каракулевые папахи. И вслед за ними толстяк Чебурек. Костюм. Белая рубашка. Широкий красный галстук, но на макушке кипа.

Чинно прошествовали к воротам, у забора, сдвинутого на территорию «противника» стали полукругом, глянув друг на друга согласно покивали: мол, да, справедливость восторжествовала. Так же молчаливо вышли на улицу.

Но тут делегации оказались нос к носу. Посмотрели друга на друга суровыми пронзительными взглядами и пошли по разным тротуарам, для чего делегации Чебурека пришлось перейти на другую сторону улицы.

Так и шли: параллельно, разделенные проезжей частью. Улица утопала в зелени высоких тополей и в свете утреннего солнца.

Проехало несколько машин. Одна из них, сбавив ход, медленно пошла вдоль делегации Арона. Водитель, усатый горский еврей, высунулся в окно.

ВОДИТЕЛЬ. Арон, вы куда, в синагогу?..

АРОН. Что поделаешь?! Ты же знаешь... этих?(он кивнул на делегацию на противоположной стороне).

ВОДИТЕЛЬ (сочувствуя). Да кто их не знает!..

Тут он уводит машину к противоположному тротуару, она медленно идет вдоль делегации Израэля, но теперь уже из пассажирского окна выглядывает другая усатая физиономия.

ПАССАЖИР. Израэль, вы куда, в синагогу?

ИСРАЭЛЬ. Отец мой, брат мой, ты же знаешь этих!..

ПАССАЖИР. А кто их не знает!..

Усатые водитель и пассажир посмотрели друга на друга и машина сорвалась с места.

МЕСТЕЧКО. УЛИЦЫ.

Матвей, уже одетый в свою летнюю полицейскую форму, в форменной фуражке, властной походкой шествует по улице. Сбоку, едва поспевая, и что-то лопоча, семенит маленький человечек Черпои с Колдуном. Про-

хожие с уважением и пониманием приветствуют лейтенанта. Матвей в ответ прикладывается к козырьку форменной фуражки. У ворот стоят горские и с пониманием интересуются.

ГОРСКИЙ. На сбор?

ЛЕЙТЕНАНТ. Так точно.

ВТОРОЙ ГОРСКИЙ. В синагогу?

МАТВЕЙ (с легким вздохом). Люди...

Сзади слышится топот. Лейтенант как бы не обращает на это внимание, но зато оборачивается Черпой и на ходу докладывает.

ЧЕРПОИ. Это Кукуш.. Опять наверное фотоаппарат забыл...

Кукуш-сосед лейтенанта. У него, действительно, нос-кловик, маленькая мордашка. И, видно, потому его так и прозвали. Он поравнялся с Матвеем, но перешел по другую сторону от Черпой и его козла.

КУКУШ. Ты же не боишься Колдуна...

МАТВЕЙ. Я боюсь?! Власть ничего не боится! (и козлу). Рядом!

КУКУШ (восторженно). Вла-ась!

ЛЕЙТЕНАНТ. Опять фотоаппарат забыл?

КУКУШ. Опять...

В эту секунду козел перебежал к нему, но Кукуш тут же переметнулся по другую сторону от лейтенанта...

КОСМОС.

Сквозь засеянный звездами космический мрак проносится Звездолет. Он нацелен в сторону Земли.

ЗВЕЗДОЛЕТ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

Трое пилотов - инопланетян следят за показаниями приборов. Пилот И-1 посмотрел в иллюминатор. Как прекрасна Земля из Космоса!

И-1. А действительно J-7-40 великолепен.

Пилоты И-2 и И-3 посмотрели в его сторону. И-2 перевел глаза на пульт: на одном из приборов с огромной скоростью сменялись цифры.

И-2. Шеф, до входа в атмосферу двадцать грин...

И-1. Принято. Включаю Станцию (он защелкал тумблерами).

Через пару секунд за кадром послышался глуховатый голос Старшего инспектора.

ГОЛОС. Докладывайте...

И-1. До входа в атмосферу десять грин...

ГОЛОС. Разрешаю вход. Следующий доклад сразу - после первого облета объекта. Проверить биоликвидаторы! Будьте готовы к принятию самых экстренных мер.

И-1. Принято, Босс!

ГОЛОС. Удачи!..

МЕСТЕЧКО. УЛИЦЫ.

Делегации старейшин подходили к продуктовому магазину в центре местечка. На пяточке возле телефонной будки собрался кружок из пяти-шести горских. Что-то живо обсуждали. Вдруг один из них подтолкнул соседа и кивнул в сторону: и все повернулись: в метрах двадцати от них, по обоим сторонам улицы, шествовали каракулевые папахи, толстяк в кипе и Арон в кепке с длинным козырьком..

ПЕРВЫЙ ГОРСКИЙ. А что уже месяц прошел?

ВТОРОЙ. А кто их знает?!

ЧЕТВЕРТЫЙ. А че, мне бы так жить! Сейчас поспорят, поспорят, а потом водочки попьют, гармошку и зурну послушают.

ПЯТЫЙ. А че, музыканты уже проходили?

ЧЕТВЕРТЫЙ. Я пока еще не видел, а может они уже там.

Процессия Исраэля поравнялась с этим кружком.

ПЕРВЫЙ (Исраэлю). Пошли? (и тайком ткнул локтем соседа).

ИСРАЭЛЬ. Что делать, выхода другого нет. (кивнул на противоположную сторону, где чинно шествовали каракулевые папахи соперников).

Горские, сдерживая улыбки, отводили в сторону жуликоватые физиономии.

ВТОРОЙ. По рюмочке за нас тоже выйдите!

ИСРАЭЛЬ (прикинувшись простачком). Обязательно выпьем!

Делегация прошла мимо, но на очереди была группа на противоположной стороне.

ВТОРОЙ (через дорогу). Арон, брат мой, бутылочку для нас потом прихвати!

АРОН. Я зачем тебе я, вон тебе коза Черпой своей отольет!

Он кивнул в сторону угла, из-за которого вынырнула борода морда козла Колдуна. Смех катил по все улице

АРОН. Это тебе раз. Второе хочешь скажу?!

Тот еще только думал что ответить, а с кружкауже посыпались задорные возгласы.

КРУЖОК ГОРСКИХ. Арон, да здравствовать тебе, говори второе!

Арон, да жить тебе сто двадцать, говори!

АРОН (второму, тоже громко). Задницу врагу помой, но сам вражеской задницей не становись!

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

И-3 (посмотрев на монитор и потом на И-1). Шеф мы на месте. Первый облет!

И-1 (Вглядываясь на вид Земли на мониторе). А неплохая командировочка.

И-2. Не мешало бы и по одной пульке...

В отсек вошла инопланетянка с подносом, на котором лежали три таблетки. Все трое пилотов-инспекторов приподняли их, как если бы земляне поднимали бокалы с шампанским.

ПИЛОТЫ. За удачу! За удачу! За удачу!

МЕСТЕЧКО.

А вот старейшины Арона подошли к синагоге, вторая группа была на противоположной стороне улицы. Само здание (одноэтажный дом) стояло окнами на улицу, рядом высился железный забор с калиткой. Они вошли во двор.

Повариха Хайке в глубине двора расставляла стулья.

ХАЙКЕ. Пришли?

СТАРЕЙШИНА. Пришли, сестра моя! (Старый известный часовщик, он достал из нагрудного кармана часы-медальон, крышка открылась, зазвенела игрушечная мелодия).

ХАЙКЕ. Хорошо сделали. Я вот вам и стулья приготавливала.

ИСРАЭЛЬ. Душе твоей- радости, здоровью-крепкости!

ХАЙКЕ. И тебе, брат мой!

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

На экране мониторов появилась бравая фигура молодого смуглолицего мужчины в форме полицейского.

Матвей. Он с достоинством шел по улице, чуть позади семенили Кукуш и Черпой с Колдуном.

И-2 (о Матвее). Похоже, он у них за Старшего Инспектора.

И-1 Может быть... может быть...

ПЯТАЧЕК У МАГАЗИНА.

Кружок горских все еще продолжал свои обсуждения.

МАНАШИР. Вчера же похороны были. Бедняга Арчи. Сколько людей пришло!

ВТОРОЙ. Мы там были...

МАНАШИР. Я покойного два дня назад видел, как будто он умер...

ИСАЙ. В прошлом году ты и Василя видел, как он умер.

МАНАШИР (с важным видом). Да здравствовать всем нам! Я и в позапрошлом году Бориса видел...

САВЕЛЯ (заикаясь). Ев-вреи, не д-давайте э-э-тому... сп-пать, он нас все-ех в гроб загонит!..

ДВОР СИНАГОГИ.

Под навесом старейшины в папахх решают территориальный спор. Они сидят против друга: четыре стула для одной стороны и в метрах трех напротив- четыре стула для другой стороны. Рабби в черной, с проседью бородке, стоит в «торце» этих двух рядов. Сзади, припав к столу, стоит Матвей. Черпои привязывает козла к забору. Кукуш наводит фотоаппарат на Матвея. Виновники спора Исроэль и Арон прохаживаются за спинами своих представителей. В глубине навеса стоит длинный стол, пока на нем несколько бутылок воды. Арон надвинул кепку на лоб.

АРОН. Да эта земля была еще моего прадеда. Четыре квартала: от Кузнечной и до Речной. Там еще только одни сады были!

ИСРАЭЛЬ. Правильно! Но потом кто эти дворы выкупил?! Мой дед выкупил! Скажи Овром, ты все знаешь! (он стал над головой старейшины).

ОВРОМ (выдержав паузу). Да, это правда! Я лично сам видел эти документы.

СТАРЕЙШИНА. Мы хорошо знаем, кто и как и за сколько делал эти документы!

ОВРОМ. Не будем кипеть, евреи!.. У меня свидетель есть! Он сейчас будет здесь!

ЛЕЙТЕНАНТ. Господа, соблюдайте субординацию!

ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИН. Субординация-мубордация! И где такие слова берет?!

Старейшина с часами открыл крышку часов. Зазвела игрушечная мелодия.

СОСЕД. Сколько времени?

ЧАСОВЩИК. Что-то в этот раз долго...

Но вот звякнула калитка и двору пошел звук шаркающих шагов.

ОВРОМ. Вот и свидетель!

Свидетелем оказался древний старичек с тросточкой, в желтой соломенной шляпе.

АРОН (усмехнувшись) Этот свидетель имя свое хотя бы помнит?

Из домика-кухни появилась Хайке с тарелкой нарезанного хлеба, передала ее Матвею. Тот поставила ее на стол.

ОВРОМ. Наш свидетель все помнит. И справки и все печати! Он сам печать!

Хайке понесла старичку стул.

АРОН. Хайке, а ну посмотри, есть ли у него печать?

ХАЙКЕ. Там не только печати, там уже и штампи-ком не пахнет!

ЧАСОВЩИК. Рабби, заводи часы!..

РАББИ. Братья мои, с сегодняшнего дня я объяв-ляю мараторий...

СТАРЕЙШИНА. Мараторий-шараторий... Откуда слова такие берут!

Звякнула калитка и во дворе появилось трио известных на весь Кавказ музыкантов: гармонист, зур-нист и барабанщик.

Под навесом облегченно зашумели, загомонили.

РАББИ. Короче, без всякого маратория, даю ровно месяц. Если в течении месяца, кто-то передвинет границу тогда... (тут он обернулся на Матвея).

МАТВЕЙ. Тогда придем прямо домой, со всей общиной! Расходы будут!..

ГОЛОСА. Правильно, Власть! Да жить тебе сто двадцать! Власть есть Власть!

Хайке уже накрывала стол, враждующие стороны пожали друг другу руки, Арон и Исроэль сели рядом. В торце стола разместилось горское трио: гармонь, зурна и барабан. Полились мелодичные, берущие за душу, горские песни.

В противоположном торце сидели Матвей и Черпой. Хайке вывела старичка-свидетеля в центр двора и под веселый смех и свист станцевала с ним лезгинку.

ИСРАЭЛЬ (захмелев). Арон, брат мой, да зачем мне эта земля, что я эту землю в могилу с собой заберу что ли?

АРОН. Правильно, кто в лес дрова возит?!

ИСРАЭЛЬ. Да-а, верно говоришь... Арон, брат мой, я что-то тебя на похоронах Арчи не видел. Не смог прийти что ли?

АРОН. Не смог... Ну, я не пришел на его похороны, пускай и он на мои не приходит!

ИСРАЭЛЬ. Обнимемся!

АРОН. Только осторожно, а то пьяницы не поймут!

Поднялся лейтенант, в руке рюмка с водкой.

МАТВЕЙ. Братья мои! (все притихли). Я хочу сказать про границы. Нет, не про те государственные границы, которые я-Ваш брат, ваша власть защищал, когда еще служил в армии и получил вражескую пулю (он

показал пальцем на шрам у виска). Мы уважаем все границы! И ваши тоже, Израэль и Арон! Но я хочу, евреи, поднять этот прекрасный бокал с этим прекрасным напитком, в этом прекрасном месте, с этими прекрасными людьми за слово «Граница»! Пусть граница будет только для того, что бы можно было сказать: Да здравствует безграничная любовь, господа! О шори иму!

ГОЛОСА СТАРЕЙШИИ. Молодец! Красиво сказал! Мужчина!

МАТВЕЙ (чуть скосившись на Черпой). Как я?

ЧЕРПОИ (вскинув большим пальцем). Красавчик!

На все местечко звучало горское трио.

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

На экранах инопланетян проплывали величественные дворцы и небоскребы.

И-1.(как бы требуя отчета) Местонахождение...

И-2.Мы над крупной в Северной Америке страной. Город Нью-Йорк. В свое время сюда сбежались представители почти всех особей объекта J-7-40.

И-1 (приказав). Крупный план!

И-3.Крупный план, бос...

На экранах появился молодой мужчина лет двадцати семи. Он идет по шумной улице Манхетена. Это Марк.

И-2. Шеф, у нас кажется проблемы!

И-1. В чем дело?

И-1 (кивнув на экран). Взгляните на эту особь...

И-1. И?..

И-2. Мы только что видели эту особь, но на совершенно другой территории. Или у нас изменилась скорость, или...

И-1. Или?..

И-2. Нет, такого быть не может.

И-3 (читая по своему экрану). Этот феномен называется «двойники». Это разные особи, но очень сильно похожие друг на друга... Вообще все эти биомашинны изначально произошли от шести особей женского пола. У них, возможно, был один осеменитель. А вот цифра: 99,9 процентов ДНК у всех людей одинаковы! Так что никакой мистики...

Для сравнения на экраны вернули портрет Матвея. Парень шедший по Манхетену был как капля воды похож на него.

И-3. Потрясающий феномен.

МАНХЕТЕН.

Марк надел рубашку, но не заправив ее в брюки, сел на софу, откинулся на спинку... С минуту сидел не двигаясь, а в памяти невольно возникла ссора со своей девушкой. Несколько дней назад, на вечеринке в ресторане, Тереза, и это заметили другие, стала уделять одному из гостей особенное внимание. Стив, так звали того прыща, все чаще обращался только к ней, подливал водки и, вконец, Тереза, кажется, забыла обо всех. Марк, решив вытащить ее из-за стола, пригласил на танец, та послала Стиву многозначительный взгляд: дескать, что подделаешь, а он, Марк, уже танцуя с Терезой, отчитал ее. Она залепила ему звучную пощечину, которая, показавшись, заглушила грохотавшую в зале музыку. Насмешливые взгляды в его сторону и сейчас кромсали душу...

В комнату вошла приятная женщина лет пятидесяти, мать Марка, Кэтрин. Она пристально глянула.

КЭТРИН. На работу?

МАРК. А куда еще!?

КЭТРИН. Хорошо... захочешь-скажешь... (и как бы ничего не случилось).

Слышал, про ограбление... Коллекционера одного обокрали. Одна картина под пятьдесят миллионов...

МАРК.Когда-нибудь всех грабят...

КЭТРИН. Ладно ...

Она шагнула к раскрытой двери, а выходя, на секунду оглянулась. Марк, словно чувствуя этот взгляд, отвернулся в сторону окна...

МАНХЕТЕН. УЛИЦА.

По шумной улице шла патрульная машина. В салоне два полицейских. Им лет по тридцать: белый-Симон и, сидевший за рулем, черный-Пит. За окнами проплывали нескончаемые вывески и богатые витрины магазинов.

ПИТ. Заглянем к Маэстро?..

СИМОН.Давай заглянем...

Через минуту патрульная машина остановилась напротив парикмахерской. Полицейские в своей неторопливой манере вышли из машины, осмотрелись, словно проверили все ли вокруг в порядке и направились к двери. А вот один за другим вошли во внутрь. Это был небольшой салон на два кресла. В глубине находилась каморка, отгороженная ширмой.. В этот день работал один мастер, которым оказался Марк, тот самый двойник Матвея. Сейчас он ловко стрекотал ножницами над головой клиента. В салоне находились еще двое- приятели Марка: за столиком попивал чай худенький китаец Конфуций , второй-коротышка Джозеф-закинув ногу на ногу,

лениво наблюдал за работой Марка. Полицейские приветски поздоровались, устроились на стульях, стоявших вдоль стенки. Черный кап Пит вытянул ноги и с блаженством вздохнул.

ПИТ. Хорошо!

ДЖОЗЕФ (полицейским). Господа капы, слышали какое ограбление было?..

КЛИЕНТ (из-под рук Марка) Ограбление?..

ДЖОЗЕФ. Вот смотрите... (он взял лежавшую у зеркала газету, начал читать).

Вчера вечером было совершенно дерзкое ограбление известного коллекционера... Среди множества вещей пропала картина выдающегося мастера Модуличчи, оцениваемая в тридцать миллионов долларов... Грабители, по всей видимости, не очень разбираются в предметах искусства, потому как на ряду с другими драгоценностями взяли муляжи-копии бриллиантовых колец, сережек и подвесок...

КЛИЕНТ. У этого коллекционера, наверное, волосы на заднице задымили...

МАРК. Так, у каждого бы задымили.

ДЖОЗЕФ (сбросив газету на столик). А хороший вечерок намечается.... На пляж бы не мешало (и он глянул на Марка). Как, Маэстро?..

МАРК (оглянувшись на китайца). Как скажет Конфуций...

Головы дружно повернулись в сторону китайца.

КОНФУЦИЙ (как бы согласившись). Силовека... Висирок... Пизеси...

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

На экранах инопланетян Горское местечко. Командир корабля внимательно всматривается в смуглые усыатые физиономии горских.

И-1 (И- третьему) Что за «носы»?..

И-3. Это южный народ...

И-1 (глядя на те же усыатые, смуглые физиономии). А они, видно, оригиналы...

МЕСТЕЧКО. ВЕЧЕР.

Вечером горские любят выйти на улицу, посидеть у своих калиток. А кто-то выносит маленькие столики, там чай, овощи, да все чего душа пожелает.

По улице идет Арон, кепка с длинным козырьком, съехала на затылок. Он навеселе. Идет по центру проез-

жей части дороги. Горские от своих калиток весело машут ему, и все приглашают к себе. А вот он проходит мимо знакомых, которые сидят за маленьким чайным столиком.

ЗНАКОМЫЕ. Арон, давай к нам! Вот чаек есть, вареных яиц поедим.

АРОН. Какие там яйца, я только жаренного хрена отведал!

Кажется смеялась вся улица.

ЗНАКОМЫЕ. А как на счет стаканчика самогона?

АРОН. Так это можно и без яиц!

Один знакомых толкнул сидевшую рядом женщину, та быстро кивнула и забежала во двор, скоро вышла с бутылкой . Налили. Арон снял кепку, поднял стакан..

АРОН. Ну, чтоб горе не потекло туда, куда это сейчас пойдет! (прихлопнув стаканчик, хорошо крикнул).

А потом попросили его спеть.

АРОН (нарочито вздохнув). Вы разве просто так нальете... Вам до меня что ли? Может быть, когда сдохну, принесете десяток яиц на поминки, да и то сами их и сожжете.

Снова хохотала улица, но вот зазвучал красивый, чуть хрипловатый голос Арона:

Над Кубанью солнце догорало,
Осыпаясь золотом кругом.
Девушка казачка молодая
Расставалась с другом-казаком...

МЕСТЕЧКО. СТЕМНЕЛО.

Лана ведет под руку выпившего отца. Люди, посмеиваясь, смотрят вслед. Кто - сочувствующе проронил:-Тюрьма людей ломает, что тогда говорить про войну!

Но вот они подошли к калитке. Арон высвободился из руки дочери.

АРОН (хмельно). Тебе стыдно за своего папу? Не обращай на них внимания! Они просто все завидуют, что у меня такая красивая дочь! Ты ведь у меня, что?- и днем работаешь, и вечером в институт ходишь! Ты самая красивая, среди всех этих обезьян!

ЛАНА (еще, секунду назад грустная, улыбнулась). Получается, что я... обезьяна?

АРОН. Ты-княгиня- Лана! Это говорю я-ветеран афганской войны-Арон!

Она помогла отцу войти в калитку.

ЛАНА. Папа, ты же хороший, ты же столько пережил! Ну, не пей пожалуйста!

АРОН. Все, с завтрашнего дня-ни грамма!

МЕСТЕЧКО. ДОМ ЧЕРПОИ.

В небольшой кухоньке собрались Илья, его друг Шурик Черпой и у его ноги лежит Колдун.

ИЛЬЯ (Шурику). Давай.

ШУРИК (доставая из пакета). Этот коньяк твоему дракону, эти шашлыки тоже ему, а это (достав из кармана деньги). Тебе на пшеницу и овес.

ИЛЬЯ (аккуратно положив тонкую книжицу на стол). А это самое главное!

Заглавие книжки гласило- НОТЫ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ.

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

С иллюминаторов на землю открывается прекрасный вид. Но сейчас экранх мониторов виден склон горы, охваченный пламенем. Огонь на огромной территории.

И-2-ЗЛОЙ. Кажется нам придется потрудиться...

Начальник экспедиции И-1 искоса недобро глянул на него. Затем перевел взгляд на И-3. Они, кажется, оба недолюбливали И-2. Тот, словно почувствовав эти взгляды, вопросительно глянул то на одного, то на другого. М-1 и М-3 отвернулись...

МЕСТЕЧКО. ДВОР АРИЭЛЯ. ВЕЧЕР.

За большим столом сидят друзья Ариэля. Гуляют.

БОРОДАЧ ЖОРЖ (хмельно). Дорогой наш брат Ариэль. Сегодня второй Великий день в твоей жизни. Твоему сыну Асэфу исполнилось два дня! Мы гуляем второй день! Надо будет-будем гулять и три! И четыре! Но дай Бог скоро-на обрезании!

ВСЕ. Омин!

АРИЭЛЬ (уже на веселе). А то - что было?! Как ни придешь домой, а дома везде одни бюстгалтеры (и с отчаянием) Бюстгалтеры!.. Бюстгалтеры!.. Как я разозлился!.. И тогда-сын! Вот оказывается в чем секрет! С женщиной по другому нельзя! Разозлиться надо! А иначе-сплошные эти!(он изобразил бюстгалтер). Колпачки! Колпачки!

ЛЕЙТЕНАНТ. Молодец Ариэль! Ты настоящий мужчина! (и друзьям). Но как он рисковал! (и тихо, склонившись к нему). Ариэль, мне тут одно заявление надо принять... Сам знаешь.

АРИЭЛЬ (серьезно). Связистка?..

МАТВЕЙ. Ну, сам знаешь. Ты позвони моей, скажи, что у я тебя! Пусть не беспокоится! Тебе поверит!

АРИЭЛЬ. Мне, конечно, поверит! (он взял свой спутниковый телефон). Ало! Лия? Власть у меня! Беспокоится! Говорит позвони моей... Великое дело этот любовь!.. Держусь на связи!

И потом снова звучала горская музыка...

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

ПИЛОТ И-3 (снова выловил на экране совмещенную картинку-Матвей и Марк). А симпатичные эти ребята! Но как похожи! (глянув на И-1). Шеф, а жалко, если мы их всех подпалим... Неплохие парни. И как похожи!.. Пускай себе размножаются!

И-2-ЗЛОЙ (с неприязнью). Эти «похожие» лучший объект Галактики изуродовали. Все в огне! Природа задушена!.. Только и подпалить!...

И-1 (об И-2). Откуда... столько ненависти?!..

И-3 (воодушевленно И-первому). Шеф, есть идея! Разреши?..

И-1.Выкладывай...

И-3.Смотри. Они похожи, как две капли воды. Похожи? Похожи! Давай дадим им шанс!

И-1.То есть...

И-3. А просто: поменяем их местами!.. Таким образом каждый окажется в чужой среде! Если все закончится хорошо, значит они не так безнадежны!.. Ведь так похожи! Я ж говорю: 99, 9 процентов ДНК у всех людей одинаковы!..

И-2-ЗЛОЙ.Я, лично, в такие авантюры не ввязываюсь! И вообще нужно доложить Центру о плачевном состоянии объекта!

И-1 (передернув И-второго). Подпалить... доложить... (и через паузу). Хорошо... Ответственность беру на себя! Дадим им шанс... Если они уж так похожи!

И-3.Спасибо Шеф! Операция предлагаю назвать «ЗВЕЗДНЫЙ ШАНС». Все будет прекрасно шеф!

И-2-ЗЛОЙ.Ничего прекрасного тут быть не может! (и неожиданно предложил пари). Ставлю три пульки!

И-3.Принимаю!..

И-1.Что ж, подготовиться к операции!..

И-3.Слушаю, босс!

И-2-ЗЛОЙ (ухмыльнувшись). Принято...

И-1. «Звездному Шансу»-старт!..

МАНХЕТЕН. УЛИЦА.

Марк вышел из своей парикмахерской, замкнул дверь и стащил вниз загрохотавшие железные жалюзи. Рядом, с таким же грохотом опустилось еще одно жалюзи: хозяин бизнеса, невысокий мужчина лет пятидесяти в хасидской одежде, с висюльками-пейсами на висках. Он тоже закрывал свою швейную мастерскую.

СОЛОМОН (Марку). Финито?!..

МАРК.Финито, Соломон!

Напротив мастерской припарковался старенький «Линкольн» и из него выпрыгнули две девочки и два мальчика лет четырех-пяти. Они завозились возле Соломона: кто-то дергал его за рукав пиджака, кто-то за штаны. Тот, глянув на Марка, нарочито пожал плечами.

МАРК (понимающе). Внуки!

СОЛОМОН (кивнул, достал из кармана свисток). Момент!

Дети притихли, подняли на него головы. Ожидание. Соломон вдруг пронзительно просвистел, в секунду превратившись мальчишку-толстячка рванул к машине.

Дети наперегонки бросились следом, опережая друга друга втиснулись в салон.

Марк наблюдал за всем этим с улыбкой, но через некоторое время погрузился: ему снова вспомнилась ссора с со своей девушкой в ресторане. Он глянул на часы. Они стояли. Он снял их, потряс, но секундная стрелка так и не сдвинулась. Тогда он с силой шваркнул их о тротуар и вдогонку ударил ногой по развалившемуся корпусу.

Вздыхнув, глядя под ноги, попер на красный свет светофора. Какая-то легковушка, пронзительно сигналила, обогнула его. Он медленно пошел по тротуару. Впереди от телефона-автомата отошла девушка с записной книжкой. Марку снова вспомнилась ссора с Терезой. Он в раздумье достал мобильник, но помедлив, сунул в карман. Снова пошел по улице. Вывеска пивбара остановила его. Толкнул дверь...

В пивбаре приглушенный свет, три - четыре посетителя. Марк сидит за стойкой, разговаривает с соседом, отхлебнул пива.

СОСЕД.А красивая была?..

МАРК.Красивые женщины, как записные книжки...

СОСЕД.А ты философ...

МАРК.Конфуций - философ... Я парикмахер (достав визитку). Заходи...

Он выпел из бара. Манхетен в огне реклам и фонарей. Маэстро побрел по улице. Но вот снова достал мобильник, поколебавшись, все же решился-набрал номер. Первый гудок, второй... Трубку подняли и послышался хмельной таящий голосок. Женщина обращалась к тому, кто сейчас был с ней.

ТЕРЕЗА. Стив, опять этот идиот! Скажи ему, что я теперь твоя! Твоя и навеки!

ГОЛОС. А ну-ка дай мне его! Эй! Ты еще там, болван?

МАРК. Да, постригал я тебя!..

ГОЛОС. Что?

МАРК. И брил тоже! (отключив телефон, он глубоко вздохнул). Да шли бы все!..

МЕСТЕЧКО. СПАЛЬНЯ ЛАНЫ. НОЧЬ.

Лана в постели, по маленькой комнате растекается слабый свет ночника. Девушка с минуту полежала с открытыми глазами и потом в темной ночной рубашке подошла к окну. Отодвинула занавеску и заворуженно замерла: в ночном небе передвигалось кольцо ярких огней. За кадром зазвучала песня молодой горянки, мечтающей о своем принце. Пела Лана.

МЕСТЕЧКО. ДОМ МАТВЕЯ.

В спальне горит ночник, в его свете настенные часы показали четыре утра. Лия посмотрела на постель рядом. Так же нетронута. Вспомнился телефонный разговор с Ариэлем. « Матвей у меня, не беспокойся.» Она встала надела халат, прошла на кухню. Ходила по затихшему дому, как тень.

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ.

На столе лежат две прозрачные «ракеты-капсулы», в них запакованы два мужских тела.

И-3. А, все-же, потрясающее сходство!

И-1. Пуск по объектам!

Две капсулы выскользнули из корабля и полетели в разные стороны.

Одна из них, словно комета, пронзила светлеющие небеса, опустилась

на реке возле Местечка. Русло реки широкое, метров на сто, каменистое, измеленное и по ней течет несколько мелких «речушек». Капсула коснулась камней, легко, словно пена, лопнула, растворилась в воздухе, оставив на камнях, обнаженное тело. Марк. На нем лишь были трусы.

МЕСТЕЧКО. ДОМ МАТВЕЯ.

Лия оторвала голову от подушки.— настенные часы показали пять. Снова шаги -из комнаты в комнату.

Шесть. Женская фигура по-прежнему плывет по дому, словно та же тень. За окном стали слышны первые голоса, шум проезжающих машин. Местечко проснулось. Она подошла к висевшему на стенке телефону, сняла трубку, но, постояв в нерешительности, снова повесила...

МЕСТЕЧКО. РЕКА.

Двое парней, лет по семнадцати, ловят рыбу на марлю. Растянув ее, как транспарант, нагнувшись к воде, нижней частью тащут марлю по дну.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Поднимаем?..

ВТОРОЙ (обритый налысо). Еще немного. Вон, до того камня.

Он кивнул метров за пять вперед и они вдруг оба замерли. На гальке лежал, обнаженный до трусов, мужчина.

ПЕРВЫЙ (с усмешкой). Загорает что ли?

Они снова переглянулись. Выпрямились, марля осталась в руках лысого.

ЛЫСЫЙ. Пойдем посмотри что-ли?

Они, осторожно ступая по камням, пошли к неожиданной «находке». Приближаясь, замедлили шаг.

ПЕРВЫЙ. Ну и рыбка попалась!..

ЛЫСЫЙ (уже стоя над телом). Так это же наш лейтенант!

ПЕРВЫЙ. Чешем отсюда!

ЛЫСЫЙ. А может живой? (он опустился на колени, приложился ухом к области сердца). Вроде живой... Эй! Ты живой?! (потормошив за плечо). Лейтенант!

ПЕРВЫЙ. Говорю тебе-чесать надо! Пока полиция не налетела! И одежды его нет!

ЛЫСЫЙ. Он живой!

ПЕРВЫЙ. Тем более, потом проблем не оберешься!

ЛЫСЫЙ (снова потормошив). Лейтенант!

«ЛЕЙТЕНАНТ» (открыв глаза и увидев над собой лысого, на английском). Стриг я тебя!.. (и снова закрыл глаза).

ЛЫСЫЙ. Смотри очухался!

Он быстро набрал в пригорошнь воды и брызнул на него.

«ЛЕЙТЕНАНТ» (снова открыв глаза и на английском). И брил тоже!..

ЛЫСЫЙ. Бредит! Давай, несем!

ПЕРВЫЙ (кивнув на себя). Так, гольшом?!

ЛЫСЫЙ. Давай, давай, каждая секунда дорога!

Они подняли тело: Лысый схватил за подмышки, Первый за ноги. Пошли по воде и камням. До берега было метров пятьдесят...

ДОМ МАТВЕЯ.

Лия надела платье, туфли, вышла из дома, походила по двору, но вот с улицы донесся какой-то шум. Она замерла, тревожно заколотило сердце. Лия быстро пошла к калитке, вышла на улицу. По улице бежал Черпой, рядом трусил Колдун. Черпой что-то крикнул мужчине, выглядывавшему из окна автомобиля.

Машина понеслась по улице. Черпой на секунду приостановился возле Лии.

ЧЕРПОИ (тяжело выдыхая). Там лейтенант! На речке! Пока живой! Я побежал!

ЛИЯ. Что?!...(и сама побежала следом).

РЕЧКА.

Лысому и Первому оставалось перейти еще один мелкий рукав, как они увидели группу горских, бежавших к ним. Впереди Черпой с козлом, за ним молодая женщина. Лия.

ЛИЯ (увидев, как двое несли безжизненное тело).
Матвей!.. Не-ет!.. Матвей!

Туфли спасли с ее ног, не замечая острых камней, она бросилась перебегать речушку, но споткнулась, упала лицом в воду, волосы растрепались, она вся промокла, но вот выкарабкалась из воды, на ходу утирая слепящиеся от воды глаза, метнулась к «мужу».

ЛИЯ. Матвей!

Лысый и первый опустили тело на камни. Лия бросилась на колени возле него.

ЛИЯ. Матвей! Что с тобой?! Что с ним?!

«Муж» не дышал, она приложилась ухом к его груди. Толпа сзади уже окружала их.

А по улицам местечка неслась карета «Скорой».

Тело дружной толпой вынесли на берег, положили на асфальт, Лия села на бордюры, положила голову «мужа» на колени. Рыдала, пряди мокрых волос залепили лицо, шею.

Но вот рядом затормозила «Скорая», врач прощупал пульс, раскрыл пальцами веки.

ВРАЧ. Живой. В машину! Скорее!

ЛЫСЫЙ и ПЕРВЫЙ (в сторонке, окруженные толпой). тащим мы марлю, а там-как мертвец!..

Лия запрыгнула в машину вслед за носилками и карета «Скорой» помчалась в обратную сторону- в больницу.

Врач подключил Марка к аппаратуре.

ВРАЧ. Сердце работает нормально, давление отличное! Странно!

ЛИЯ (держа руку «мужа»). Родной мой, потерпи! У тебя все хорошо! Открой глаза! Ну, открой! Здесь я-твоя Лия! Матвей!..

МЕСТЕЧКО.

Все Местечко взбудоражено, как растревоженный улей. На улицах возбужденно переговариваются мужчины и женщины.

ЖЕНЩИНА В ТЕМНОМ ПЛАТКЕ. Это ему отомстили за то, что поймал бандита. Недавно на Миру напали грабителя, а он поймал одного! Так они поклялись отомстить! Вот отомстили!

МУЖЧИНА. То, что поймал, конечно, молодец! Но как горский может быть полицейским,?!

ВТОРОЙ. Тоже правильно! Шил бы себе шапки, шкурки-мурки выделявал!

ТРЕТИЙ. Чего правильно?! Вон в Америке наши ребята кем только не работают! И полицейскими тоже! И в Израиле тоже!

ВТОРОЙ. Так это где, а это где?!... Там надо бандитов сажать, а здесь надо с бандитами дружить! А лейтенант не хочет дружить!

ЖЕНЩИНА (сопережеваяюще). Дай Бог ему, чтобы только выжил!

МУЖЧИНА. Надо в больницу ехать! Поддержать человека надо!

Он быстро пошел к стоявшей недалеко машине.

МЕСТЕЧКОВЕЦ. Я тоже с тобой.

ВТОРОЙ. Меня тоже возьмите!

В это же время в Местечке открывались ворота, выезжали автомобили и загулял слухок: Власть без сознания!

ДОМ АРИЭЛЯ.

Ариэль с женой в большом светлом зале. Рядом жена, знакомая нам Инна, подает ему рубашку, Ариэль торопливо всовывает руки в рукава, затем Инна подает жилетку, и наконец сама надевает ему бухарскую кипутюбительку. В пару шагов стоит детская кроватка. В ней спит малыш. Ариэль стал над ней.

АРИЭЛЬ (строго). Мальчик что-нибудь кушал?

ИННА. Этот мальчик только и делает, что держит сиську!

АРИЭЛЬ. Точно копия его папа свой!

ИННА. Вот балда!

АРИЭЛЬ. А-а, влюбилась опять!..

СВЕТА (с нарочитым вздохом и улыбкой). Так, где еще такого найдешь?

АРИЭЛЬ. Я-Бухарский дядюшка! Теперь ухожу! Все!

Он чмокнул жену в лоб, через минуту его машина выехала из ворот и быстро пошла по улице. На одном из перекрестков стоял Петро, отец Виктории. Ариэль подобрал его.

АРИЭЛЬ. Сначала к одному домой заскочу. Может пригодится!

И вот машина припарковалась напротив дома с двумя окнами. Ариэль быстро вошел в калитку. На пороге стояла блондинка в легком халате.

АРИЭЛЬ. Когда закончился связь?! Рано или нормально, как всегда?!

БЛОНДИНКА (со слезами). Он рано ушел! Три час ночи было, только!

АРИЭЛЬ (в раздумье). Концептуально!..

БЛОНДИНКА. Я хочу быть там!

АРИЭЛЬ. А куда ты забросишь его законный жену?! Ай, йя, яй!

Тем временем при выезде из местечка в город стихийно организовался эскорт из десятка автомобилей. В салонах старейшины в папах, суровые лица.

СТАРЕЙШИНА. Настоящий мужчина был!

ВТОРОЙ. Как его бедный отец! Да будет ему вечный покой.

ВОДИТЕЛЬ (глядя в зеркало обзора). Кому?

ВТОРОЙ. Дорогу не зевай!..

В другой машине женщины в косынках. Вздохи.

ЖЕНЩИНА. Хоть бы ничего не случилось!..

ВТОРАЯ. Бог ему в помощь!

Кортеж проезжает по улицам города. Останавливаются прохожие.

ПРОХОЖИЙ. Наверное еще один горский в Израиль едет!

ЖЕНЩИНА. Наверное богатый какой-нибудь!..

ПОЖИЛОЙ. Да у них и бедных не мало! Как и у нас!

МУЖЧИНА. Да-а, евреи уезжают, жди беды!

ВТОРОЙ МУЖЧИНА-ИЗ КОРЕННЫХ. Еврей, как речка: речка чистый-еврей-рыбка водится! Речка грязный-еврей не водится!

ПЕРВЫЙ. А причем здесь рыбка?..

ВТОРОЙ. А что, еврей - рыбка быть не может?!..
Ан-ти-семит!

ПОЖИЛОЙ (с раздражением, как бы передергивая). «...бей жидов спасай Россию! Бей жидов спасай Россию! Ну вот, жидов побили, а Россию не спасли!..»

Эскорт машин вслед за «Скорой» въехал на площадку перед зданием «Скорой помощи». У входа в здание уже стояла группа людей в белых халатах. Носилки с «лейтенантом» выкатили из машины, быстро подкатили к зданию. Рядом бежала Лия, не отпуская руки «мужа». Каталку по лифту подняли на второй этаж. Вот выехали в коридор. Во время движения со своим фотоаппаратом вокруг сновал Кукуш. Щелчок и на снимке неподвижное тело лейтенанта. Второй- и камера поймала заплаканное

лицо Лии. Сбившиеся пряди прилипли к щекам, мокрое платье вылепило красивую грудь, бедра. Каталка въехала в небольшую комнату. «Лейтенанта» перенесли на кушетку. Доктор в белом халате что-то сказал медсестре. Блеснула игла шприца, брызнул фонтанчик, медсестра взяла руку Марка. Укол. Все замерли. Потекла долгая минута. Но вот он шевельнулся, открыл глаза. Увидев над собой какие-то незнакомые встревоженные лица, удивленно приподнялся.

ЛИЯ. Живой! Родной мой, живой! (присев с краю, пригладила висок). Как ты нас напугал!

Марк (отодвинувшись к стене). Что происходит?!

ДОКТОР. У него великолепный английский!

ЛИЯ. Но он не знал никакого английского!

Марк изумленно переводил взгляд с одного лица на другое⁷.

ДОКТОР. На лицо психический шок.

МАРК. Где я?!

ЛИЯ. Да умереть мне! Матвей, это я! Тапки падают! (она глянула свои босые перепачканные ступни). Видишь уже упали!

ДОКТОР. Ему срочно нужна помощь опытного психолога. Еще лучше-психиатра...

ЛИЯ. Кого?!

В комнату влетел Ариэль. Увидев сидящего на кушетке «лейтенанта», радостно разбросал руками.

АРИЭЛЬ. Власть, живой! Молодец!

Но тут же, заметив странные лица присутствующих, вопросительно умолк.

ЛИЯ. Ариэль, как хорошо, что ты здесь! (и на ухо). Они хотят его в психушку...

Ариэль осторожно покосился на доктора, потом на медсестру и друг быстро подсел к Марку, обнимая, притянул к себе.

АРИЭЛЬ. Власть, ты уже не опохмелился что ли?..

МАРК. Ху ар ю?!

АРИЭЛЬ (радостно, Лие). Сестра, видишь, Власть уже на букву «Ху» ругается! Молодец! На поправку пошел!

ДОКТОР. Стресс вскрыл его подсознание и подключил к Мировому полю сознания. Не удивлюсь, если он сейчас заговорит и на китайском! Такие случаи не редки. Ничего страшного! (полувопросом). Я вас оставлю на пять минут минут.

Он едва заметно кивнул медсестре и они вышли. С улицы в приоткрытое окно ворвались громкие голоса. Ариэль распахнул его. Внизу стояло с дюжину автомобилей и с полсотни горских.

АРИЭЛЬ (вскинув руку, точно вождь у окна). Власть перенервничал немного! Но теперь Власть очухался!

Внизу одобрительно загудели

ГОЛОСА. Слава Богу!.. Сто двадцать тебе, Ариэль!.. Чтоб на свадьбе твоего сына гуляли!..

АРИЭЛЬ (снова жестом вождя вскинул ладонь). Наш маленький, но великий народ всему миру доказал, как хорошо мы умеем!.. Теперь так же идем домой, только в обратном порядке! И пусть вместе с этим сегодняшним неприятностям уйдут все наши беды!

ВНИЗУ. Омин! Омин! Омин!

Ариэль повернулся, поправил кипу

МАРК (Ариэлю). Ты еврей?

АРИЭЛЬ. Ты что-то поинтересовался ко мне? (Лие). Он что-то поинтересовался ко мне?

МАРК (Лие). Он еврей?.. Кипа...

ЛИЯ (Ариэлю). Он, кажется, спрашивает ты еврей или нет?

АРИЭЛЬ (восторженно. Концептуально! (и как бы с иронией). А что, если еврей кулаком на меня двинешь?

Марк вопросительно глянул на Лию.

ЛИЯ. Йес!

МАРК. Я не знаю куда меня занесло, я не знаю как меня занесло, но встретить еврея... значит, я не такой уж несчастный.

Поднявшись, протянул было руку Ариэлю, но увидев, что сам только в трусах, быстро прикрылся, успел только произнести свое имя: Марк. Ариэль пожал воздух и тоже представился. Марк быстро стянул с кушетки простыню и обмотался.

МАРК. Я просто случай вспомнил. Реальная жизнь. Стою я как-то в очереди за чем-то, а впереди меня мужчина и женщина. Как оказалось брат и сестра. Сестра говорит, хочу дом купить, но не знаю в каком районе. То ли в Квинсе, то ли в Бруклине, то ли на Манхетене. А он ей говорит, не знаю в каком районе, но покупай дом, там где живут евреи. Я и говорю: сами кричат-евреи во всем виноваты, евреи виноваты, а как чуть что, то хотят поближе к евреям...

Он вопросительно посмотрел на присутствующих. Кукуш успевал только щелкать фотоаппаратом.

АРИЭЛЬ. Сейчас этот который психушка придет! Надо Власть выманивать отсюда!

Он поглазел по сторонам, увидев висевшей на вешалке белый халат, дал его Марку.

АРИЭЛЬ. Будешь люди за белым халатом!

ЛИЯ. Матвей, надевай! Надо уходить! Пошли домой... Но если хочешь можем сначала к твоей связистке...

АРИЭЛЬ. Какой молодец, сестра! Умеешь подход! (и Марку). Власть, видишь какой у тебя женщина! К связистке разрешает! Который ты вчера ходил!

Лия подозрительно глянула.

АРИЭЛЬ (как бы оправдываясь). Заодно проверяю ходил он вчера к связистке, не ходил он вчера к связистке! (и Марку). Власть, ты рано ушел от этот телефонистка, или нормально, как всегда?!

Лия снова пристально глянула.

АРИЭ. (снова, как бы выкручиваясь). Видишь удивляется?! А как он удивляется!

ЛИЯ. Еще бы! Разве он может рано уйти?!

АРИЭЛЬ. Если надо, он все может! Брат мой мой, пошли покажи как ты все можешь! Мне покажешь, жене покажешь! (глянув на Лию). Это я его выманиваю!

Зачем нам психушка?

ЛИЯ (Марку). Ну давай мой родной, одевайся.

Она стала помогать Ариэлю надевать на Марка халат. Надели.

МАРК (Ариэлю). Ай донт ноу ху ар ю, but I belive you! У тебя нос, как у доброй собаки! И кипа, как у Соломона!

АРИЭЛЬ (как бы одобряя сказанное Марком), Ну, тогда известно! (и Лие) Берем под ручки! Ты его бери так, я беру его так и выманиваем! Выходим, как будто ты мужа первый раз в ЗАГС выводишь. Улыбаемся! И я тоже как будто первый раз вывожу!

Они взяли Марка с обеих сторон под руки, подошли к двери, Ариэль потянул ручку.

АРИЭЛЬ. Внимание! Начинаем ЗАГС! Улыбаемся!

Потолкавшись в двери, троица чинно пошла по коридору. Медсестры длинно смотрели им в след. Но вот троица вышла из здания. Толпа горских, которая еще не расходилась, торжествующе загудела.

ВОЗГЛАСЫ. Ариэль, давай в мою машину!.. Давай в мою!

Марк с потрясенной улыбкой смотрел на «царский прием». Ариэль своим жестом вождя помахал ладонью, но вместе с Лией и Марком прошел к своей машине. Петро уже открывал дверцу для Марка и Лии.

ПЕТРО. С возвращением!

Лия и Марк в белом халате устроились на заднем сидении. Ариэль за рулем и рядом-Петро.

АРИЭЛЬ (осанисто выпрямившись). Но как я его выманил!

ПЕТРО. Ты молодец! Настоящий Бухарский дядюшка! (и оглянулся на Лию с Марком). Ну, как ты, лейтенант?!

АРИЭЛЬ (опередив). Ты знаешь он уже на букву «Ху» ругается! Выздоровливает!

Лия обняла Марка, но тут же, оглянувшись на толпу горских, целомудренно сняла руку с плеча «мужа».

Эскорт горских шел в направлении Местечка. В салоне суровые лица старейшин в высоких каракулевых шапках.

СТАРЕЙШИНА (рядом с водителем). Молодец лейтенант!

ВТОРОЙ. И Ариэль тоже!

ТРЕТИЙ (с заднего сиденья). А Лия, как себя держала!..

ЧЕТВЕРТЫЙ (рядом). Да-а!

ЕЩЕ САЛОН.

Здесь едут мужчины по-моложе.

ПЕРВЫЙ. Теперь можно и по пятьдесят граммов!
Как вы считаете?

ВТОРОЙ. А как еще считаем? Хорошо считаем!

ЕЩЕ САЛОН.

Здесь едут женщины в платках.

ПЕРВАЯ. Видели, сколько людей было?!

ВТОРАЯ. Я вам скажу, с общиной ничего не сравнится!

ТРЕТЬЯ. Да, на такие дела наши горские молодцы!
Только пусть будут хорошие дела!

ХОРОМ. Омин! Омин!

Прохожие останавливались, что-то обсуждали.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА В ШЛЯПЕ. Видал, горские кого-то привезли!

ЖЕНЩИНА. Видать врач какой-то! Видать известный!

МУЖИЧЕК. Горские-горские, а если посчитать, у них много врачей, ученых, про музыкантов я и не говорю. У них в каждой семье своя музыка!

МУЖЧИНА В ШЛЯПЕ. А может они врача к кому-то везут?

ЖЕНЩИНА. Возможно, но какие дружные!

Марк, почесывая в затылке, смотрел на красивые, зеленые улицы города.

МАРК (негромко вслух). То, что я в Израиле, это понятно, но если б еще знать за кого они меня принимают?..

МЕСТЕЧКО. УЛИЦА.

К дому Матвея подъехали втроем: Ариэль, Лия и Марк. Петра высадили раньше.

Вышли из машины. Через пару дворов, у ворот, стояла группа соседей. Еще издали увидев легковушку Ариэля, уже не спускали с нее глаз.

СОСЕД. Лейтенант, с выздоровлением!

СОСЕДКА. Здоровья и покоя души!

АРИЭЛЬ. Спасибо, брат мой! Спасибо всей общине!

СОСЕДКА. Пусть все беды уйдут с этой неприятностью!

ЛИЯ. Большое спасибо! Позже увидимся!

Она деланно-степенно, под руку, довела Марка до калитки. Проходя по двору ласково заворковала.

ЛИЯ. Видишь, мы уже дома! Сейчас скупаемся, отдохнем!

АРИЭЛЬ (чуть сзади). Конечно... за это сто грам надо!

Они вошли в дом. Марк пьяненько улыбается: как бы, еще не включился, что происходит, но, все же, какой это кайф! Они стали в центре зала.

МАРК (английский). Дорогие мои, а вы уверены, что я, именно тот?! Я, например, не совсем...

ЛИЯ. Не волнуйся, сейчас ты пойдешь в ванную. Халатик свой беленький отдай (и вдруг Ариэлю). А что с халатом делать? Больничный все-таки...

АРИЭЛЬ. У тебя мусорный куда положить есть? Или деньгами заплатим?

ЛИЯ. Мусорка есть. Но примета плохая! Говорят, если из больницы что-то принес, значит, не дай Бог, обратно попадешь.

АРИЭЛЬ. Тогда известно! Тогда и халат отвезу, тогда и деньги вместе понесу! (и Марку). Товарищ господин доктор, зачем тебе этот нехороший примета-тряпка?! Снимай!

Сняли с него халат. Оставшись в одних трусах, Марк тут же прикрыл пах ладонями.

АРИЭЛЬ. Какой Власть стеснительный стал! Совсем не подумаешь!

ЛИЯ. Ариэль, отведи его пожалуйста в ванную.

АРИЭЛЬ. Конечно, пошли!

Взяв Марка под руку, подвел к ванной, открывая дверь, подтолкнул его вперед, хотел было зайти следом, но Марк, перед самым его носом, захлопнул дверь. Щелкнул замок. Ариэль призадумался, чуть сдвинул кипу на глаза и пошел к Лие. Она тревожно глянула.

АРИЭЛЬ. Какой стеснительный! И не подумаешь! Даже на порог меня не пустил! Ладно, сестра моя, я этот тряпка отнесу, а ты постучи ему и скажи: Власть, это не Ариэль, это я, жена твой!.. Тогда, конечно, откроет! Каждый тогда откроет!.. Если что, держусь на связи!

ЛИЯ (легко обняв). Спасибо тебе, даже не знаю, что бы без тебя делала!

АРИЭЛЬ. Главное, мы выманили Власть! Потом увидимся!

Он выпел, Лия, постояв секунду, пошла к ванной, Постучала. Без ответа. Постучала еще раз. Глубокая тишина.

ЛИЯ. Мой родной, это не Ариэль! Это я!

ИЗ-ЗА ДВЕРИ (после паузы, английский). Я не знаю куда вы меня притащили! Я не понимаю что происходит вообще! Но почему меня мужик потащил в ванную! Что все это значит?! А еще кипу напаялил! Я требую консула! Я американский гражданин! Я требую консула! Немедленно! О, Боже мой!

Лия, припав спиной к двери ванной, медленно осела на пятки. Ткнулась лицом в коленки.

ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Если нет консула, то хотя бы найдите мне Соломона!

ЛИЯ. Соломона?

ОТВЕТ. Именно!

ЛИЯ (лихорадочно думая). Точно, Соломона!

Она бросилась в коридор, сняла трубку телефона, торопливо набрала номер. Гудки. Еще гудки, Но вот, на том конце сняли трубку.

ЛИЯ. Лана, это ты?!

ЛАНА. Как Матвей?!

ЛИЯ. Что б я сдохла!(разрыдалась).

ЛАНА. Лия, что случилось?!

ЛИЯ (сквозь плач). Матвей стал стеснительный и говорит только по-английски! Ты же английский знаешь?!

ЛАНА. Я вообще-то испанский учила, мы же вместе... Но ты можешь сказать, что случилось?..

ЛИЯ. Чтоб я сдохла!..

ЛАНА. Ты только успокойся!.. Стой! Английский знает Виктория!

ЛИЯ. А она никому не расскажет?!

ЛАНА. Что не расскажет?!

ЛИЯ. Матвей говорит на английском и стал стеснительный!

ЛАНА. Успокойся, пожалуйста, успокойся, мы бежим!

КОМНАТА ЛАНЫ.

Она отключила телефон и быстро набрала номер.

ЛАНА. Виктория, у тебя с английским нормально ведь?..

ВИКТОРИЯ (спросонья). Мать, сегодня выходной, ты чего?! Я же сплю!

ЛАНА. Поднимайся! Время-то уже сколько! Тут дело такое... По дороге все объясню! Жди на улице!

Она вышла из комнаты, мимоходом глянув в зеркало, подправила волос и через минуту шагала по улице...

Виктория уже ждала у своего дома. Со двора вышел ее отец, уже знакомый нам, Петро.

ПЕТРО. Вы куда в такую рань?!

ЛАНА. Так ведь на свидание!..

ПЕТРО. Врете!

ВИКТОРИЯ. Ну, мы... по стаканчику самогонки...

ПЕТРО (вздыхнув). И в кого ты такая бандитка?

ВИКТОРИЯ. Все говорят в папу! Извини уж!

ПЕТРО. Конечно! В кого же еще?!

Виктория чмокнула отца в щеку, а через минуту они, с Ланой, свернули за угол, еще через пару минут оказались у ворот Матвея.

ДОМ МАТВЕЯ.

Лия с Ланой и Франческой стали у двери ванной. Глянув друг на друга, вопросительно пожали плечами.

ВИКТОРИЯ. Говори...

ЛИЯ (в дверь ванной). Матвей, вот Виктория пришла... и Лана. Виктория знает английский, ты же помнишь? (и разрыдавшись). Если он что-то помнит! Да не жить мне!..

Лана обняла ее, стала успокаивать. Виктория приложила ухо к двери, постучала. Тишина.

ВИКТОРИЯ (английский). Лейтенант, это я – Виктория! Как настроение?

Тишина и вдруг словесный поток из-за двери.

МАРК. Неужели это правда?! Господи! Неужели я снова слышу мой родной английский?! Господи, ты не покинул меня! Какое счастье!.. Извините, а вы кто? (теперь он уже сам легко постучал в дверь).

Подруги потрясенно переглянулись.

ЛИЯ. Я же предупреждала!

ВИКТОРИЯ. Че забыл что ли? Ну, ты лейтенант даешь!

МАРК (приложившись ухом к двери). Я не даю, я стригу! Чик-чик! И я вообще из Нью Йорка!

ВИКТОРИЯ (ошарашенно). Он говорит, что он из Америки!

ЛИЯ. Да сдохнуть мне!

ВИКТОРИЯ. А если он и вправду оттуда?! (и в дверь). А как ты докажешь, что ты из Америки?!

МАРК. Я могу вам дать номер телефона и вы позвоните!

ВИКТОРИЯ. Но ты откроешь или нет?

МАРК. Так здесь нет даже дверного глазка! Как я увижу, что вы Виктория, а не тот, который хотел затащить меня в вану?! А еще в кипе!.. Нет! Без консула я не открою!

Виктория вопросительно глянула на Лию.

ВИКТОРИЯ (Лие). Мать, а кто его в ванную запикивал?

ЛИЯ. А-а! Это Ариэль! Так не запикивал, просто повел, а тот стеснительный стал!..

ВИКТОРИЯ (в дверь). Так это наш Бухарский дядюшка!

МАРК (ужасаясь). Немедленно консула!

Виктория призадумалась, виновато глянула на Лию.

ВИКТОРИЯ. Он хочет консула! (машинально взялась за крестик на шее).. Ты в церковь ходишь?

МАРК. Хожу.

ВИКТОРИЯ. Помолиться хочешь?

МАРК (с вызовом). Ты перед сном молилась Дездемона?! (он гордо выпрямился, глядя на зеркало над умывальником). Водку мне и сигареты!

ВИКТОРИЯ. Да сколько угодно! Но как ты это возьмешь? Дверь же закрыта!

МАРК. Несите положенное!

ВИКТОРИЯ (Лие). Неси водку!

Та метнулась к кухне и вернулась с подносом, на котором стояла бутылка «Столичной», три рюмки и на блюде дольки лимона.

ВИКТОРИЯ. А третья рюмка для кого?

ЛИЯ. На всякий случай...

ВИКТОРИЯ. С чужими мужиками не пью!(и постучала в дверь ванной). Ваш заказ, сэр!..(она легко приударила рюмкой о бутылку).

МАРК. Еще кипу нацепил! Знают гады, как человека заманить! А я слюни распустил: еврея, мол, встретил!.. Ну, что ж, если погибать, то достойно! Будет потом, что вспомнить! Ну, где там этот ваш «заказ»?!

Он щелкнул замком и распахнул дверь. Три девушки увидели голого до трусов молодого мужчину. Почему-то он задержал взгляд на Франческе. И они долгу секунду смотрели друг на друга.

ЛИЯ (как бы спохватившись, сунула поднос с водой Лане). Одежда! Я сейчас!

Она бросилась в спальню, сняла со спинки стула форменную рубашку полицейского, взяла брюки, принесла к ванне. Марк стоял в двери как натурщик, Виктория точно окаменела. Лана с подносом медленно развернулась.

ЛИЯ (Марку). Вот, одевайся. (и Виктории) Но пусть сначала скупается.

ВИКТОРИЯ. Возьмите одежду, но сначала, не мешало бы принять душ.

Тот вопросительно посмотрел, но взяв одежду, закрыл дверь. Стояла долгая молчаливая пауза. Но вот послышался шум струящейся воды. Подруги озадаченно смотрели друг на дружку.

ЛИЯ. Что делать, куда идти?..

Лана так и осталась стоять с подносом в руке. Виктория вдруг схватила бутылку, сорвала крышку, налила в рюмку и выпила.

ЛИЯ. Мне! (выпив, поставила рюмку на поднос).
Лане!

Та выпила тоже, поставила рюмку на поднос.

ЛАНА. По новой?!..

Шум душа за дверью стих.

ВИКТОРИЯ. Кажется, он кончил...

ЛАНА. Правильно сказать закончил...

ВИКТОРИЯ. Тут не зачешь-кончишь!

Прислушались. Шум воды стих. Зашуршало полотенце. За дверью стали одеваться. И, наконец, оттуда постучали.

ГОЛОС МАРКА. Можете делать со мной что хотите! (он щелкнул замком).

Виктория толкнула дверь и перед ними предстал симпатичный молодой мужчина, в полицейской форме, но только на босу ногу. Тем не менее, вылитый Матвей. Виктория удивленно глянула и снова Марк выбрал именно ее: ответил долгим и невольно восхищенным взглядом.

ЛИЯ. Все позабыл, а как на баб пялиться-помнит! Связист!

ВИКТОРИЯ. Лия, а может это и вправду не Матвей?! (и Марку). Ну, что, водочки?!

МАРК (Виктории). Надеюсь, палач-это вы?!

ВИКТОРИЯ (на Лию). Палач она- твоя жена.

МАРК. Я не женат! (представившись). Кстати, Марк!

Он протянул руку Виктории, та машинально подала свою мягкую ладошку.

ВИКТОРИЯ. Очень приятно! Виктория...

Лия и Лана вопросительно переглянулись.

ВИКТОРИЯ (Лии). Ну, палач, идем на кухню?

ЛИЯ. Зачем на кухню, в зал!

Они прошли в зал, как по молчаливому сговору усадили Марка за стол и дружно поспешили на кухню. Стали кружком.

ЛИЯ. Вы видели? (и приглушенно заплакала). Что я теперь буду делать?!

ЛАНА. Да, подожди ты! У него после стресса временная потеря памяти! Пройдет! Потихоньку все вспомнит! Так бывает!

Марк рассматривал фотографии на стене. Какие-то старики в этнических костюмах. Но, вдруг, стоп! На фото молодая женщина. У нее цепочка со шестиконечной звездой. Но как она похожа на его маму в молодости! Он ошарашено смотрел на фото на стене, потом добрал до стула, сел, бросил глаза к полу. Поднял голову на звук шагов. Вошли подружки с тарелками закусок, бутылкой водки. Лия подошла к нему, достала из его нагрудного кармана удостоверение. Раскрыла перед его лицом.

ЛИЯ.Смотри, это ты- Матвей... Лейтенант... Тапочки падают...

Марк ошарашенно глазел на удостоверение, где на фотографии был несомненно он, но почему-то в иностранной форме, и которая сейчас была на нем. Он оцепенело глядел то на фото, то на Лию.

МАРК (Лие). Палач, дай позвонить маме!

ВИКТОРИЯ. Он и вправду звонить хочет! Маме! Лия, давай телефон!

МАРК (кивнув на фото на стене). Вон та девушка точно моя мама в молодости! Но она родилась в Америке, в Нью Йорке.

ВИКТОРИЯ. Ну да, это и есть твоя мама. На счет Америки не уверена, но ты родился здесь, и ты никакой не американец, а настоящий горский!

МАРК. А что это такое?

Подруги переглянулись.

ЛАНА. Я, вот, например, горская еврейка...

МАРК. А такие тоже бывают?

ЛАНА. Такие только и бывают. Иерусалим где находится? На горе?

МАРК. Вообще-то, на горе.

ЛАНА. Вот и получается: все евреи произошли от горских...

МАРК. Надо спросить у Соломона, а то он может и не знает, что он горский (вдруг кивнув на крестик на шее Виктории) Мэм, извините, а с крестиком здесь тоже горские?

ВИКТОРИЯ. Горские, горские...

Лия принесла Марку телефон. Тот трепетно взял, прижал к щеке.

МАРК. А как набирать Нью Йорк?

Подруги немо смотрели на него.

ВИКТОРИЯ. У меня в Америке никого нет...

ЛАНА. Давай, я код знаю...

ВИКТОРИЯ (Марку). Дай-ка!

Она хотела было взять у Марка телефон, но тот быстро упрятал его за спину.

МАРК. У меня есть право на один звонок!

ВИКТОРИЯ. Да, не бойся! Лана просто знает код! Понял?!

Тот медленно, точно все еще не веря, отдал телефон. Лана набрала. Ожидание.

Но вот звонок! Второй!

НЬЮ ЙОРК. НОЧЬ. КВАРТИРА МАРКА.

В ночной тишине раздавались звонки. Один, второй, третий. Матвей лежал на диване только перевернулся с боку на бок, Заработал автоответчик.

МЕСТЕЧКО. ДЕНЬ КВАРТИРА МАТВЕЯ.

В зале вся та же четверка. Лана потрясенно подала телефон Виктории.

ЛАНА. И вправду: автоответчик! На английском!

Виктория перевела Марку. Тот призадумался и вдруг снова, с надеждой, глянул на нее.

МАРК. Сколько здесь времени? Какая разница во времени?!

ЛАНА (глянув на часы на стенке). Сейчас двенадцать, значит, в Нью-Йорке-четыре ночи...

Виктория перевела.

МАРК. Значит мама спит!..

Лия долго смотрела на него, вдруг встала, шагнула к нему и стала медленно приближаться лицом к лицу. Как будто что-то разглядывала через лупу. Марк в ответ стал медленно отводить от нее лицо. Лана и Виктория в ужасе переглянулись. Лия ошарашенно выпрямилась, в раздумье приложила палец к губам, но через мгновение, вдруг снова стала наклоняться на Марком.

ВИКТОРИЯ. Мать, ты чего?!

ЛИЯ. Что б я сдохла! У него нет шрама! У него нет шрама и он не пахнет!

ВИКТОРИЯ. Мать, подожди, как это не пахнет?!..

ЛИЯ. Он пахнет, но не как Матвей! У меня от запаха Матвея тапки с ног падают!

ЛАНА. А тапки здесь причем?..

Марк все это время встревоженно переводил взгляд от подруги к подруге.

ЛИЯ. Умереть мне! Где же мой Матвей?!...(и Марку с угрозой). Где лейтенант?!

Она взяла со стола удостоверение и поднесла его к близко к лицу Марка.

ЛИЯ. Где мой лейтенант?! Вот этот?!

ВИКТОРИЯ. Не волнуйтесь, она только спрашивает, где ее муж.

МАРК. Я его никогда не видел! Правда, если в ванной, но и то в зеркале...

Лия вдруг налила себе водки, одним махом опрокинула рюмку, вместо закуски, принюхалась к красному удостоверению. Выдохнула.

ЛИЯ. Без Ариэля не обойтись! (скомандовала). Телефон!..

МАНХЕТЕН. КОМНАТА МАРКА.

Матвей лежал на софе. Он еще не открыл глаза, но рука уже потянулась в бок- нащупать нечто, что, видимо, привыкла нащупывать и день и ночь. Но вместо этого ладонь нашла пустоту. Лейтенант тут же распахнул глаза и его настороженному взгляду открылся вид незнакомой комнаты. Матвей, словно его подбросило, потрясенно сел. Ошарашенно потряс головой, потер глаза, но ничего не изменилось. Осторожно поднявшись с дивана, в одних трусах, подкрался к стенке, где висела большая фотография. На ней был он, но почему-то он постригал какую-то женщину. Он в раздумье приложил палец к губе. Но, видно, не найдя подходящего ответа, стал быстро ощупывать себя: грудь, плечи, живот.

МАТВЕЙ. А где же Лия?..

Его взгляд скользнул к открытой двери, он осторожно вышел в прихожую и увидел дверь во вторую комнату. На носках, осторожно, подкрался к ней, воровски попробовал ручку. Дверь поддалась и в открытую щель лейтенант увидел спавшую на кровати женщину лет пятидесяти. Матвей отпрянул. Но вот снова приник к щели. Женщина посмотрела. Матвею вспомнился спор с

женой: «... я официальный человек и у меня может быть связь с любой женщиной...»

МАТВЕЙ (задумчиво вслух). Неужели связистка?.. Но так постарела!..

Он вернулся в «свою» комнату. Став в центре, скинул глаза к потолку и стал загибать пальцы.

МАТВЕЙ. Комната не моя... Связистка не моя... Лии нет...

Он подтянул трусы, обошел стул с одеждой, почесав в подбородке, взял брюки. Забренчала связка ключей, висевшая на поясе. Рассмотрев ее, он наконец влез в штаны, натянул рубашку. Все было точно по его размеру. Подошли и туфли. Одевшись, он сел. Сидел, свесив голову. Но вот поднялся и кошачьим шагом стал прокрадываться к выходу. Но у самой двери ему в спину ударил женский голос. Матвей замер, секунду стоял не оборачиваясь.

ГОЛОС (на английском). Ты где так вчера набрался? Так всех клиентов растеряешь!

Матвей стал медленно оборачиваться, сначала плечами, потом всем телом: винтообразно, точно штопор. И застыл. Перед ним стояла та же женщина, только теперь она была не в кровати, а в розовом халате. Она была еще... ничего...

МАТВЕЙ (на горском, широко улыбаясь). Привет, подружка!

Женщина, на мгновение застыв, лишь с укором покачала головой и прошла в ванную. И уже оттуда послышался ее нарочито-озабоченный голос.

ГОЛОС. Когда будешь стричь, надеюсь, уши с волосам не перепутаешь... Бедные клиенты...

Матвей не отвечал, возился с замками. Наконец, открыв дверь, вышел на лестничную клетку. Женщина с зубной щеткой во рту выглянула ему вслед. Выразительно: мол, кошмар, поводила щеткой влево-вправо...

МАНХЕТЕН. ПОДЪЕЗД.

Матвей приоткрыл дверь подъезда и увидел как по тротуару впережку с белыми людьми шли чернокожие. Матвей закрыл дверь, но через минуту снова высунил голову. Проходившая мимо молодая блондинка бросила короткий взгляд, а из двери выползла рука и поманила ее. Голова при этом заговорила на иностранном. Блондинка ускорила шаг, но на следующий оклик оглядываясь, побежала. Дверь закрылась...

Матвей вышел из подъезда и медленно побрел по улице. Шел и озирался будто человек, попавший на другую планету. Разношерстная публика, кажется, и не замечала его: каждый был занят своим. Матвей, недоуменно разглядывая вывески, шевелил губами. Но вот, видно, сделал вывод.

МАТВЕЙ (озадаченно вслух). Кажется это английский... Я в Англии?!.. А может я уже и не только в Англии?..

Он не заметил, как размышляя, стал напротив какого-то широкого-то окна. Это мастерская Соломона. Но только не видел он, как изнутри полный мужичек в черной шапочке, махал ему ладошкой. Лишь, когда оттуда постучали по стеклу, он разглядел невысокого, лет пятидесяти, бородатого человечка. Тот, уже смеялся, выкатив живот.

МАТВЕЙ (в сердцах). Всех убью!..

Человечек внутри озадаченно оборвал смех, отошел от окна. Но через пару мгновений обернулся: толстячек, смеявшийся над ним, теперь выпел на улицу и пристально смотрел на него. С минуту стояли вглядываясь друг в друга. Но вот Матвей стал подходить и более изумленной становилась физиономия толстячка. Подойдя, Матвей таинственно наклонился почти к самому лицу замершего мужичка и пригладил по кипе.

МАТВЕЙ (по-горски). Мужик, я где?..

СОЛОМОН (почти ошалело, на английском). Не знаю, как Вы, но я уже, кажется, не там!..

МАТВЕЙ (снова пригладил по кипе). А при чем здесь евреи?.

СОЛОМОН (потрясенно). Ты фарси знаешь?..

МАТВЕЙ. О, ты знаешь фарси?!

Схватив его в охапку, точно кувшин, крепко поцеловал в одну щеку, в другую, а, поставив на землю, дополнительно чмокнул в лоб. И теперь уже шутливо резанул рукой воздух.

МАТВЕЙ. Всех убью!..

СОЛОМОН. Одну минутку! (он нырнул в свою мастерскую взял телефон).

МАНХЕТЕН. КВАРТИРА.

Капрал (Джозеф) за чашкой чая просматривал газету. Зазвонил висевший на стенке телефон. Капрал с неохотой дотянулся до него.

КАПРАЛ. А, Соломон! Привет!

СОЛОМОН. Слушай внимательно! Слышишь?!

КАПРАЛ. Слышать слышу, но внимательно не могу...

СОЛОМОН. Почему?

КАПРАЛ. Я без Конфуция...

СОЛОМОН. Мне не до шуток. Тут стоит Марк, который по-моему и не Марк, а если он и Марк, то с ним что-то происходит... но, может быть, и со мной...

КАПРАЛ. Ты хочешь чтоб и со мной что-то произошло?

СОЛОМОН. Всех убью!...

КАПРАЛ (успокаивающе и озадаченно). Соломон, я иду... я уже здесь...

(поразмывая, он набрал номер). Слышь, Конфуций! Силовека... Соломона... Пизеси!..

МАНХЕТЕН. МАСТЕРСКАЯ СОЛОМОНА.

Капрал и Конфуций, зайдя в мастерскую, с любопытством замерли. Соломон и «Марк» сидели за маленьким столиком, друг против друга и оба, подперев ладонями лица, не мигая смотрели друг на друга. На столе стояла пустая бутылка водки. Капрал и Конфуций переглянулись. Капрал подошел к столику, повертел бутылку в руках, а в следующую секунду пораженно замер: «Марк» откуда-то из-под низу достал вторую бутылку, смачно поставил на стол и заговорил... на иностранном.

«МАРК».Наливай!...(увидев Конфуция). А теперь, по-моему, я уже в Китае...

Капрал выронил бутылку, та упала на мягкий линолиум и откатилась в сторону.

СОЛОМОН (Капралу на фарси, хмельно). Всех убьем!...

МЕСТЕЧКО.УЛИЦА.

У ворот Матвея остановилась открытая малоли-
тражка Ариэля. Он сановито вышел из машины, кому-то
кивнул в ответ на приветствие и уже входил в дом Мат-
вея.

Виктория и Марк увлечены каким-то занятием и не
замечают, как в сопровождении Лии в зал вошел Ариэль.
Марк сложил из рубля птичку-оригами и протянул Вик-
тории. В зал вошла Лана, в руках стакан с недопитым
чаем.

ВИКТОРИЯ (глядя на оригами). Как здорово!

АРИЭЛЬ (глянув на трех женщин и мужчину,
ткнул кулаками в бока). Ну, кто здесь дядя Сэм?!..

Марк обернулся, а Ариэль, увидев перед собой
никакого не американца, а самого что ни на есть своего
лучшего друга, вопросительно глянул на Лию.

АРИЭЛЬ (Марку). Где наша Власть?!..

Тот посмотрел на Викторию.

ВИКТОРИЯ. Где наша власть?...

МАРК (философски). Наша власть там, где наша любовь!

Он гордо чиркнул ножницами по воздуху: словно раз и навсегда что-то отрезал.

ЛИЯ (Ариэлю). Видишь... ножницы показывает, а Матвей показал бы пистолет! Потом, у него нет его шрама и он не пахнет, как Матвей! Еще у него есть в Нью-Йорке мама, но она не брала трубку, потому что, он говорит, что она спит...

Ариэль вопросительно глянул, затем стал обходить Марка.

АРИЭЛЬ (Марку, удивленно). Ты что, вправду нет запах?! Шу-утник! Эй, шутник, если тогда нет запах, то как ты здесь получился?

ВИКТОРИЯ. Как ты здесь оказался?

МАРК. Не помню. Я вчера в пивбаре набрался... я вообще-то не пью, но меня девушка предала, вот я и накачался! Как в пивбар заходил помню, а как здесь очутился не помню.

ВИКТОРИЯ. Бедняга! (и перевела Ариэлю).

АРИЭЛЬ. Концептуально! Шутник, подожди, если ты здесь, а Власти нет, где тогда -Власть?!

Марк посмотрел на Викторию.

ВИКТОРИЯ. Он спрашивает, где тогда Матвей?

МАРК. Если бы я не пил...

АРИЭЛЬ. Э-э, за это не переживай! (он дружески хлопнул его по плечу). В наше время и любой баба пьет!

МАРК (улыбаясь) Я очень признателен. (Виктории). Ариэль такой хороший мужик! А я на него чего только не наговорил! И кипа у него отличная!

АРИЭЛЬ. Чего он либится?

ВИКТОРИЯ. Он говорит, что ты ему нравишься...

АРИЭЛЬ. Я ему дам нравишься его! Скажи у нас такой секс нету!..

Марк с глуповатой улыбкой посмотрел на Викторию.

ВИКТОРИЯ. Он сказал, что ты ему тоже нравишься...

Марк доброжелательно заулыбался.

МАРК (Виктории). А он вообще кто?

ВИКТОРИЯ. Это бухарский дядюшка Ланы. Но сначала его родители уехали из Ирана от погромов,

потом он долго жил в Бухаре, а здесь он встретил тетушку Ланы, женился на ней и решил остаться на Кавказе.

МАРК (вдруг озабоченно). Бухарский?

ВИКТОРИЯ. Бухарский...

МАРК (удивленно). Сколь-ко евре-ев!

АРИЭЛЬ. Чего он запелся?

ВИКТОРИЯ. Он говорит сколько евре-ев!..

АРИЭЛЬ. Поплюй скажи ему! А то и так немножко остался!..

ВИКТОРИЯ (сама). Тьфу-тьфу!

Ариэль ждал - когда же американец поплюет, но тот, кажется, и не собирался.

АРИЭЛЬ (Марку, пораженно). Ты что «тьфу-тьфу» не умеешь?..(и Виктории). А что, у них такой «тьфу-тьфу» не бывает?!

ЛАНА. Дядя Ариэль, у них, может быть, не принято...

АРИЭЛЬ (понимающе). Ну, тогда известно!..

Марк глянул на Викторию.

ВИКТОРИЯ. Ариэль говорит, вы наверное хороший...

МАРК. А я от вашего бухарского дядюшки просто балдею! Вообще, вы очень хорошие... Только я вот вам на шею свалился...

АРИЭЛЬ (Виктории). Чего он хочется ему опять?..

ВИКТОРИЯ. Переживает, что доставляет вам неприятности... Он тут нам телефон свой домашний давал, мы не смогли дозвониться...

АРИЭЛЬ. А ну-ка я сяду, нога правду не дает! (вздохнув, сел).

С минуту он сосредоточенно смотрел на Марка. Все сидели тихо, боясь шелохнуться. Марк под взглядом Ариэля заерзал.

АРИЭЛЬ (хлопнув по ногам). Как я раньше не догадался?! Но ничего, как говорится, лучше никогда не поздно! Исаку буду звонить, в Америку! Мой спутник надо! Сидите, сейчас спутник принесу и все самому решится!

Он вышел и через минуту вернулся с телефоном со спутниковой связью. Удобно устроившись на стуле, выпрямил спину

АРИЭЛЬ (всем). Сейчас мой друг будет Исак. Когда я родился мальчика он беспокоился! Такой беспокойный!.. Тишину теперь пожалуйста!

Включил свой “спутниковый” телефон. Гудки. Еще. Но вот на другом конце сняли трубку. Ариэль включил спикер.

АРИЭЛЬ. Исак, это Ариэль! На спутнике!

ИСАК (заработал спикер). Здравствуй дорогой! Как маленький Асэф?! Дай Бог на его свадьбе!..

АРИЭЛЬ. Обязательно! Я тебе билет куплю, приедешь?

ИСАК. А я так приеду. Анекдот знаешь?

АРИЭЛЬ. Некоторый знаю.

ИСАК. Короче встретились два кавказим, познакомились, сидят пьют, То да се, рюмка за рюмкой, ты мой брат, я твой тоже! Хорошие уже такие! И тогда один кавказим говорит другому, приезжай брат мой в гости! Все для тебя сделаю! А тот, нет сначала ты приезжай! Нет, ты приезжай! Хорошо говорит один, давай адрес! А тот так разбросал руками и говорит, э, зачем тебе адрес, так приезжай!

Девушки невольно легко улыбнулись.

АРИЭЛЬ. Какой смешной анекдот! Мой компаний здесь хохочется! Все от жизни берется! Правильно ты говоришь! Исак, дорогой, а сколько у тебя там московский время... приблизительно?

ИСАК. Как и у тебя, только еще день.

АРИЭЛЬ. Как хорошо! Это мне как раз нужно!

ИСАК. Слушаю тебя, дорогой!

АРИЭЛЬ. Исак, у вас там один Соломон такой есть... Подожди, не перебивай! Я на твоём обрезании конфеты и орехи подкидывал!

ИСАК (смеясь). Говори, говори!

АРИЭЛЬ. Вот этот Соломон мне нужен! Позвони ему скажи, здравствуй Соломон, как поживаешь, туда сюда, как там другой Марик поживает? Пусть он мне потом позвонит, Соломон эта. Важный вопрос решать надо! Жизненный! Я тебе потом все объясню! Просто сейчас не по телефону разговор!

ИСАК. Ладно, что-нибудь придумаем! В любом случае, я ему месяц оставляю.

АРИЭЛЬ. Без меня никому ничего не оставляй! Ни одного копейки! А то обижусь! Когда Соломон назад позвонит, тогда мы ему все оставим, пару копейка оставим и деньги тоже оставим...

ИСАК. Договорились!

АРИЭЛЬ. Ну, тогда пусть мне Соломон позвонит!

ИСАК. Обязательно!

АРИЭЛЬ. Держусь на связи!

Он отключил телефон, посмотрел с видом человека сделавшего важное дело.

АРИЭЛЬ. Сейчас позвонит.

Подруги переглянулись, Лия безнадежно свесила голову.

ЛАНА. Дядя Ариэль, а Исак знает телефон Соломона?

АРИЭЛЬ. Зачем ему телефон, он так позвонит.

Лия всхлипнула. Но вдруг зазвонил телефон.

АРИЭЛЬ (глянув на номер). Я сказал, что так позвонит! (снова включил спикер). На спутнике!

ГОЛОС ИСАКА. Ариэль, а ты номер этого Соломона знаешь?

АРИЭЛЬ (взяв со стола листок с номером). Ты посмотри, как сердце чувствовал, номер не выплынул. Говоришь?..

ИСАК. Да.

Ариэль стал диктовать, Исак за ним повторял.

ИСАК. Ну, так быстрее будет! Дай мне три минуты!

АРИЭЛЬ. Не беспокойся, звони сколько надо, хоть три минуты, хоть два!.. Держусь на связи!

МАНХЕТЕН. УЛИЦА. Из мастерской Соломона вывалила хмельная кампания: Матвей, Капрал, Конфуций и сам Соломон. Они горланили «Эх, Мороз! Мороз!..». Особенно хорошо это удавалось Конфуцию, который произносил все на свой лад: Мороса-Мороса. Они прошли метров двадцать и к бордюрам пристала патрульная машина. Это были друзья «певунов» полицейские Пит и Симон. Они просигналили, но веселая кампания продолжила свое шествие. Посмеиваясь, они вышли из легковушки. Несколько пошли следом, но вот Пит с угрозой окликнул их.

ПИТ. Полиция! Всем стоять!

Приятель один за одним обернулись и Матвей радостно разбросал руками.

МАТВЕЙ. Коллеги, салют от горских!

А потом все вместе вошли в подъезд, поднялись на этаж Марка. Матвей достал ключи и размашисто вlepил их в ладонь Пита.

МАТВЕЙ. Открывай! Я тебе доверяю! И вообще я вам всем доверяю!

СОЛОМОН. А все же как интересно: штаны Марка, ключи Марка, а сам Марк не Марк...

КАПРАЛ. А в жизни всегда так: сейчас экономический кризис – потом подъем, сейчас женатый-завтра слава богу нет! Сейчас Марк, а завтра-не Марк! Сейчас-мент, а завтра- в тюрьме... А бывает и все вместе... Правильно Конфуций?..

КОНФУЦИЙ (хмельно). Зисни!.. Сюрьма!.. Пизеси!..

Пит открыл дверь и тут все переглянулись, точно протрезвели.

ПИТ.Соломон, ты переводчик, ты и заводи!

МАТВЕЙ (по-кавказски гостеприимно). Заходите, а то... обижусь!

КАПРАЛ. Ты иди, а завтра поговорим?.. Договорились?

Капрал протянул руку, обнялся и потом еще некоторое время Матвей обнимался то с одним, то с другим, но вот Пит потихоньку втолкнул его в квартиру и следом Соломона. Дверь закрылась, а приятели притихли, вслушиваясь в звуки за дверью.

Что-то там загрохотало, потом донеслось — «эх мороз» и наконец дверь открылась и перед друзьями стал Соломон с задумчивым лицом.

СИМОН. Что?..

СОЛОМОН. Он звал какую-то связистку!..

КАПРАЛ. Соломон, а откуда ты это язык знаешь?

СОЛОМОН. Мой дед когда-то жил на Востоке... Но я больше догадываюсь... А, может быть, кого-то оставить подежурить?..

Капрал посмотрел на Конфуция, но тот уже бросился вниз по лестнице...

МЕСТЕЧКО. ДОМ МАТВЕЯ.

В зале сидят Ариэль, Марк, и три подружки.

АРИЭЛЬ. Я с Исаком вместе в Бухаре выросал! Умный мужик, сейчас он в Нью-Йорке большой человек! Все его знают и бухарские и самаркандские, и израильские.

Зазвонил спутниковый телефон Ариэля.

АРИЭЛЬ. Я же сказал зачем ему номер!..(включил спикер). На спутнике!

На том конце послышался мягкий, слегка хмельной голос.

ГОЛОС (английский). Здравствуйте! Меня зовут Соломон, я от Исака...

Марк на секунду оцепенел, и вдруг бросился к Ариэлю, выхватил телефон.

МАРК. Соломон, дорогой мой, это я Марк! Чик-чик!

СОЛОМОН (пьяненько). За один раз столько Марков! Моя Роза этого не вынесет!

МАРК. Говори, Соломон, говори! Я так по тебе соскучился! И по Капралу, и по Конфуцию, и по Питу и Симону! Говори, дорогой, говори! Ты-моя родина!

СОЛОМО (радостно). Марк, ты где?!

МАРК. На Кавказе! Я у горских!

ЛИЯ (Виктории). Пусть узнает про Матвея?

ВИКТОРИЯ. Марк, спроси, там, случайно, Матвея нет?

МАРК. Соломон, там случайно, такого горского нет, точно как я! Нос в нос!

СОЛОМОН. Ты лейтенанта имеешь ввиду?.. Так я тебе и говорю столько Марков за один раз! Здесь он, конечно. А вы что, не пойму, поменялись с ним, что ли?!

А вообще хороший парень этот горский! Мы тут с ним выпили немного и он пошел к себе спать.

В зале появился Кукуш с фотоаппаратом и стал снимать. Никто не обратил на него внимания, как если бы по-другому и быть не могло.

ВИКТОРИЯ (возбужденно). Лия, Матвей там! Но он пошел спать... к себе...

ЛИЯ. К кому?!(и вдруг приложила ладони к лицу). Нашелся! Наконец, нашелся!

ВИКТОРИЯ (Марку). Она радуется, что лейтенант нашелся!

МАРК. Мы нашлись!

Рядом оказалась Лана, он обнял ее, поцеловал. Кукуш тут как тут-защелкал фотоаппаратом.

ЛАНА (высвободившись из его рук, с угрозой) Смотри, как нашелся, так снова и потеряешься!

Марк глянул на Викторию, порывисто шагнул, но у его носа оказался пухленький кулачек.

ВИКТОРИЯ (английский). У тебя нет шрама?.. Будет!..

МАРК (точно пьяный от радости, глядя на Викторию). У меня нет шрама, у нее нет мужа!

АРИЭЛЬ. Это надо чебулдыкнуть!

ЛИЯ. Я сейчас, Ариэль!

АРИЭЛЬ. Не беспокойся, у меня в машине все есть!

Он пошел к выходу, Кукуш потопал следом. Лия с ланой принесли закуски, бокалы. Вернулся Ариэль с тремя бутылками Шампанского.

ЛАНА. Дядя Ариэль, у вас не машина, а просто волшебная шкатулка!

АРИЭЛЬ. Я сам как волшебная мешочек!

Стрельнула пробка и потек по бокалам пенистый золотистый напиток. Он выпили по глотку и запели...

МАНХЕТЕН. КОМНАТА МАРКА.

Матвей лежит на «своей» софе. Открыв глаза, сморщился от боли и, вдруг, вспомнив совсем недавнее

пиршество у Соломона, от стыда замычал. Поохав, он стал торопливо одеваться. Ключи лежали на столе. Прислушался к тишине комнаты. Как-будто никого нет. Он воришкой выскользнул из квартиры и через пару минут ворвался в мастерскую Соломона. Тот сидел у окна с мокрой тряпицей на лбу. Постановывал. За машинкой работала его жена Роза. Увидев вошедшего, она выключила мотор, поднялась и с угрозой посмотрела на охающего под тряпицей Соломона.

РОЗА. Господи! За кого мои родители отдали меня замуж?! За афериста, который тридцать пять лет...

СОЛОМОН. Тридцать шесть!

РОЗА (с негодованием). Посмотри на него-считает, как будто срок в тюрьме тянет! А амнистию не хочешь? Пожалуйста! Двери открыты- Амнистия! О, господи!..

СОЛОМОН. Как же, дождешься от тебя амнистии! Разве что, только сроку набавишь!

Роза, как бы с просьбой о помощи, посмотрела на застывшего Матвея, шагнула к нему.

РОЗА (про мужа). А он, мало того, что законченный пьяница, еще бессовестный лгун! Знаешь, Марк, какую причину он выдумал? Вчера этот наглец еле дополз до дома и говорит, что они с Конфуцием встречали какого-то иностранного тайного агента, горского еврея, который...

Тут она пристально глянула в лицо Матвея и как бы безнадежно вздохнула.

РОЗА. У вас обоих не лица, а задница моей столетней бабушки!..

Матвей вопросительно, как бы за помощью, глянул на Соломона, а тот перенес повязку на глаза.

СОЛОМОН (как о чем-то обыкновенном). Лейтенант, ты Ариэля знаешь?

МАТВЕЙ. Ариэля?! А ты...

СОЛОМОН. Я с Ариэлем разговаривал... и с Марком. Он сейчас у тебя дома живет!

МАТВЕЙ. Что-о?!

СОЛОМОН. А чего ты удивляешься? Ты у него живешь, он у тебя дома живет. Ты нашелся, он нашелся! Тебе хорошо, ему хорошо!...

МАТВЕЙ. В моем доме, без меня, ему хорошо?! А ты с кем говорил?!

СОЛОМОН. С Ариэлем говорил, с Марком говорил, с Лией говорил...

МАТВЕЙ. И что она?..

СОЛОМОН. Пусть, говорит, хоть к связистке, хоть телефонистке, лишь бы живой вернулся!

МАТВЕЙ (гордо). Горская! (и вдруг подхватив стул вместе с Соломоном, чмокнул его в лоб) Ну, ты теперь понял?!

РОЗА. Не урони его, а то он и так амнистии хочет!..

МЕСТЕЧКО. ДОМ ЧЕРПОИ.

В кухне, кроме газовой печки, мойки и холодильника помещается небольшой обеденный стол. Черпой положил на стол небольшую стопку рублевых купюр. Расправил. Рядом лежала тонкая книжица. НОТЫ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ. Черпой повертел ее в руках, обернулся. В углу, на типичной подстилке, отдыхал Колдун. На столе стояла алюминиевая кастрюля. Он достал из нее и переложил в тарелку кусок мяса, пару картофелин. Замурлыкал песню на горском. На столе лежал большой красный помидор, Черпой со вкусом разрезал его на аккуратные дольки. Вкусно потер ладонями. Осторожно, оглядываясь на дверь, ступил к холодильнику, выудил откуда-то из-за него бутылку коньяку. Подарок Ильи для Колдуна. Черпой водрузил было ее на столе, но тут же поставил ее под стол. Подумав, он взял табурет, застелил его куском газеты (скатерть) перенес закуску и рублевые купюры на табурет. Вытянул из-под стола свой «торговый» ящик, пристроил его возле табурета, вновь посмо-

трел на Колдуна. Тот мирно похрапывал в свою длинную спутанную бороду.

ЧЕРПОИ. Эй, как тебя там?! Чайковский, урок начинается!

Козел глянул одним глазом и снова пустился в свой мирный храп. Черпой сел на ящичек, взяв со «столика» стопочку рублевых, поманил Колдуна.

ЧЕРПОИ. Эй, студент, видишь?! Стипендия!

Козел нехотя поднялся, засеменил к табуретке.

ЧЕРПОИ. Ну, брат мой, друг мой, начнем! «До-о»... Стой, рюмашечку-то позабыли!

Он достал из навесного шкафа рюмку, хотел было ее продуть, и, как окаменел: козел слизнул с газеты-скатерти стопочку рублевых и беспечно захрумкал.

ЧЕРПОИ. Твою мать!.. Еще и ноты не спел, а деньги уже жрет! Сво-олочь!

Он хотел было зашвырнуть рюмку куда-подальше, но вздохнув, достал из кармана помятый рубль, со страданием посмотрел на него, но вдруг, глаза его радостно блеснули.

ЧЕРПОИ (Колдуну). Хрена тебе! Последний рубль и мент не забирает!

Он снова сунулся под стол и достал большие ножницы для резки кожи. Сев на табурет, расправил свой последний рубль. Приложил его к газете-скатерти и как по лекалу, вырезал длинный прямоугольник. Поллюбовался. По форме-точно рублевка. Козел внимательно наблюдал за ним.

ЧЕРПОИ (Колдуну). Ты у меня и без долларов запоешь!

Он налил себе коньяку, выпил, забросил в рот дольку помидора., подмигнул козлу.

ЧЕРПОИ. Студент, на лекцию!

Он взял книжицу, сунул в нее газету-рубль, раскрыл, поднес ее к морде студента.

ЧЕРПОИ. Давай! До-о!.. Ну, будь человеком, скажи -До-о!

Но Колдун лишь понюхал и подозрительно глянул.

ЧЕРПОИ. Вот, гад! Какая тебе разница?!..

Он достал из кармана свой рубль, показал студенту.

ЧЕРПОИ (распевно). Видишь, это то, что ты любишь! (так же распевно). Но хрена тебе, а не моего последнего рубля! Его даже жена не трогает!

Он проделал с рублем магические пасы, вложил в ноты, незаметно, вытянул его, оставив в книжке все тот же газетный рубль.

ЧЕРПОИ. Ну, отличник, До-о! (он поднес книжицу к его морде и нагнулся к ней сам). Говори- До-о!

Козел понюхал Ноты, глянул на склонившуюся к нему физиономию и вдруг боднул хозяина лбом в лоб. Черпой грохнулся на пол. На шум вошла жена, лет пятидесяти, полная, горская еврейка. Увидев растянувшего на полу мужа, козла возле табуретки с закуской, безнадежно вздохнула. В эту секунду козел, своими лепешистыми губами, взял наполненную рюмку коньяка, мастерски запрокинул морду, вернул пустую рюмку на место и нагло глядя в лицо ошарашенного хозяина, заблеял.

ЖЕНА. Рекламная пауза (и вышла).

ЧЕРПОИ (глядя на длиннобородого и, потирая лоб). Гитлер!..

НЬЮ ЙОРК. МАСТЕРСКАЯ СОЛОМОНА.

Снаружи, на двери мастерской, висела табличка «ИЗВИНИТЕ МЫ ЗАКРЫТЫ НА ЧАС», а внутри вокруг небольшого столика сидели Соломон, Капрал, Конфуций, Матвей и Роза. Она набирала по телефонной трубке какой-то номер. Набрала и передала Матвею. Он озабоченно приложил ее к уху, но оттуда слышались корот-

кие гудки. Матвей вздохнув, стал снова по бумажке набирать номер телефона. Потянулся гудок... второй... третий... Матвей подобрался, затаился и вот.. наконец он услышал это долгожданное-«Ало!».

МАТВЕЙ. Лия, ты? Лия!..

С другого конца провода послышался женский, взволнованный голос.

ЛИЯ. Матвей, это ты? Нашелся! Связистик ты мой родной! Нашелся! Ты где?

МАТВЕЙ. Лия, я нашелся!.. Лия, тапочки падают!..

ЛИЯ. Все будет! Сколько раз захочешь, столько и будет! А ты откуда звонишь?

МАТВЕЙ. Я у Соломона! Но через пару деньков я лечу домой!

ЛИЯ. Что, до американских связисток дорвался?!

МАТВЕЙ. Никаких связисток! Я только тебя хочу! Мои тапки хочу!.. Соскучился по тебе! По всем соскучился! Приеду, забор покрашу... На могилку к матери пойдем...

ЛИЯ. Только приезжай! Все сделаем!.. Все будет хорошо!

МАТВЕЙ. А этому парикмахеру, говорят, тоже хорошо?!

ЛИЯ. Дурачек, у него нет шрама! И он не пахнет, как ты!

МАТВЕЙ. Что?! Не пахнет?! Откуда ты знаешь, а?! Снюхалась?! С каким-то парикмахеришкой?! Всех убью!

ЛИЯ. Вот балван! Я хотела сказать-твой запах я за сто километров узнаю! Он меня с ума сводит! Я его так люблю! Только ты обнимешь, у меня сердце заколотит, заколотит и тапки падают! Я тебя люблю, Матвей!

МАТВЕЙ. Я тебя тоже. а ты приведи к себе ланку! Ночевать!

ЛИЯ. Ты опять?! ЛАНА и Виктория и так все время со мной. Спасибо им, а то бы я с ума сошла!

МАТВЕЙ. Пусть Лана будет у тебя, пока я не приеду!

ЛИЯ. А как на счет американских связисток?!

МАТВЕЙ. Так ты только сама разрешила! Но я сам отказываюсь! Хорошо?! Я тебя целую! Я... тут чужой телефон... Ну, ничего, скоро приеду!

ЛИЯ. Я жду тебя! Приезжай скорей!...

Матвей передал телефон Соломону. Надолго задумался.

КАПРАЛ. Ребята, в Бруклине ведь живет много «русских»! Давайте его туда!..

Соломон перевел.

МАТВЕЙ. Я знаю... У меня там есть знакомые. А если спросят, что я им скажу, через космос прилетел?

КАПРАЛ (Соломону). А ты веришь в переселение душ?

СОЛОМОН. Да, в Торе об этом говорится много.

КАПРАЛ (Соломону негромко). Мужика надо проветрить... Думаю, надо на океан... Бабу ему там подыщем...

СОЛОМОН. Какую бабу?! Из меня в синагоге знаешь что сделают?!..

КАПРАЛ. Но ради дружбы народов!..

СОЛОМОН. Дружба народов! Дружба народов!.. Знаю я что такое дружба народов!

КАПРАЛ. Что ты знаешь?

СОЛОМОН. Дружба народов-это когда все эти народы собираются вместе и идут бить одного бедного еврея...

КАПРАЛ. Ты видел что б я, Джозеф-итальянец по происхождению, бил хоть одного бедного еврея?!

СОЛОМОН.Бедного может и не нет...(и как бы примирительно). Хорошо, только скажи Розе, что мы в синагогу пошли...

Капрал улыбнулся, а глянув на Конфуция, приздумался. Но вдруг, оттянув уголки глаз, сделал их узкими, посмотрел на Соломона.

КАПРАЛ. Слышь, а такие евреи в синагогу ходят?..

СОЛОМОН. Ты даже себе представить себе не можешь, какие только евреи туда не ходят!..

А скоро вся четверка уже ступала по пескам пляжа: выбирали место где расположиться... Соломон стащил с себя черный пиджак... Капрал, тут же подтолкнув Матвея плечом, кивнул на Соломона.

КАПРАЛ. Стрип!..

Но он не договорил: в метрах двадцати здоровенная женщина, приподняла огромную задницу, а сидевший рядом худой и длинный мужчина, расчистил место под ее животом...

КАПРАЛ (Матвею). У, Гром-баба! Тебе бы ее на часок?!

МАТВЕЙ (Соломону). Я люблю только свою жену!..

Приятели раскинули покрывала, сложили одежду. Конфуций достал из сумки несколько банок пива, подал одну Матвею. Но тот смотрел вперед, где недалеко от воды, молодой, хорошо накаченный мужчина, что-то отчитывал сидевшую тут же девушку. Та, ткнувшись в коленки, видно плакала. Качек сорвал с песка свою одежду и стал уходить.

КАПРАЛ. Как люди с девочками обращаются?!

СОЛОМОН. Так пойд и разберись.

Капрал, видя, что качек решительно уходит, расхрабрился, подтянул плавки и назидательно глянул на Конфуция.

КАПРАЛ. Передай своему приятелю Соломону, что Капрал не из трусливых!

Еще раз, как бы основательно, подтянув плавки, потопал к девушке. А вот, скрестив руки на груди, стал над нею.

КАПРАЛ. Извините, мисс, а вы знаете Конфуция?..

Та оценивающе глянула на него снизу вверх, и посмотрев за его спину, усмехнулась.

ДЕВУШКА. Конфуция я не знаю, но по-китайски ты сейчас, точно, заговоришь.

Капрал оглянулся и, увидев нависшего над ним качка, тут же расплылся в широкой улыбке.

КАЧЕК (девушке). Что за таракан?

ДЕВУШКА. Не видишь-знакомый Конфуция...

Тот глянул на невысокого человечка, а Капрал увидел, как в глазах Качка накапливается гнев.

КАПРАЛ (примирительно). Извините, сэр, но на мой взгляд тут имеет место некоторое незнание Конфуция...

КАЧЕК. Ну так я сейчас тебе это незнание компенсирую!

Дальше, Капрал, не успел сообразить как, оказался у Качка в подмышке, и уже через минуту барахтался в воде. Вынырнув, стоя по пояс в воде, Капрал отфыркался.

КАПРАЛ (вслед качку, в сердцах). Все равно ты не знаешь Конфуция!

Качек же в ответ весело помахал ему какой-то тряпичей: плавки Капрала. Вдобавок, увидев, как от Гром-бабы поднялся лежавший рядом длинный худой мужчина и направился к ней. Качек, подошел к ней и сунул под ее пах плавки Капрала.

ГРОМ-БАБА (не отрывая головы от песка). прохлада какая! Хорошо...

Качек снова пошел в сторону своей девушки, сорвал с песка свою одежду и широким шагом, подминая песок ступней, двинул с пляжа. Капрал, прикрывая пах ладонями, бросился к лежавшей Гром-бабе, плюхнулся рядом с ней. Девушка, из-за которой ему пришлось так пострадать, сдерживая смех, прикрыла рот рукой. Капрал помахал ей ладошкой. Гром-баба, услышав, как кто-то вытянулся рядом, ласково проворковала.

ГРОМ-БАБА. Это кто?

КАПРАЛ. Это Джозеф!

ГРОМ-БАБА. Никак сам Святой Джозеф?!

КАПРАЛ (проталкивая руку ей под пах). О, еще какой святой!

ГРОМ-БАБА. Ну, если ты святой Джозеф, то я Святая Магдалина!

КАПРАЛ. Я так и думал!

ГРОМ-БАБА (кокетливо). И чего святой Джозеф ищет там... у Святой Магдалины??..

КАПРАЛ. Плавочки, мэ...

Тут Гром-баба повернула на него голову и вlepила ему оплеуху. Капрал клянул носом в песок.

ГРОМ-БАБА. Не твой размер, болван!

КАПРАЛ (отплевываясь). Только что был мой...

Но в эту минуту над ними нависла тень. Высокий и худощавый обалдело смотрел, как некто, непонятно кто, шарит под самым неприкосновенным «местом» жены.

КАПРАЛ (от растерянности). Привет старина!..

ВЫСОКИЙ. Что?!..

КАПРАЛ. Мне бы только плавочки...

ВЫСОКИЙ. Что?!

Он оторвал Капрала от песка от песка, но коротышка успел вцепиться в ногу гром-бабы..

ВЫСОКИЙ. Отпусти ее ногу

КАПРАЛ. Не могу, сэр!

Он сильнее вцепился в ногу Гром-бабы, отчего показалось, что та отползла.

ВЫСОКИЙ. Отпусти, убью!

Но в этот момент рядом вырос Матвей.

МАТВЕЙ (на горском, перехватив его руку). А ну положи его на место!

ВЫСОКИЙ. А это еще что за чудо?!

Он сбросил Капрала на Гром-бабу.

Матвей подсек ногу Высокому и тот оказался рядом с женой. Капрал, наконец, вырвал из-под генеральши свои плавки, быстро влез в них.

ВЫСОКИЙ (сидя, сплевывая песок). Вы кто?

КАПРАЛ. Он горский мент! Я тоже.

ВЫСОКИЙ. Что ты мент-это да!

КАПРАЛ. Пока!

Они пошли к друзьям.

КАПРАЛ (Соломону). А ты говорил!.. Дружба народов! (и глянул на Матвея).

Подарок с меня! Соломон переведи.

Тот перевел, но лейтенант отмахнулся.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я не пью!

Приятели снова увидели погруженную в раздумье физиономию Матвея. А ему увиделось, как некий парикмахер, похожий на него, встает ночью и проникает в спальню...

МАТВЕЙ (гневно). Всех убью!

КАПРАЛ. Лейтенант, я не про водку говорю, я тебе хороший сюрприз устрою!... Ну, вот такой, примерно...

Он кивнул в сторону генерала, который теперь увлеченно подсовывал руку под неприкосновенное место жены...

НЬЮ ЙОРК. САЛОН ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

В салоне Капрал, Конфуций, Матвей, Соломон. Капрал задернул, а потом снова раздвинул шторку небольшой кабинки, в которой стояло что-то вроде кушетки. Оставшись довольным, он как бы свысока посмотрел на приятелей.

КАПРАЛ. Ложе любви ждет свою Джульету и Ромео!

«Ромео» был Матвей, который отстранено наблюдал за хлопотами Капрала.

А вот Капрал взглянул на часы, выглянул наружу. Минуту вглядевшись в вечернюю улицу, он вдруг возбужденно оглянулся.

КАПРАЛ. Идет!..

В салон вошла грудастая блондинка. Увидев четырех мужиков, уставившихся на нее из разных углов, опешила.

БЛОНДИНКА. Мы так не договаривались!

КАПРАЛ. Нет-нет! Только один!

Блондинка снова прошла по лицам и остановилась на Соломоне.

БЛОНДИНКА. Этот, что ли?..

КАПРАЛ. Нет-нет! Он переводчик!

Блондинка кажется и вовсе перестала соображать, и погрузилась в раздумье.

БЛОНДИНКА (в раздумье)/ Мы на пороге новой сексуальной революции!.. А кого он будет переводить?

Головы повернулись в сторону Матвея.

БЛОНДИНКА. Окей! (и Соломону)/ Ну пошли... переводчик...

Соломон жалобно посмотрел на Капрала и дал деру из парикмахерской.

БЛОНДИНКА. Переводчик сбежал, революция отменяется...

Она зашла за ширму и все снова посмотрели на Матвея. Капрал кивнул головой, мол иди.

МАТВЕЙ (на горском). Не хотел я больше к связисткам, но вдруг я уже сюда никогда не приеду.

Он решительно поднялся, а когда за ним задернулась ширма, Капрал невольно глянул на настенные часы.

За ширмой послышалось шуршание одежды, скрип кушетки...

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

И-3 (с намеком И-второму). Плакали чьи-то пульки...

И-2. Рано торжествуешь! Эти варвары непредсказуемы! Сегодня-любовь, завтра-кровь!

И-1. Не знаю, как кровь, а пулями точно запахло...

НЬЮ ЙОРК. САЛОН ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

В салоне все те же, и по-прежнему из-за ширмы скрип. Конфуций нервно тряс коленками и выбивал по столу нервную дробь.

КАПРАЛ (Конфуцию). Заткнись!

Но Конфуций принципиально усилил дробь и в эту секунду раздался стук в дверь.

КАПРАЛ.Сестра Маэстро! Шер! Все, нам шиздец!

КОНФУЦИЙ (невозмутимо). Силовека. Сисистра. Пизеси...

Капрал поплелся к двери, встал вплотную, но открывать не стал.

ШЕР.Где Марк?! Открой!

КАПРАЛ (приложил ухо к стеклу). Ничего не слышно!

ШЕР.Открой сейчас же! Маму машина сбила!

Капрал открыл, Шер ворвалась в салон.

ШЕР.Где...

Но она не договорила: из-за шторы вырвался стон. Шер ошарашенно скользнула по лицам притихших мужиков.

ШЕР (ужаснувшись). Это он?!... Мерзавец! Мать в госпитале, а он в этот момент!...

Она мстительно распахнула штору и выбежала из салона. Матвей оглянулся и ему представилось, как в окно его спальни смотрели Черпой и козел Омон.

МАТВЕЙ. Всех убью!..

Двери открылись и вошли полицейские Симоном с Питом.

ПИТ.Капрал, что здесь происходит?

Открылась дверь и в нее осторожно сунулась голова с пейсами.

КАПРАЛ.Подарок гостю...

В эту секунду из-за ширмы вышел злой лейтенант.

МАТВЕЙ (гневно, возясь с ремнем). Это - подарок?!.. Всех убью!..

Но через несколько минут по улицам Нью Йорка со включенной мигалкой мчала машина Симона, на заднем сидении вплотную сидели Матвей, Капрал, Конфудий и Соломон. Матвей тоскливо смотрел в окно.

НЬЮ ЙОРК. ГОСПИТАЛЬ. КОРИДОР.

В коридоре, избегая взглядов друг друга, стояли шестеро приятелей и с ними была Шер. На лицах беспокойное ожидание. Но вот, наконец, появился доктор. .

ДОКТОР. Кто близкие?

ШЕР. Мы.. Я-дочь. (и показав на Матвея). Это сын... Скажите...

ДОКТОР. Мы сделали все, что могли... Будем надеяться... Но нужна кровь.

Шер встревоженно глянула на Матвея, а тот привычно поискал помощи у «переводчика». Соломон почесал за ухом и отвел друзей в сторону.

Шер с доктором понимающе смотрели на что-то шептавшихся друзей.

МАТВЕЙ (благородно). Конечно, самый первый, кровь маме должен сдать сын! (и с щедростью южанина). Пускай берет сколько надо! Что, кровь жалко! Скажи «сестре»!

А вот Матвею делают контрольный забор крови.

А сейчас его ввели в операционную, где на столе лежала мать Марка. Она на мгновение открыла глаза.

Увидев «сына», едва заметно улыбнулась, а губы еле слышно шепнули: -Сы-ын...

По тонкой прозрачной трубке от руки Матвея к руке «матери» потекла кровь.

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

И-1. рассмотрев на мониторе картинки из операционной, с довольным видом откинулся на спинку кресла. Торжествуя глянул на И-2.

И-1 (И- второму). Коллега, а что для вас... счастье?

И-2 (усмехнувшись). Пульки, которые вы мне проигрываете...

И-3 (И-второму). У вас наркотическая зависимость, коллега..

НЬЮ ЙОРК. ГОСПИТАЛЬ.

Матвей вышел из операционной и тут же попал в объятия своих друзей. Но, словно почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулся. Глаза Шер. Долгое мгновение Матвей и Шер смотрели глаза в глаза. Но вот она бросилась к нему, тепло обняла: -Брат!

И заплакала! Матвей стоял не шелохнувшись. Приятеля вокруг улыбались.

ШЕР (друзьям). Вы езжайте, а еще останусь немного (и Мавтею). Ты тоже езжай! Ты ведь очень устал!

СОЛОМОН. Все правильно! Мы его подвезем!

Они пошли по коридору.

КАПРАЛ (Матвею). Я тебе завтра такой сюрприз устрою!..

Матвей приостановился.

МАТВЕЙ Все! Никаких связисток!

КАПРАЛ. Нет, к одной я тебя все-таки отведу! А вдруг ты сюда уже не приедешь!

Они рассмеялись, ударили по рукам.

МЕСТЕЧКО. УЛИЦА.

По улице бодреньким шагом семенит Кукуш. В руке папка для документов. На углу стоит стенд из десяти почтовых ящиков. Он достает из папки конверт, вытягивает фотографии. На них Марк целует Лану.

КУКУШ (полюбовавшись). Концептуально!..

Он вытянул из папки фламастер и вывел на конверте: ИЛЮШКЕ СЫНУ АРСЕНА.

Полюбовался и ниже поставил: ПРЯМО В РУКИ!

МЕСТЕЧКО. ДОМ ВИКТОРИИ.

Виктория вошла в калитку. Двор был широкий. Ближе к воротам стояла красная легковушка отца. В глубине двора, в беседке, за чаем сидели родители. Виктория помахала ладошкой.

ВИКТОРИЯ. Родственники привет!

РОДИТЕЛИ. Привет, привет!

Она зашла в дом, постояла на кухне, из окна которой была видна беседка. Отец что-то разъяснял матери. Виктория прошла в зал, на телевизоре, в хрустальной вазе, лежали ключи от машины. Она взяла их. Выйдя из дома, подошла к беседке.

ПЕТРО. Ну, говори...

ВИКТОРИЯ. Машина нужна, Лия попросила Матвея к доктору отвезти...

Родители переглянулись.

ПЕТРО. Ну, раз нужно лейтенанту... Только будь осторожна...

ВИКТОРИЯ (чмокнув отца в щеку). Спасибо, все будет окей!

Она быстро пошла к воротам.

ПЕТРО (вслед). А ключи?!

Виктория, не оборачиваясь вскинула рукой с ключами, побренчала.

ПЕТРО. Копия папа!

Виктория раскрыла ворота, а вот красная легковушка пошла по улице местечка. А вот машина пошла к центру города. За рулем Виктория, рядом-Марк. Город утопал в зелени. (за кадром попури из горских песен). Притормозили возле фонтана, за которым открывался вид на огромный Дом правительства. Виктория, что-то объясняя, невольно наклонилась к Марку. Оказались близко лицом к лицу. Он, глядя в ее глаза, заворуженно застыл.

ВИКТОРИЯ. Сэр, я вам про фонтан рассказываю...

МАРК. Извините, да, да...

Он резко отвернулся к окну, но тут же повернулся к Виктории. Она легко улыбнулась. Стронула машину с места. Они въехали в парковую зону...

МАРК (с восторгом). Маленькая Швейцария!

Он тайком глянул в красивый профиль Виктории.

МАРК. Я хочу тебе тоже показать Нью Йорк. В гости приедешь?

ВИКТОРИЯ. Тебе самому бы для начала...

МАРК. Тоже верно...

ВИКТОРИЯ. Не печальтесь, юноша! В Нью Йорк, так в Нью Йорк!

МАРК. Я и не печалюсь! Как можно печалиться рядом с такой Пые-шичкой!

Они рассмеялись.

МАНХЕТЕН.

Матвей, Соломон, Капрал и Конфуций вышли на Сорок вторую, к зданию Тайм Сквер.

КАПРАЛ (кивнув на фасад). Здесь и ждет тебя обещанная связистка.

СОЛОМОН (о чем-то думая). Дом терпимости...

МАТВЕЙ. Мужики, Вы чего, мне туда нельзя!

КАПРАЛ. Боишься?

МАТВЕЙ. Я боюсь? Говори куда!..

КАПРАЛ. Это другое дело!

На скоростном лифте они поднялись на девятый этаж. С первых шагов по музею лицо Матвея несколько изменилось, какое-то легкое опьянение читалось в его

глазах. Матвей потрясенно ходил меж восковых, но невероятно «живых» фигур. Горбачев! Рейган, Мадона... Ленин!... А вот самая красивая женщина мира Анжелина Джоли!

КАПРАЛ. Хочешь поцеловать?

МАТВЕЙ. Ух, как хочу!..

Они подошли фигуре маленькой, остроносой старушке в черном, в старинным очках.

КАПРАЛ. Ну вот, та связистка, которую я тебе обещал. Мадам Тюссо! Хочешь поцеловать.

МАТВЕЙ. Лучше козу Черпой в зад...

КАПРАЛ. Я тебя понимаю, но с этой мадам начались все музеи восковых фигур.

МАТВЕЙ (словно открытие). Я знаю кого назову Мадам Тюссо! Кукуша! Есть у нас один такой папараци! Что делать, горские тоже люди!

Они вышли из музея, а вот уже сидели на втором ярусе экскурсионного автобуса по Манхетену. Вечерний Манхетен казался восхитительным. Лишь изредка, увидев, какую-нибудь целующуюся пару, Матвей мрачнел: чудилось ему в эти мгновенья, как некий парикмахер-ишак, делает прическу его Лие, и вот, наклонившись, целует ее.

МАТВЕЙ. Всех убью!

Но скоро огни Манхетена возвращали его в сказку фантастических ярких реклам.

МЕСТЕЧКО. УЛИЦА.

Илья открывает почтовый ящик, достает письмо. Разглядывает довольно любопытную надпись на конверте: Илюшке.... прямо в руки. Он вскрыл конверт и в его руках оказались фотографии с «любовной сценой» Ланы и «Матвея». Руки невольно взялись разорвать их, но в следующую секунду он сунул фотографии в карман и быстро пошел по улице. Впереди появился знакомый. Илья несколько замедлил шаг. Поздоровались.

ИЛЬЯ. Кукуша случайно не видел?

ЗНАКОМЫЙ. Сегодня... еще нет. .. Щелкает где-нибудь. А что?

Илья заглянул ему в глаза и понял, что тот наверняка знал про фотографии Ланы.

ИЛЬЯ. Хотел его на одно мероприятие пригласить.

ЗНАКОМЫЙ. Он свое дело знает!

ИЛЬЯ. Я и говорю-знает...

Они попрощались, Илья пошел к Центру Местечка. Увидев на пяточке у магазина вечный кружок сплетни-

ков, хотел было свернуть, но те его уже заметили, мелькнули усмешки. Илья подошел к ним, со всеми поздоровался за руку. Было их человек пять. Зависла пауза. Горский, в фуражке с длинным козырьком, сунул руки в карманы брюк.

ФУРАЖКА. Говорят, Матвей память потерял. Жену не узнает, никого не узнает!

Илья оценивающе глянул.

ФУРАЖКА (не дождавшись ответа Ильи). Что самое интересное, жену не узнает, а на молоденьких клюет...

В кружке похихикали.

ИЛЬЯ. И что?

ФУРАЖКА. Ничего...

ИЛЬЯ (с издевкой). А-а...

В кружке опять похихикали.

Один из круга, с заметным брюшком, откинул плечи.

БРЮШКО. Да, не горевать отцу Кукуша, везде папарацци успевают!

КТО-ТО. Папарацци ведь...

Илья, как было заведено в местечке, не прощаясь оставил кружок. Здесь, в Центре Местечка, всегда стояло несколько машин «бомбил». Он снял одну, сел на заднее сиденье.

ИЛЬЯ. Шеф, на Проспект.

Машина развернулась и пошла от Центра.

ПЯТЯЧЕК.

В кружке дружно смотрели легковушке вслед.

КТО-ТО. Этого Кукуша кто-нибудь убьет...

Горский в клетчатой рубашке сунул руку в карман.

РУБАШКА. Никто его и пальцем не тронет!

КТО-ТО. Почему?

РУБАШКА. Потому, что все хотят про другого что-нибудь вонючее услышать. А этот папарацци как раз и делает то, что всем нравится! Человеку легче живется, если кто-то рядом в грязь упал. А если тот станет подниматься из этой грязи снова толкнут его. Мудрецы почему говорят-из-за чего Храм был разрушен? Из-за беспричинной ненависти евреев к друг другу!

ФУРАЖКА (с издевкой). Профессор!

Машина Илья проезжала мимо детского садика. Сквозь металлические прутья забора были видны фигуры трех девушек. Рита, Виктория и Лана.

ИЛЬЯ (водителю, неожиданно). Шеф, тормози!

Машина стала, Илья выбрался, сунув руки в карманы, подошел к изгороди.

ИЛЬЯ. Лана!

Девушки вопросительно переглянулись. Илья снова позвал.

ВИКТОРИЯ (Лане). Иди...

Та подошла , снова стояли разделенные железным забором.

ЛАНА. Ну?..

ИЛЬЯ. Хочу тебе одну вещь показать,

ЛАНА. И какую?

ИЛЬЯ. Договор! (он просунул сквозь прутья фото).

ЛАНА. Что это?

ИЛЬЯ. Потеря памяти! (он повернул к машине и через пару шагов). И совести!..

ЛАНА. Илья, ты ничего не знаешь! Подожди! Илья!

Он развернулся и с болью запел. В какой-то момент песню подхватила Лана и они снова запели дуэтом на горском.

А потом он порывисто распахнул дверцу машины, сел. Легковушка пошла по улице. Илья не видел, как заплакала Лана.

Виктория подбежала к ней, обняла, вытянула из ее рук фото.

ВИКТОРИЯ (вздыхнув). Как говорят горские: Один сплетник, семь кровей сотворит!

Она попыталась успокоить подругу.

ВИКТОРИЯ. Мать, да не убивайся так! Все образуется! Главное Илюшка любит тебя!..

НЬЮ ЙОРК. САЛОН ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

Приятели в полном составе, расположились кто-где. У каждого в руках по бутылке пива. У всех счастливые лица.

Матвей сидит напротив кабинки, где еще пару часов назад охала-стонала под ним Блондинка. Вдруг

возле ножки кушетки что-то блеснуло. Но в эту секунду тишину нарушил Капрал.

КАПРАЛ. Ну, что теперь надо взять визу в консульстве и - домой! Документы-то Марка мы нашли...

Все перевели взгляд на Матвея. Тот что-то внимательно разглядывал в кабинке. Но вот медленно поднялся и пошел за ширму. Все немо наблюдали за ним.

КАПРАЛ. Его туда тянет. Нехорошо получилось с подарком...

СОЛОМОН (в сердцах). Дружба народов!.. Дружба народов!..

Но вот из-за ширмы вышел Матвей. В его руках блеснула цепочка с кулоном. Он прошелся по лицам вопросительным взглядом и показал свою находку.

Полицейский Симон, глядя на кулон, насторожился. Пристально глянул на своего коллегу Питу и взял у Матвея кулон с цепочкой. Повертел в руках.

СИМОН (Питу). А ну-ка принеси ноутбук...

ПИТ (с догадкой). Ты думаешь...

СИМОН. Во всяком случае похоже...

Пит пошел к двери, а оставшиеся с любопытством смотрели на Симона...

А вот Симон за небольшим столиком и что-то набирает по компьютеру. Приятели сгрудились над ним. Поймав на экране фотографию каких-то драгоценностей, он откинулся на спинку стула.

СИМОН. Она!.. Это из вещей коллекционера!.. (и глянув на Матвея) Ну, коллега, ты представляешь кого ты... раздевал?!.. Соломон, объясни ему. Кажется мы можем выйти на грабителей!.. Капрал, нужно вызывать, Блондинку!

Но только он это произнес, как открылась дверь и в салон вошла она сама. Первым делом подошла к Матвею, соблазняяще скользнула пальцем по щеке вниз.

БЛОНДИНКА (ему). Может продолжим, а то... (и глянула на Соломона). Переведи, мальш...

МАТВЕЙ (опередив его). Никаких подарков!

БЛОНДИНКА Милый, я обронила цепочку... Случайно она не здесь где-нибудь?..

Она зашла за ширму, а салон утонул в густой тишине...

Блондинка, которую звали Мэри, теперь сидела за небольшим столиком и полицейский Симон повернул к ней экран ноутбука с цветной картинкой. Положил перед ней ее цепочку, пристально глянул. Она сравнила ее с картинкой на ноутбуке и откинулась на спинку стула.

БЛОНДИНКА. Не знала, что это такая ценность!..
Вот сука!..

СИМОН. Кто сука?.. Кто тебе это продал?..

БЛОНДИНКА (видно, кого-то передернув). «...пол
цены... пол цены!..»

Матвей вопросительно посмотрел на Соломона,
который явно хотел показать, что присутствие Мэри его
явно не интересует.

МАТВЕЙ (Соломону с загоревшимися глазами и
кивнув на полицейских).

Скажи им- у меня идея!.. Я их поймаю!.. Дружба
народов!..

Соломон, вновь услышав «...дружба народов...»
мученически вздохнул, но все же перевел.

СИМОН. Спасибо, конечно, лейтенант, но сейчас
не ты нам, а мы тебе должны помочь...

МАТВЕЙ (возмущенно). А что- одна только
«бычиха»?! А может я и по настоящим бандитам соску-
чился!.. Я может не только ЭТО (и он показал руками
что «это») делать могу!..

ЮЖНЫЙ. УЛИЦЫ.

У дома Матвея стоит красная легковушка, за рулем Виктория. Марк вышел из дома, сел на пассажирское кресло. Соседки, сидевшие неподалеку, провели его дружным многозначительным взглядом. Но как только машина отъехала, точно по команде, зашушукались.

СТАРУШКА. Говорят, он жену не узнает.

ВТОРАЯ. То, что ему надо, он узнает!...

Похихикали.

НЬЮ ЙОРК. САЛОН ПАРИМАХЕРСКОЙ.

Прежняя кампания с Блондинкой. В сопровождении полицейских она вышла на улицу. В дверях Симон оглянулся на Матвея.

СИМОН.Завтра увидимся. Все будет окей! Скоро будешь дома!...

ЮЖНЫЙ. УЛИЦЫ.

Машина Виктории шла по зеленому курортному городу. Виктория (за рулем) время от времени что-то объясняла сидевшему, теперь, рядом Марку. А того явно переполняло счастье и он влюбленно поглядывал на своего очаровательного гида-водителя. Машина вошла в парковую зону, а вот скоро свернула на спуск и через пару минут катила мимо небольшого озера, берега кото-

рого, словно ресницы, окаймляли задумчивые ивы. На озере отдыхающие катались на лодках и водных велосипедах..

МАРК. Какая красота! Давай здесь остановимся...

ВИКТОРИЯ. Как скажете, сэ-эр!

МАРК. Я не знаю, как получилось, что я оказался здесь, но Кавказ так прекрасен!

ВИКТОРИЯ. Хочешь на водных велосипедах покатаемся?

МАРК. Да хоть на самокатах, только бы рядом с тобой, Пые-шичка!

ВИКТОРИЯ (улыбнувшись). Мне даже понравилось быть пышечкой...

МАРК. А как мне!

Они припарковались недалеко от кафе со столиками снаружи, пошли к кассе.

Работник водной станции помог им сесть на велосипед.

МАРК. Должен признаться, я неумею плавать...

ВИКТОРИЯ. Живешь на океане и плавать не умеешь?

МАРК. Так получилось. Я рос без отца, чаще вокруг были подруги матери. Наверное потому я стал парикмахером. А на счет плавания, единственное в чем я могу хорошо плавать, то это в женских волосах. Без всякой скромности. Ко мне ходят даже манхетенские звезды...

ВИКТОРИЯ. А ты бываешь иногда другим.

Они забавно крутили педалями велосипеда, брызги порою попадали им на лица, в какой-то момент их взгляды встретились, губы стали сближаться, но Виктория вдруг сделала неловкое движение и оказалась в воде. Марк привстал, но тоже чуть не сорвался в воду. Виктория, вынырнула.

МАРК (бросившись в воду). Спасая!

Но сам погрузился с головой под воду, кое-как выкарабкался, и тут его подхватила Виктория. Марк, отфыркиваясь, хлопал по воде руками, Виктория притянула велосипед и они взялись за него.

ВИКТОРИЯ (смеясь). Ну что спасатель, чего прыгал, если плавать не можешь?!

МАРК (не отрывая от нее влюбленного взгляда). Когда леди тонет, истинный джентльмен должен или спасти ее или сдохнуть!

Они снова потянулись друг к другу, но Виктория, в том самый момент, когда губы вот-вот должны были коснуться губ, отвела голову, пригладила волос.

ВИКТОРИЯ. Спасатель, на велосипед забраться сможешь?

МАРК. Залезать, это не плавать...

Виктория удерживала катамаран, Марк без труда забрался, протянул ей руку.

Она забралась, села, и он увидел, как мокрое платье волнующе вылепило ее красивое тело.

ВИКТОРИЯ. Чего уставился?

МАРК. Ты очень секси!

ВИКТОРИЯ, Ты специально меня толкнул, для своего секси, так?!

МАРК. Ты не права, Пые-шичка! Я...

Но договорить он успел, Виктория толкнула его в озеро. Марк погрузился, вынырнул, Виктория хохотала, но вот он повернулся и поплыл к берегу.

Виктория (испуганно). Эй, ты куда? А сели потонешь? О, Господи!

Она прыгнула следом, нагнала его.

МАРК. Леди, вы куда?

ВИКТОРИЯ. Истинная леди, когда джентльмен тонет, должна или спасти его, или...

МАРК. Не продолжай, пожалуйста! Поплывем?

ВИКТОРИЯ. Но это тебе не женские волосы!

МАРК. Если что, поможешь!

ВИКТОРИЯ. Если ты потонешь, Америка нам этого не простит!

МАРК. Не такая уж и плохая она-Америка! И потом, не зря говорят, хочешь кого-то научить плавать, сбрось его в воду.

Они доплыли до берега. Выбрались, Пошатываясь поднялись на обваловку. Вода ручейками стекла с их одежды.

ВИКТОРИЯ. Там, ниже речка, можно отжать вещи.

Они спустились к реке. Народу было немного. Нашли место закрытое ветвями ив. Он снова залюбовался ее телом, так волнующе проглядывавшем под мокрым платьем.

ВИКТОРИЯ. Ну, обсуши меня!

МАРК. Я знаю, ты смеешься надо мной. Но ты совсем другая. Ты нежная и ласковая!

Они приблизились друг к другу.

ВИКТОРИЯ. Ну, и ты ничего! Не помнешься...

Целуясь, они опустились на траву. Вдруг раздвинулись ветви и возникла физиономия Кукуша. Он навел объектив, щелчек, еще один...

ДВОР АРИЭЛЯ. ВЕЧЕР.

Во дворе накрыт длинный праздничный стол. Гостей за столом собралось человек тридцать. Как обычно, за отдельным столиком, расположилось три национальных инструментов: кларнетист, гармонист и барабанщик. Над двором кружит веселый говор. Ариэль, как хозяин, ходил вдоль столов. Увидев, что во двор вошли Лия и «лейтенант», поднялся, разбросав руками, пошел навстречу.

Илья сидел за столом напротив крыльца, хмуро посмотрел в сторону «Матвея».

Из дома на приветствия Ариэля выглянула Лана. Она была великолепна. Стоя на крыльце, она со сдержанной улыбкой смотрела на Лию и Марка. Илья заметил этот взгляд, налил себе водки и зло выпил. Лана мельком глянула на него, погрузнела. Рядом стала Виктория.

ВИКТОРИЯ. Мать, ты чего? (и глянула на Илью, тот отвернулся).

ЛАНА. Да, ничего, иди, там Лия...

Ариэль, тем временем подошел к гостям, стала рядом и Виктория.

ЛИЯ. Дай Бог, что бы мы гуляли и на свадьбе твоего сына!

АРИЭЛЬ. Спасибо! (и громко-для окружающих). Проходи Власть, ждем тебя!

(но тише-для Марка). Не беспокойся! Мы тебя будем выручать... когда если что!..

Виктория перевела.

ЛИЯ (Виктории). Скажи что б он так не паялился на тебя! Что люди подумают?!

ВИКТОРИЯ (Марку). Не смотрите на меня долго... У тебя- «жена»...

АРИЭЛЬ. Ну проходите, гости дорогие!

ЛИЯ. А ну-ка, где виновник торжества?!..

АРИЭЛЬ. Хозяин дома!!

Он провел их в дом, где в зале шли приготовления к обрззанию. Жена Ариэля держала малыша на руках. Женщины расцеловались, а потом Лия вложила конверт с деньгами в «конверт» младенца.

ЛИЯ. Дай Бог, что б на его свадьбе!..

МЕСТЕЧКО. ВЕЧЕРНЯЯ УЛИЦА.

Недалеко от дома Ариэля стала легковушка. В ней было два человека. Водитель положил руку на руль. На трех пальцах стояли три большие буквы: ТЛТ...

ТЛТ (второму). Ну, что, пускай пока веселиться, мент!..

ВТОРОЙ. Ну, мы же добрые! (и он заржал).

ДВОР АРИЭЛЯ.

В эту минуту со двора кто-то позвал Ариэля, сообщали, что пришел доктор, который и должен был делать обрезание. Ариэль вышел и скоро вернулся, сопровождая невысокого толстячка с небольшим коричневым чемоданчиком в руке. К его приходу все было уже готово: у стены стоял накрытый белым стол, на котором лежала белоснежная подушка. Равин надел белый халат.

Во дворе начался обряд САНДАГО (или выкупа), где гости борются за право держать малыша на руках во время обрезания. Кто предложит большую сумму, тот и победитель. Ариэль что-то шепнул Виктории, та что-то сказала на ухо Марку. Раввин назначил первую сумму, тут же один из гостей назвал большую. Кто-то выкрикнул еще большую. Страсти стали накаляться. Ариэль подмигнул Виктории, та незаметно показала Марку три пальца.

МАРК (на на английском). Три (и выбросил три пальца).

Стало тихо. Равин посмотрел на Ариэля, тот согласно кивнул.

РАВИН (с иронией). Кому охота с властью спорить?!

Во дворе стало шумно, гости кинулись поздравлять Власть с победой, Марк виновато улыбался, Ариэль провел его в дом. Марка усадили на стул, на колени положили подушку, на ней удобно устроили младенца. Равин начал читать молитву.

Во дворе стояла тишина, но вот раздался крик младенца, а вот плач стих, мамаша в отдельной комнате давала ему грудь...

...И пошло-поехало веселье: во дворе уже горел свет, играло трио национальных инструментов. Женщины то и дело подавали мужчинам закуски. И Марк, всякий раз, когда появлялась Виктория, не сводил с нее зачарованного взгляда. Сидел он с Лией на почетном месте, рядом с хозяином торжества, Ариэлем.

Кто-то из мужчин вышел танцевать. Вновь и вновь наполнялись бокалы..Марк выпил очередную рюмку, вот он захмелел и все окружающие его, еще недавно совершенно незнакомые люди, не говоря про козла Омона, который пару раз подошел к нему, ткнувшись в бок, все ему казались милыми, добрыми, родными. Рядом с ним сидел толстячек-доктор, напротив бородач, которого звали почти по-американски Жорж. Рядом с бородачем-Черпой. Марк, растрогавшись, хмельно глянул на бородача Жоржа. А потом микрофон дали Ариэлю и он запел.

МАРК (на английском). Мне так неудобно! Вы все такие хорошие, а я вас обманываю! Я не лейтенант! Я американский гражданин! Но я не могу и не хочу больше пользоваться вашей бесконечной добротой!

ЖОРЖ (на русском). Эй, лейтенант, ты где так выучился на английском шпарить?

МАРК. Я не лейтенант! Я совсем другой!

АРИЭЛЬ (как бы в поддержку Марка). Хитрый он у нас!.. Хочет и нас научить английский!.. А ну-ка еще по одному!.. Жорж, наливай!

Марку всучили наполненную рюмку, он тут же опорожнил ее, но и снова пустился в свои излияния.

МАРК. Как же мне вам объяснить?!

И вдруг его глаза хмельно блеснули, будто он сейчас догадался до какой-то важнейшей штуковины.

МАРК Я понял! Я понял, как вам объяснить! И вы тоже сейчас поймете! Я не лейтенант! Я вообще не горский! Пошли!

Он поднялся и поманил рукой за собой ничего не понимавших, но сейчас довольно покладистых приятелей. Они послушно пошли за Марком. Проходили мимо Ильи. Стали недалеко у ворот.

Лана и Виктория танцевали горский танец. Лана, подметив компанию Ариэля, легко кивнула в их сторону. В это время и Ариэль обернулся и жестом ладони пригласил девушек. Лана проходила мимо Ильи, и они оба почувствовали, как ищут глаз друг друга и в то же время избегают своих взглядов.

Девушки стали рядом с Ариэлем. Марк продолжал что-то говорить.

ВИКТОРИЯ (Ариэлю). Он говорит, что вы очень хорошие люди, а он тоже честный человек и не хочет никого обманывать. (и на ухо Ариэлю). Он говорит, что он не обрезанный.

АРИЭЛЬ (хмельно). Концептуально! Ну, доченьки, теперь идите...

Девушки вернулись к танцевальной площадке. Илья вышел рюмку водки и пошел к компании Ариэля.

АРИЭЛЬ (хлопнув Марка по плечу)... не только понравился, но и он сам хочет обезания.

Прятели вопросительно переглянулись.

АРИЭЛЬ. Повторно.

РАВИН. Ну, если Власть хочет, то никаких проблем! Обрежем!

ИЛЬЯ. Дядя Ариэль, разрешите это сделать мне!

РАВИН. А ты учился на это?

АРИЭЛЬ. Обижаешь! Он будущий адвокат! Он так может обрезать!

ИЛЬЯ. Мы только с ним предварительно договоримся, да Власть? (и Ариэлю). Он согласен.

Марк улыбался во весь рот.

АРИЭЛЬ. Господин адвокат, я надеюсь, вы сделаете это для моего гостя, как можно лучше!

ИЛЬЯ. Все будет, окей, дядя Ариэль.

МАРК. О, вы говорите на английском?

ИЛЬЯ. Мы сейчас и поговорим!

АРИЭЛЬ (приятелям). Адвока-ат! Пошли за стол.

Илья взял Марка под руку и они вышли на улицу. Здесь стояли группы гостей, перекуривали, что-то обсуждали. Илья повел Марка вдоль улицы.

В ЛЕГКОВУШКЕ.

ВТОРОЙ (толкнув локтем ТЛТ) Смотри, мент нарисовался!

ТЛТ. Кажется, он нажрался...

ВТОРОЙ. Дак, мы же добрые! (снова заржал).

ТЛТ. Что со вторым делать?..

ВТОРОЙ. За одно и его!..

ТЛТ. Ладно, посмотрим...

УЛИЦЫ.

Илья и Марк подошли к перекрестку. Илья оглянулся. У ворот все так же стали группы мужчин, звучала громкая, на все местечко, музыка. Илья под локоть завел Марка за угол, прижал к забору.

ИЛЬЯ. Память потерял, а теперь на чужих женщин пялишься?.. Убью сука!

ДВОР.

Торжество идет полным ходом. Ариэль подошел к Виктории и Лане.

АРИЭЛЬ. Доченьки, вы мои, вы так помогли сегодня дядюшке Ариэлю! Давайте я вам вина налью...

ВИКТОРИЯ. Спасибо, дяд Ариэль! А где Марк?

АРИЭЛЬ. С адвокатом вышли..

ВИКТОРИЯ. С каким адвокатом?

АРИЭЛЬ (гордо). С сыном моего лучшего друга Арсена. Адвокат ему обрезание будет делать! Он пообщал!..

ВИКТОРИЯ (с ужасом). С Илюшкой что ли?!

АРИЭЛЬ. А кто еще лучше , чем Илюшка, сделает ему обрезание?!

ЛАНА (ужаснувшись). Кому... обрезание?

АРИЭЛЬ. Лейтенанту! Ради меня он кого хочешь обрежет!

Подруги в ужасе переглянулись и, как договорились, заспешили к калитке. На улице посмотрели влево-вправо и увидели семенившего впереди Кукуша с фотоаппаратом.

ЛАНА. За ним!

ПЕРЕУЛОК.

Илья рванул за грудки Марка и не заметил, как напротив остановилась легковушка.

ТЛТ. Ну, что подождем, или как...

ВТОРОЙ. А, подождем! Пусть грохнут одного!

ТЛТ. Некогда! Давай, вылезай! (они вышли из машины).

ИЛЬЯ (глядя на ничего не понимающего Марка).
Чего смотришь, как ягненок?!

МАРК. Извините, но вы наверное меня с кем-то путаете!

В эту секунду они услышали оклик.

ТЛТ (глядя на Марка). Ну, что ментяра, видать не одного меня ты достал!

ИЛЬЯ. А тебе чего?!

ВТОРОЙ (в руках, видно, прут, завернутый в газету). А ты исчезни, пока мы добрые! Нам мент нужен!

Они угрожающе надвинулись. Из угла выскочил Кукуш с фотоаппаратом и следом Виктория с Ланой. На секунду став, замерли.

ВИКТОРИЯ. Эй, вы чего там?!

Девушки заспешили к группе. Кукуш стал щелкать. Навел объектив на бандитов

ТЛТ. А это что за чучело?

КУКУШ. Я не чучело, я папарацци!

ВТОРОЙ (потрясенно). А что среди горских евреев папарацци бывают?

КУКУШ (гордо). Горские тоже люди!

Подбежали девушки. На груди Виктории под светом уличного фонаря блеснул крестик.

ВИКТОРИЯ. Что здесь происходит?

ТЛТ. А ну пошли отсюда!

ВИКТОРИЯ (подойдя к Марку и Илье). Что стали? Марш к Ариэлю!

ЛАНА. Илья...(она взяла было его под руку, но тот резко высвободился).

Виктория взяла Марка под руку, но ей преградил путь Второй. Кукуш навел фотоаппарат, но в ту же секунду ТЛТ вырвал фотоаппарат, толкнул Кукуша на Викторию, та оступившись, завалилась на спину. Марк бросился было к ней, но от удара ТЛТ в челюсть, растянулся на асфальте. Лана помогла Виктории встать.

ИЛЬЯ (ТЛТ) Эй, тварюга!

Но тот взял фотоаппарат за ремешок с размаху ударил Илью по голове. Илья рухнул. Лана, крикнув, бросилась к нему. Кукуш вжался в забор. Виктория, поднялась, угрожающе шагнула на ТЛТ.

ТЛТ. А ты, дура, чего? Горская что ли?

ВИКТОРИЯ. Я не горская, но по-горски тебе запою!

Она расправила плечи, твердо шагнула на ТЛТ и запела, как если бы пела интернационал: «Эрки кук мэере дире!»

ТЛТ. Чекнутая, уйди по-добру..

В эту секунду Второй сзади обхватил ее.

ВТОРОЙ. Сладкая ты моя!

МАРК. Мою Пые-шичку?!(быстро встав, схватил его за руку и на английском).

Отпусти девушку! Фак ю!

Второй обалдело оглянулся, Виктория вырвалась из его рук. Марк толкнул его в грудь, но тут же от удара в глаз растянулся на асфальте. Второй занес над его головой прут в газете, но Виктория запрыгнула ему на спину. Лана с дрожью утирала кровь с головы Ильи. Тот очнулся и увидев, как второй оттолкнул Викторию, метнулся было к нему, но ТЛТ подсек ему ногу, и нанес удар под шею. Илья рухнул на асфальт.

Марк, увидев, как упала Виктория, бросился было к ней, но от удара прута завалился на землю.

Лана закричала. Илья очухался, увидев, что ТЛТ отвлекся, с криком бросился на него, сбил с ног. Второй тут же замахнулся прутом, но Лана успела толкнуть его и тот попал по плечу ТЛТ. ТЛТ рухнул.

Второй с криком замахнулся еще раз, но Илья успел перехватить его руку, но тот ударил его головой в лицо, Илья упал. Второй обернулся на ТЛТ. Тот лежал на асфальте, Виктория нацелилась каблуком ему в глаз.

ВИКТОРИЯ. Двинешься, этот останется без глаза, без обоих.

Второй замер.

ВИКТОРИЯ. Брось газету!

Тот отбросил прут в сторону.

ВИКТОРИЯ. А теперь их в машину! Быстро! Папаци хренов, давай помогай!

КУКУШ. Я согласен! Только фотоаппаратик.

Он поднял валявшийся на земле фотоаппарат и стал помогать Второму и Лане втаскивать Марка и Илью в машину.

ВИКТОРИЯ (с прутом в руках Второму). Теперь беги отсюда! Иначе твой дружокдохлый! Ну!

Второй легко потрусил вдоль переулка.

ВИКТОРИЯ (Лане). Давай в машину! В больницу!

КУКУШ. А я?

ЛАНА (Франческе). Пускай садится. Там еще нужен будет!

Кукуш сел на сиденье рядом с водителем. Виктория включила зажигание

ЛАНА. Подожди! (и Кукушу). Папарацци, дай фотоаппарат!

КУКУШ. Это частная собственность!

Виктория посмотрела...

КУКУШ. Да, да! Пожалуйста!

ЛАНА (взяв фотоаппарат). А теперь беги к Лие и скажи, что мы на прогулке! Мы ей позвоним домой! Понял!

КУКУШ. А...

ВИКТОРИЯ. Ты еще не понял?! И ничего лишнего!

КУКУШ. Бегу, бегу!

Машина сорвалась с места и, быстро набрав скорость, помчала по улицам Местечка, над которым продолжала звучать музыка.

Вот легковушка прорвалась на красный, еще. Дорожный патруль попытался остановить ее, но машина на высокой скорости пронеслась мимо. Началась погоня.

В САЛОНЕ.

Голова Ильи лежала на колене Ланы. Приглаживая висок Ильи, она запела. Он на некоторое время очнулся и запел с ней дуэтом. Сзади неслись патрульные машины. Дуэт продолжался. Как только закончилась песня, Илья снова потерял сознание. Виктория в зеркало обзора глянула на Марка. Тот, откинувшись на спинку кресла, не приходил в себя.

Машина подъехала к больнице. Следом затормозили полицейские. Они только выскочили из машины с автоматами наперевес, как Виктория бросила рукой.

ВИКТОРИЯ. Быстрее сюда! Здесь раненые!

Полицейские потрясенно переглянулись, но упрятав автоматы за спину, бросились к машине...

НЬЮ ЙОРК. КВАРТИРА МАРКА. НОЧЬ.

В квартире все приятели в сборе. Сидят, кто на диване, кто на стульях. Полицейский Симон просмотрел

паспорт и подал его Матвею. Соломон был готов к переводу.

СИМОН. Все в порядке! А прилетишь, передашь документы Марку!

МАТВЕЙ. Я ему передам... если что!

Они вышли на улицу, где их поджидала патрульная машина, за рулем которой сидел Пит. А возле нее стояла жена Соломона Роза. В руках новенькая черная сумка. Видно, чем-то набита.

РОЗА. В дорогу без куска хлеба выходить нельзя.

МАТВЕЙ. Зачем беспокоилась?.. Я Власть!.. Выкручусь!

СОЛОМОН (жене). Роза, давай сюда!

Но тут подоспел Капрал и сунул сумку Конфуцию.

КАПРАЛ. Конфуций, скажи!

КОНФУЦИЙ (как бы поматерившись). Силовека!.. Сикази!.. Пизеси!

Но Капрал уже примирительно открыл ему дверцу машины.

КАПРАЛ. Вы первый, сэ-эр!..

Конфуций полез в салон, Матвей попрощался с Розой и, вот уже, машинально шла по улицам Нью-Йорка.

МАТВЕЙ (неожиданно). Мужики, а ведь и вправду: быть в Нью-Йорке и не побывать в горской синагоге! Только на пару минут.

КАПРАЛ. А если знакомых встретишь?

МАТВЕЙ. Теперь уже можно!

ПИТ (за рулем). Нет проблем коллега! Заедем и в синагогу!

Полицейская машина проехала Бруклинский мост, выехала на Оушен Парквей и скоро остановилась напротив трехэтажного особняка, на углу Авеню С.

Всей командой вошли во двор. Это был уютный, длинный двор, со второй, меньшей синагогой в глубине. Навстречу необычной делегации вышли несколько старейшин. Познакомились. Гостей провели в большую синагогу. Это был большой уютный зал, со вторым ярусом для женщин. Длинные, отполированные скамьи. Восточная стена для Торы, была выложена белым камнем, специально завезенным сюда из Израиля.

Приятелей тепло приняли, но уже скоро они снова были в пути. Через какое-то время, вынырнув из-под моста, выехала на трассу.

Хрипловато работала рация.

Матвей с интересом рассматривал набегавшие поверху дорожные вывески и знаки, неподдельно хвалил саму дорогу и порядок на ней.

СОЛОМОН (приятелям). А наш кап тащится от нашей хайвэй. Порядок, говорит...

Но только он это произнес, как едва не подрезав их машину, на сумасшедшей скорости их обошло желтое такси и следом из радиации вырвался возбужденный голос диспетчера. Тот сообщал об обнаружении машины преступников, желтое такси, которое в данную минуту шла в направлении аэропорта. Полицейские Симон и Пит переглянулись: по всем приметам эта был именно только что обогнавший их желтый каб. Дерзко перестраиваясь на трехполосной трассе, он уже ушел далеко вперед. Пит включил сирену, а Симон подключился к радиации. Все происходило быстро.

КАПРАЛ (глядя с заднего сиденья в профиль Симона). Неужели это те?..

ПИТ (досадливо вlepив ладонью по рулю) Да, те!.. Черт бы их побрал!..

Матвей настороженно прошелся по лицам друзей и вопросительно глянул на Соломона.

СОЛОМОН. Кажется напали на след тех бандитов... Ну... помнишь... ты еще цепочку нашел...

МАТВЕЙ (радостно). Я же говорил, без меня этих бандюг не поймаете! Ну, наконец-то, дело! А то бычиха!.. Бычиха!.. Всех убью!..(и повернувшись к сидевшему рядом Конфуцию, чмокнул в лоб). Конфуций скажи!..

КАПРАЛ (опередив Конфуция). Матвей, Конфуций, пизеси...

По трассе, с включенной сиреной и мигалкой мчит легковушка. За рулем полицейский Симон, рядом его коллега Пит, на заднем сидении Матвей, Капрал, Соломон и Конфуций. Все молчаливо смотрят на стремительную впереди дорогу. Автомобиль обходит одну машину за другой.

ПИТ (чуть подавшись вперед и всматриваясь в переднее стекло). Черт! Там что-то случилось! Неужели застрянем? (он вопросительно глянул на Симона).

СИМОН. Похоже, что да...

На заднем сиденье замерла четверка приятелей: тоже старались разглядеть, что там-впереди. Но ничего разобрать было нельзя, только, получалось, что попали в пробку.

А вот машина медленно ползет в растянувшейся пробке, словно в едином теле медленно скользящей змеи. Симон в сердцах приударил ладонью по рулю

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

Инопланетяне внимательно следят за происходящим на дороге. На экранах хорошо видно растянувшееся на милю медленное тело «змеи».

И-2 высокомерно усмехнулся. И-3 перехватил эту улыбку и посмотрел на И-1.

И-3.Босс! Но нельзя же только требовать! Можно бы и помочь!..

И-2.Этим сколько ни помогай...

И-1 (перебив И-2). Согласен! Попробуем помочь! Тем более, вопрос идет о жизни и смерти. А ну-ка!(и он что-то включил на панели перед собой).

НЬЮ ЙОРК. ТРАССА. САЛОН АВТОМОБИЛЯ.

В салоне стало несколько нервно. Капрал безнадежно хлопнул себя по коленке. Но вдруг глянул на Соломона.

КАПРАЛ. А ты не можешь попросить что-то у своего Бога?!

СОЛОМОН. Ему оттуда (он бросил глаза кверху). самому видней.

Но мгновение спустя его губы беззвучно зашевелились. В какую-то секунду он прикрыл глаза ладонями и в

этот же миг передок у машины стал подниматься, пару мгновений она проехала на задних колесах и вдруг, точно пантера, бросилась на крыпу идущего впереди Линкольна.

СИМОН (радостно прихлопнув по рулю). Класс!

КАПРАЛ. Ну что я говорил!..

Соломон продолжал беззвучно шевелить губами, а машина приятелей понеслась по крышам медленно ползущих автомобилей.

МАТВЕЙ (Питу). Дорогой, а это у тебя какая скорость? Пятая что ли?..

Но переводить было некому: Соломон молился.

КАПРАЛ (Питу). Поднажми чуть-чуть!..

Машина, пробуксовав на крыше одной из легковушек, и вправду веселей побежала по спине «змеи». И по-прежнему у нее была включена сирена и мигалка. Водители и пассажиры высовываясь из окон и глядя на мчащую по ним машину, реагировали каждый по-своему. А когда легковушка приятелей оказалась на красном Бьюике, водитель высунулся из своего окошка. Симон сверху сделал жест рукой: мол, ситуация, извини. Но водитель снизу показал ему «палец».

СИМОН (в сердцах). Ор-рех!

МАТВЕЙ. Чего так расстроился?

СИМОН. Да вот-медленно едет и еще палец показывает!

МАТВЕЙ (как бы заводясь). Палец показывает?! (но тут же удивленно). Какой палец?

Симон продемонстрировал и в салоне все заржали. Матвей, как бы пытаясь разгадать загадку пальца, задумчиво покрутил своим, а смех в салоне только стал громче.

ПИТ (повернувшись к Матвею). А у вас как показывают это?

МАТВЕЙ. Что —«это»? (и глянул на Соломона).
Переведи.

СОЛОМОН (в сердцах). «это»... «это» и, скрестив руки у Матвея, сложил его ладонь в кулак.

МАТВЕЙ (догадавшись). А, это?..

КАПРАЛ (Матвею про Соломона). Он и вправду классный переводчик!

Но Матвей, уже сунувшись в окно, затарабанил по дверце. Из нижней машины высунулась голова пассажира.

ПАССАЖИР. Фак ю!

Матвей тут же показал ему палец.

ПАССАЖИР (снизу, разъяренно). Хочешь выйти на улицу?! Хочешь?!

МАТВЕЙ (Соломону). Что он пищит?

СОЛОМОН. Переключи скорость, говорит...

Но машина и так на хорошем ходу летела по крышам автомобилей.

Соломон в молитве прикрыл глаза и через пару секунд машина приятелей, точно по команде, легко взмыла в воздух. Пассажир снизу, провожая глазами взлетевшую легковушку, важно глянул на своего водителя.

ПАССАЖИР. Испугался, сука!?!

А машина с приятелями плыла в небесах Нью Йорка. ПИТ(держа руль, глянул вниз). Вон они! Внизу по трассе на бешеной скорости шел желтый каб с преступниками. За ним уже летели полицейские машины.

Желтое такси вдруг стало резко перестраиваться к съезду с трассы, в результате скоростное шоссе превратилось в поле бьющихся машин. Легковушки влипали одну в другую, стоял скрежет и визг клаксонов.

В летящей машине Пит и Симон наблюдали за этим крушением высунув головы с передних окон, Капрал и Матвей с задних.

КАПРАЛ (Соломону). Твой Бог может в конце-концов что-то придумать! Тем более мы у него, кажется в самых гостях!(и он кивнул на небо за окнами).

Соломон снова начал усердно молиться.

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

И-2 с нарочито-беспечно стал посвистывать. И-1, бросив на него насмешливым взглядом, защелкал переключателями на панели приборов и машина приятелей плавно пошла вниз.

НЕБЕСА. МАШИНА ПРИЯТЕЛЕЙ.

КАПРАЛ (потрясенно глядя на молящегося Соломона). Эй Соломон, ты меня как-нибудь в синагогу возьми!

Конфуций, видно не найдя ничего лучшего, шикнул на него как бы восклицая: не мешай человеку, сукин сын!

ПИТ. Внимание! Снижаемся!

Симон выхватил пистолет из кобуры, и вот автомобиль мягко сел в метрах пяти от налетавшего на них желтого каба.

Такси успело среагировать, дико завизжали тормоза, каб вывернул в сторону и бросился в переулок.

С двух сторон, с завывающими сиренами, стали находить друг на друга полицейские «Форды», а машина приятелей успела пристроиться грабителям вслед.

Преследование пошло по улицам города.

В этой суматохе, глянув на возбужденного Матвея, Конфуций безнадежно вздохнул.

КОНФУЦИЙ. Человека. Самолета. Пизеси.

НЬЮ ЙОРК. УЛИЦЫ.

Грабитель, сидевший за рулем каба, увидев, как впереди него, в метрах десяти, затормозил целый эскорт полицейских «Фордов», глянул на своего подельника.

Тот сидел рядом и в руках у него был небольшой холщевый мешочек и метровый черный круглый футляр.

ГРАБИТЕЛЬ. Суки! Обложили начисто!..

Подельник посмотрел в лобовое стекло, потом оглянулся: сзади на некотором расстоянии тоже света

мигалками, выстроилась шеренга машин. Среди них была и патрульная приятелей.

Грабитель посмотрел в боковое стекло и его точно осенило: взгляд остановился на двухэтажном особняке, впереди которого гомонила стайка малышей. За ними присматривали две женщины.

ГРАБИТЕЛЬ (глянув на подельника). Детский сад!

ПОДЕЛЬНИК (как бы догадавшись). Заложники?..

ГРАБИТЕЛЬ. Соображаешь!..

Не дожидаясь одобрения, он вытянул сбоку автомат и дальше все происходило очень быстро: он выскочил из машины, двумя прыжками перемахнув через тротуар, оказался у невысокой металлической ограды. Через секунду он уже держал автомат наготове и угрожающе кричал на воспитательниц..

ГРАБИТЕЛЬ. Все- в дом! Быстро!..

Пodelьник, захватив одной рукой футляр и мешочек, в другой держал пистолет и тоже крича, стал поддакивать детей в дом. Те испуганно кричали.

Воспитательницы, завели детей по небольшому крылечку в дом. Следом скрылись в нем Грабитель и его подельник. Захлопнулась дверь.

НЬЮ ЙОРК. УЛИЦА.

Район вокруг дома с детским садом был оцеплен. Патрульные машины заперудили улицу, полицейские с оружием наготове укрылись за автомобилями. Постоянно то там, то тут из раций прорывается оборванная речь. За одной из машин двое в штатском и один офицер. Это, видно, ответственные за переговоры с захватившими заложников.

Приятели-Матвей, Капрал, Конфуций и Соломон стоят за своей машиной.

МАТВЕЙ (возмущенно). Детей... в заложники?!.. Террористы!.. Всех убью!..

Руководство по операции освобождения о чем-то сосредоточенно говорило и офицер поднес ко рту мегафон.

ГОЛОС ИЗ МЕГАФОНА. Мы готовы на ваши условия! Мы предоставим вам вертолет, но вы должны выпустить хотя бы часть детей!

В разбитом окне дома детского сада никого, только вырывается детский плач. Но вот рванул истошный крик Грабителя.

ГРАБИТЕЛЬ. Никаких детей! Сначала вертолет! И быстрее! А то мы перестреляем всех ваших сучат! Смотрите!

В окне показалось лицо кричащего мальппа, которого за ворот держала чья-то рука.

ОФИЦЕР С МЕГАФОНОМ. Хорошо!.. Вертолет будет!.. Только отпустите ребенка!

ГРАБИТЕЛЬ. Да нет! Я его подержу еще малость!... Что б вы...

Но тут его перебил чей-то окрик и это была русская речь. На мгновение все на улице остолбенели: по улице к точке напротив окна шел Матвей. Он шел с поднятыми руками.

Двое в штатском остолбенело глянули на офицера с мегафоном. И один из них угрожающе процедил:-Это еще что?..

ОФИЦЕР. Похоже что кап...

Матвей приближался к разбитому и пустому окну.

МАТВЕЙ. Эй, если ты пока еще мужчина, покажи свою поганую рожу!

Тишина. Мгновение, другое. Но вот крик грабителя из окна.

ГРАБИТЕЛЬ. А это что за хрен?!

МАТВЕЙ. Если ты мужчина, пойдем выйдем!..

ГРАБИТЕЛЬ. Уберите этого козла!

МАТВЕЙ (в сердцах). Я тебе что сказал? Что горского языка не понимаешь?! (тут он оглянулся и найдя изумленную физиономию Соломона, поманил его). Соломон, будь другом, иди сюда! Переводчик нужен!..

Теперь все ошарашено перевели глаза на Соломона.

СОЛОМОН (негромко-обреченно). А у меня бизнес так налаживался!..

МАТВЕЙ. Ну чего стоишь?..

СОЛОМОН (поправив свою черную широкополую шляпу). Сейчас! Только с Соней попрощаюсь! (и он достал мобильник).

МАТВЕЙ. А если она подумает, что ты бычиху нашел?!

Соломон призадумался, но, видно, приняв какое-то решение, нехотя зашлепал по центру улицы. Поправил пейсы. Вот стал рядом с Матвеем.

МАТВЕЙ (обняв одной рукой). Молодец! (и тут же в окно). Эй, собака, с тобой говорит офицер полиции лейтенант Матвей! (и Соломону). Переводи!

СОЛОМОН (громко). Господа! С вами говорит кап!

В разбитом окне показались две любопытных физиономии.

ГРАБИТЕЛЬ. Чего ему надо?!

СОЛОМОН. Он спрашивает чего ты хочешь?..

МАТВЕЙ (возмущенно). Еще я «чего» хочу! Я ему яйца сейчас отрежу! (но тут же взял себя в руки). Отпусти детей! Возьми меня!.. Подумай! Иностранный офицер... и у тебя в руках!

Пустое окно долго молчало, но вот раздался голос Грабителя.

ГРАБИТЕЛЬ. Окей! Но сначала снимайте все свои вонючие шмотки!

СОЛОМОН. Надо сдать вещи...

Он беспомощно развел руками, но нечего делать, стал раздеваться. Матвей тут же смекнул в чем дело и последовал его примеру.

Вот оба остались в трусах, только на Соломоне была еще его широкополая шляпа.

ГРАБИТЕЛЬ. Эй, придурок, шляпу сними!

СОЛОМОН (уже полный решимости). Вы меня на колени не поставите!

МАТВЕЙ. Давай! Отпускай детей!

ГРАБИТЕЛЬ. Сначала войдешь ты! Давай! Руки на затылок! И не балуй!

Соломон перевел и сам сложил руки на затылке. Матвей глянул.

СОЛОМОН. Куда... ВЫ ... без переводчика? (и две фигуры в трусах, и одна в шляпе, медленно стала пересекать улицу: шли к двери садика).

Пит и Симон опустили головы.

Двое в штатском, один за одним, отчитывали офицера с мегафоном.

ШТАТСКИЙ. Иностранный полицейский!.. В заложники!.. Это ж международный скандал!..

Из разбитого окна высунулся ствол автомата, ту же секунду открылась входная дверь и в ней расстали полуголые фигуры Матвея и Соломона.

Зловещая тишина воцарилась над улицей, но скоро снова открылась дверь и из нее один за другим стала выбегать малышня. С ними были обе воспитательницы.

Когда они оказались уже в полной безопасности, на противоположной стороне улицы, из окна вдруг вырвался отчаянный крик Соломона.

КРИК СОЛОМОНА. Моя шляпа!..

Следом тишину распотрошила автоматная очередь. Мир оцепенел. Пошла долгая томительная минута ожидания. Спецназ приподнял оружие.

И снова тишина.

Но вдруг с шумом распахнулась входная дверь и из нее один за другим вылетели на улицу голые грабители. Растянулись на асфальте. В секунду над ними нависли спецназовцы.

А на пороге дома, из темноты выплыла полуголая фигура Соломона.

СОЛОМОН (расправив плечи). Всех убью!..

Затем появился Матвей. Тоже полуголый. Кто-то надел на него сомбреро.

Матвей посмотрел чем его одарили и, раскинув руками, запел:

Разодет я, как картинка,
в американских я ботинках,
в сомбреро шляпе я большой
и с еврейскою душой!

Десятки людей вокруг аплодировали ему. Вдруг зазвучала стремительная мелодия лезгинки, Матвей вскинув руками, пошел по кругу. Полуголый в сомбреро он прошел круг, но вот на нем появилась одежда гор-

ского танцора, где-то рядом возникли фигуры трио музыкальных инструментов, и он стал выделять лихие коленца...

Кажется весь Нью Йорк взорвался от аплодисментов...

НЬЮ ЙОРК. АЭРОПОРТ.

Матвей в сопровождении своих новых друзей шествует по зданию аэропорта. Прошли в кафе, взяли пива. Сели за столиком у окна. Молчали. Но вот Симон, кивнув на взлетную полосу, прервал молчание.

СИМОН.Погодня сегодня хорошая.

КАПРАЛ (Матвею). А жалко, что ты уезжаешь... А как ты того Высокого на пляже подсек!.. Не твой размер... не твой размер!..

Все молчаливо улыбнулись.

МАТВЕЙ.Приезжайте... Вы мои друзья! (после паузы с мужской скупостью). Я здесь понял одну простенькую вещь: что там люди плачут, что здесь- у всех слезы солоноватые. И когда плохо человеку, что там, что здесь-человек ищет человека...

КОНФУЦИЙ (неожиданно для всех). От человека одно лекарство-человек...

КАПРАЛ (возвышенно). Силовека... Конфусия...
Пизеси...

Допив пиво, друзья вышли из кафе.

А вот они стали в зале регистрации. Из динамиков
раздался казенный голос диспетчера. Матвей вобрал
друзей в охапку.

Самолет, взяв разбег, вонзился в синее небо Нью
Йорка.

МЕСТЕЧКО. ДОМ АРОНА. УТРО.

Арон достал из холодильника банку рассола, стал
жадно пить. Жена что-то готовит.

ЖЕНА. Что, горит?

АРОН. Уйду, жалеть будешь!

ЖЕНА. Куда ты уйдешь? Разве что не дальше дома
самогонщиков?!

АРОН. А сейчас вы правы! (сунув руки в карманы,
вздохнул). Я и до них не дойду. Займи пару копеек.

ЖЕНА. Где пил, там и занимай!

АРОН. А вот здесь вы точно правы! Как я про
Аризля не подумал?! Но какой стол вчера был! Дай Бог
на свадьбе Ланы такой стол устроим!..

ЖЕНА. Ты, точно, устроишь!

АРОН. А где она?

ЖЕНА. Все мозги пропил! У Лии она!

АРОН. Да, точно!

Он выпел со двора, посмотрел по сторонам, в какую-то секунду его глаза просияли: Петро, сосед через три двора, вышел на улицу. Приветственно вскинул рукой и двинул к Арону. Поздоровались.

АРОН. Ты тоже ушел из дома? Я вот ушел.

ПЕТРО. Да, нет, пойду почту посмотрю.

АРОН. Рассол на опохмелку-слышал, кефир-тоже слышал, но про почту-первый раз такой рецепт слышу. (и, как бы, спохватился). Ну, ты голова! Напротив Ариэля тоже почта есть!

ПЕТРО. Можно, конечно, но все равно почту надо посмотреть, Второй день в ящик не заглядывал...

АРОН. Тебе легче, я наверное уже второй год не заглядывал... Почтой у нас Ланка заведует.

ПЕТРО. Кстати, Лана пришла? Они ведь с Викторией вчера у Лии ночевали?

АРОН. И вправду девченку жалко!

Они остановились возле стенда со множеством почтовых ящичков.

ПЕТРО. Письмо какое-то...

АРОН (отдернув дверцу). Смотри, у меня тоже такое!

Распечатали конверты и словно онемели. В руках Арона оказались фотографии Виктории, где ее целовал «Матвей». А у Петро-фото Ланы, которую тоже обнимал «Матвей». Словно, кто-то специально поменял адресат.

ХОРОМ (с неудобством). Это вроде бы не мне.

Поменявшись, потрясенно замерли.

ПЕТРО (закипая). Сволочь!

АРОН. Убью душмана!

Коротко переглянувшись и, словно, по молчаливому сговору, двинули по утренней улице. Местечко давно ожило, люди выходили из домов, из ворот выезжали машины. Прохожие, видя гневные лица Петро и Арона, их торопливую походку,, невольно останавливались.

ПРОЖИЙ. Братья, вы куда так? Что-нибудь случилось?

ПЕТРО. Еще нет, но случится!

Шли быстро, не останавливаясь, а вот за ними уже вытянулся «хвост» из торопливых фигур.

МЕСТЕЧКО. УТРО.

Черпой открыл ворота и из нее выехала открытая легковушка Ариэля. За рулем сам хозяин. В сторонке стоял колдун, что-то неспешно пожевывал. Черпой свистнул ему и тот неторопливо засеменил к машине.

ЧЕРПОИ. Давай быстрее, Холмочи!

Козел устроился на заднем сидении, Черпой рядом с Ариэлем. Из калитки с ведром воды выбежала Инна.

ИННА. Счастливо! Возвращайтесь с лейтенантом!

Машина отошла отъехала, Инна вылила вслед ведро воды.

ИННА. Бог в помощь!

Машина проезжала мимо встревоженных, куда –то спешивших местечковцев.

ЧЕРПОИ (на ходу). Что случилось?

КТО-ТО (вытирая платком вспотевшую шею).
Люди к Власти идут!

ВТОРОЙ. Власть ушла в разврат!

Ариэль резко затормозил. Глянул на Черпой.

ЧЕРПОИ (в ужасе). Мы в отмоке! Если они этого американца убью-ут!

АРИЭЛЬ. Что плохо спал у жены? (взял спутниковый телефон). Лия?.. Это Ариэль. На спутнике! К вам немного гости идут! Ну ты их не запускай, пока! Никому не бойся! Американца не выводи!.. Не причитайся пожалуйста! Я уже скоро самолет встречаю! На помощь тебе козу высылаю, с его Черпой! Понялся?.. Ай, молодец!

Извини, спешу! Держусь на связи!

АРИЭЛЬ (Черпой). Бери козу!

ЧЕРПОИ. А я?

АРИЭЛЬ. А ты за козом! Забыл что ли? (и кивнув на торпившихся местечковцев). Обоих за ними!

ЧЕРПОИ. Понял!

Он вытащил Колдуна из машины, отбежал было пару шагов, как оклик Ариэля остановил его.

АРИЭЛЬ. А ты не помнишься, как надо здесь седьмой скорость заводить?! Или хотя бы девятый?! А то я спешу!

ЧЕРПОИ. Кнопку нажми!

Ариэль взглянул на щиток приборов, но никакой кнопки там не обнаружил. Поискал глазами по всей передней панели, взгляд упал на коробку скоростей, где лежал спутниковый телефон. И тут глаза его засияли.

АРИЭЛЬ (передернув). «..кнопку нажми... кнопку нажми! И кому я чего спрашивал?! (и включив телефон, вскинул голову к синим августовским небесам). Дорогой, это Ариэль! На спутнике!.. Давно не звонил тебе! (и запел в стиле горского рока). Шма, Израэль: Адонай-Элохейну- Адонай Эхад!

Капот машины стал медленно подниматься и открытая легковушка взмыла в воздух. Несколько местечковцев остановились.

ПЕРВЫЙ. Видал?!

ВТОРОЙ. Ни хрена себе! Я и не знал, что у него такая тачка!

ТРЕТИЙ. Я и не удивляюсь! Цех-мех есть, дом-жена хорошая есть, сын родился! Я бы тоже так полетел!

ПЕРВЫЙ. Так, как он, никто не может!

А машина Ариэля постепенно превращаясь в маленькую точку, слилась с небесами. И лишь слышался протяжный космический голос-молитвы -рока...

МЕСТЕЧКО. УЛИЦА.

У дома Матвея понемногу собралась толпа из человек сорока. Впереди

Петро, Арон, Арсен, где-то сбоку Чебурек.

КРИКИ. Власть, открывайся!

ПЕТРО. Я тебя все равно достану!

Вот шелохнулась занавеска, В окне показалось было Лия, но ее тут же изнутри оттащили.

НЕБО.

Ариэль, легко поворачивая руль влево-вправо, летит на своей легковушке в безбрежных небесах. Вот проскочил сквозь тучу, отряхнул свою густую шевелюру.

АРИЭЛЬ (благодушно напевая). Тучка, тучка, где мой Жучка...

Но вот впереди показался сверкающий под солнцем лайнер. Ариэль взял свой телефон. Ему ответили.

ГОЛОС. Борт Семь сорок три.

АРИЭЛЬ. На спутнике. Три на конце ноль сделай!

Послышался смех.

АРИЭЛЬ. Понравился?! Ай, молодец! Власть там?

Лайнер шел прямо на него.

АРИЭЛЬ. Не бойся! Шма, Исраэль включи! Если что беру на обход!

Ариэль повернул руль, лайнер проскочил мимо. Ариэль снова повернул руль, сделал разворот, нагнав лайнер, пристроился возле окон пилота.

ЛЕТЧИК. Рад тебя видеть, дядюшка Ариэль! Поздравляю с сыном!

АРИЭЛЬ (в телефон). Спасибо! Я за Власть пришел! И один стюардесс тоже нужен! Песню знаешь: стюардесс по имени Жанна..

ЛЕТЧИК. Все сделаем! Но ты бы оделся потеплей! А то рискуешь...

АРИЭЛЬ (перебив его). Я рискую?! Я без рук могу! Смотри!

Он отнял руки от руля, вскинув кверху похлопал было ладонями, но легковушка резко клюнула вниз. Ариэль тут же ухватился за руль и машина снова пошла вровень кабины пилота.

АРИЭЛЬ. Заметил что я натворился?! Открывалка сделал!

ЛЕТЧИК (поправив). Штопор...

АРИЭЛЬ. Э, летчик, Штопор, это когда кувыркался совсем. А когда не совсем-открывалка называется! Власть выводы и Жанна тоже!

ЛЕТЧИК. Может быть пусть уж с нами долетят?

АРИЭЛЬ. Ты что, дорогой-не успеем! У тебя какой скорость летишь?

ЛЕТЧИК. Восемьсот км. в час.

АРИЭЛЬ. Не-ет, у меня девятый скорость, если захочет ему десятый бывает!

ЛЕТЧИК. Дядюшка Ариэль, а зачем тебе стюардесса?

АРИЭЛЬ. Ты смешной летчик! В облачка витаешь, что ли?! Тебе стардесс пригодился? Пригодился! А мне что, лисый что ли? А кто Ариэлю скажет: Ариэль, дорогой, мы уже домой прибывем! Через минутку чуть-чуть! Застегни свой ремешочек на пока!

ЛЕТЧИК. Ну, тогда известно! К люку только пристань!

АРИЭЛЬ (благодушно). Э. летчик, люк тебе что, баба чтоб приставать?! Но как твой мысль ходит мне нравится! Приставаю!

Он поравнялся с люком. Люк открылся и в нем стал Матвей.

МАТВЕЙ. Дядюшка Ариэль, я теперь понял! Это ты меня поменял!

АРИЭЛЬ. Я тебя не поменял, я тебя одолжил!

МАТВЕЙ. Концептуально!

АРИЭЛЬ. Здравствуй, дорогой! С приездом!

Самолет немного накренился.

МАТВЕЙ. Здравствуй Ариэль! Я по тебе соскучался!

Самолет снова качнуло, но теперь в другую сторону.

АРИЭЛЬ. Чего он крылишкой размахался?! Эй, летчик! Власть, давай прыгай сюда, а то там опасно стало! А где стюардесс?

Матвей обернулся, подхватил стюардессу на руки.

МАТВЕЙ. Оп! Ближе подойди немного.

АРИЭЛЬ (плавно поворачивая руль). Для тебя и много можем!

Матвей, со стюардессой на руках легко спрыгнул в легковушку, устроил ее на заднем сиденье, Ариэль обошел лайнер, помахал летчику ладонью.

МАТВЕЙ (обняв со спины). Как я по тебе соскучился!

АРИЭЛЬ. Не ерзайся, а то эти гаишники!.. Ну, как отдыхался?!

МАТВЕЙ. Нормально, В горской синагоге был!

АРИЭЛЬ. Ай, молодец! Власть, а у них Власть тоже как ты?

МАТВЕЙ. Ну, не как я, конечно, но менты везде менты! (и важно). А вообще, один мой мудрый американский знакомый сказал очень мудрое слово: - «От человека одно лекарство-человек!».

АРИЭЛЬ. А этого твоего американского профессора как зовут?

МАТВЕЙ. Конфуций!

АРИЭЛЬ. Ну, тогда известно! (и обернувшись). Стюардесс, здравствуй мой дорогой, а то совсем позабылся!

СТЮРДЕССА. Ничего страшного! Здравствуйте, дядюшка Ариэль.

АРИЭЛЬ. Извини, мой красивый, немножко ветер! Но зато девятый скорость! Или десятый!

СТЮАРДЕССА. Никогда еще так не летала!
Хорошо!..

ДОМ МАТВЕЯ.
Толпа перед домом продолжала шуметь.

КРИКИ. Требуем объяснения!

В окне появился Илья с перевязанной головой.

АРСЕН (с переднего ряда). Сынок, что с тобой?!
Что здесь происходит?!

ИЛЬЯ (открыв окно). На обрезании на нас напали
бандиты!

ПЕТРО (вскинув руку с фотографиями). А это
что?! Где Виктория?!

АРОН. Где Лана?!

Девушки появились в окне, стали рядом с Ильей.

ЛАНА. Папа! Не верь! Я тебе все расскажу! Это не
Матвей! Это совсем другой человек! Он американец!

МАРК (став рядом и на английском). Да! Я не лей-
тенант! Я Марк!

Толпа замерла.

ВИКТОРИЯ. Он говорит, что он не лейтенант. Пап, клянусь это правда! Вон Черпой скажет!

ЧЕРПОИ (пробравшись с козлом сквозь толпу). Да, пусть я буду собачьего племени, если это не так!

ГОЛОСА. Он просто иностранный выучил!..
Власть пудрит народу мозги!

Марк, Виктория и Лана с Ильей героически стояли в окне, точно на фотографии.

МАРК. Я люблю вашу девушку Викторию! (повернувшись к ней). Я тебя люблю!

Он вдруг обнял ее. Толпа ахнула. Петро опустил голову.

ЛИЯ. Теперь видите?! Он не лейтенант! Лейтенант сейчас на важном секретном задании!

ВИКТОРИЯ (отцу). Папа, это так! Лейтенант сейчас подлетает из Нью Йорка! Он уже скоро будет здесь!

МЕСТЕЧКОВЕЦ. Да жить все нам, это правда! Я лично своими глазами, как Ариэль в воздух поднялся! На своей тачке!

ВТОРОЙ. Я тоже видел! Еще он с НИМ разговаривал (он осторожно показал пальцем в небо). Шма, Израэль!..

МАРК (словно нашелся, но на английском). Я могу доказать! Я не обрезанный!

Он вскарабкался на окно, расстегнул молнию на штанах, но Виктория одернула его.

ГОЛОСА. Видите! Он сбежать хотел! Судить его!

НЕБО НАД МЕСТЕЧКОМ.

Ариэль вяз свой телефон, подняв голову кверху, приложил к уху.

АРИЭЛЬ. На спутнике! Давно тебе не звонил! Как хорошо слышится! Как совсем рядом! А ты всегда рядом! (и снова запел). Шма, Исрэль, Адонай-Элохейну, Адонай Эхад!

Легковушка начала снижаться, а вот села на улице Местечка.

ДОМ МАТВЕЯ.

Толпа продолжала бунтовать.

КРИК. Пусть он снимет повязку!

Марк, поняв по жестам, что от него требуют, сорвал повязку.

МАРК. Смотрите, у меня нет шрама!

Глаз у Марка был немного заплывший!

КРИК. Притворяется! Глаз и я могу подкрасить!

Но вдруг раздался громкий командирский оклик, все оглянулись и увидели подъезжавшую открытую машину Ариэля. За рулем вальяжно откинувшись на спинку, сидела красивая стюардесса в пилотке. Ариэль и еще один Матвей стояли рядом, как маршалы принимающие парад. Ариэль был в сомбреро. Наступила гробовая тишина.

МАТВЕЙ. Клянусь этим шрамом,,,

ЛИЯ (счастливо глядя на мужа). Он!

Она выпрыгнула из окна, бросилась к машине. Матвей лихо поднял ее и поставил рядом. Теперь парад принимали трое.

МАТВЕЙ (повернув ее к себе). Никаких связисток!.

И был долгий поцелуй.

У окна оставались стоять Илья с Ланой и Марк с Викторией. Вдруг снизу послышался окрик: в первых рядах стали Черпой и Колдун. Черпой вскинул тонкую книжицу.

ЧЕРПОИ (закинув кверху голову). Илюшка, видишь?!

Илья и Лана переглянулись.

ИЛЬЯ (Лане с улыбкой). «Ноты. Для Начинающих.»

Черпои что-то вложил в нее, раскрыв, сунул к морде Колдуна. Козел лизнул языком и, вскинув морду, заблеял.

ЧЕРПОИ. «До-о!»

Он повторил еще раз и козел, лизнув языком страницу, вскинув голову, заблеял.

ЧЕРПОИ. Ланка, «Ре-е!»

Смеялось, кажется, все местечко.

Илья повернул к себе Лану за плечи.

ИЛЬЯ. Слышала, поет!

ЛАНА. Поет...

ИЛЬЯ. Но как он поет!

МАРК (английский). У нас у, горских, и коза запоеет! Если захотим!

АРСЕН (Арону). А какая у меня невестка, красавица!

АРОН. Ну, мой затек тоже герой!

Рассмеявшись, ударили по рукам.

ЧЕБУРЕК (став рядом с Ароном и Арсеном). Ну, что? делаем свадьбу?!

АРОН И АРСЕН. Обязательно!

ЧЕБУРЕК. Тогда убираем забор?!

АРОН. Убираем!

ВОЗГЛАСЫ. Долой забор! Ура! Свадьба! Свадьба!

По улицам Южного шла открытая легковушка Ариэля. За рулем он был сам, рядом, Лия на коленках у Матвея, на заднем сиденье уместились Илья и Лана, Виктория и Марк.

А вот с шумом и гамом распахнулись ворота Израэля и Арона, забор между их дворами был снесен в считанные минуты и тут же, из тех же досок был сооружен длинный, во всю длину двора, стол.

МЕСТЕЧКО. СВАДЬБА.

Сколоченный длинный стол был празднично накрыт и за ним сидели нарядно одетые и уже веселые гости. Свадьба Ильи и Ланы. Лана была одета в национальный костюм, на Илье черкеска, но голову украшала

праздничная ермолка. Трио национальных инструментов старалось во всю. Музыка гремела и поднимались тосты.

Жена Арона, Дэдэй, вывела дочь-невесту в круг и Марку тоже пришлось попробовать темпераментного горского танца.

Ариэль сидел рядом с Матвеем. Ариэль наполнил бокалы.

АРИЭЛЬ. А, если честно, ты бы жил там?...

МАТВЕЙ. Ну если бы там родился... Знаешь что такое настоящий мужчина? Настоящий мужчина-это тот, у кого есть Родина, Женщина и Друзья!

АРИЭЛЬ.И еще- кто умеет рисковать!

МАТВЕЙ.А как ты рисковал!

Они рассмеялись.

А потом Илья и Лана танцевали свадебный танец. Арон с женой с крыльца наблюдали за ними с крыльца. Жена утерла набежавшую слезу.

Арон (важно). Ну что я тебе говорил!..

А вот во дворе Арона, над невестой и женихом пахнулась хупа. Уголки ее были привязаны к наконечникам четырех бамбуковых палках, как это и было тысячелетия назад. Хупу окружили десятки мужчин и

женщин, молодых и старых. Равин начал обряд. А вот в его руках появился листок Кэтибо. Настал ответственный момент, у ноги жениха положили бокал. Все притихли. Илья занес каблук над бокалом и ударил по нему. Бокал рассыпался на мелкие осколки, как память о Великих разрушенных храмах. Раздались радостные возгласы, зазвучало трио национальных инструментов.

Невеста и жених вышли со двора Арона, с родительского дома невесты и по улице вытянулась длинная свадебная процессия. Впереди всех шла Виктория с чистым зеркалом в руках-символом девичьей чести невесты. Сзади шли десятки гостей, музыканты, Танцевали и пели на ходу...

ЮЖНЫЙ. АЭРОПОРТ.

Викторию и Марка провожать, казалось, пришел весь город. Хлопнуло Шампанское и тут же появились бокалы.Зазвучало три национальных инструментов, Лана вывела Викторию на горский танец. Образовался большой круг. Каждый старался, хотя бы секунду, но станцевать с Викторией. Она выглядела королевой. А на Марке ладно сидела высокая папаха.

Лия, Матвей, Ариэль, бородач Жорж, доктор и Мишкэ стояли кружком вокруг Виктории и Марка.

Матвей (Марку). Американец, скажи честно, это ты все подстроил?

Виктория стала переводить.

МАРК. Ну, во всяком случае, если бы не ты...

МАТВЕЙ. А скажи еще, когда ты на себя в зеркало смотришь, тебе хорошо? Или как?..

Марк с хитрецей глянул своего двойника и неожиданно рубанул рукой.

МАРК (с акцентом). Всех убью!..

Рассмеялись.

АРИЭЛЬ. В нашем деле главное рискнуть! (он посмотрел на Черпой). А где?..

Петро мягко обнял дочь, а затем крепко пожал руку Марку. Мать всхлипнула, обнимая дочь.

ВИКТОРИЯ. Мама, я ведь только в гости! Через неделю увидимся!

Виктория с Марком уже с верхней площадки трапа помахали всем рукой.

Самолет взял разбег и легко взмыл в прозрачное синее небо,

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

И-1 (с намеком). Плакали чьи-то пульки.

И-3, глянув на приунывшего И-2, рассмеялся. Тот, откуда-то из-под пульта достал две таблетки.

И-3 (И-второму). Коллега, да не печальтесь вы так!

И он артистическим жестом положил на пульте перед И-1« две таблетки.

И-3.Это лично от меня...

И-1. И от меня тоже.

И еще две таблетки легли на пульт.

И-2.Но раппорт я все равно подам!

И-1. переглянулись с И-3 и рассмеялись...

НЬЮ ЙОРК. АЭРОПОРТ КЕННЕДИ. ДЕНЬ.

На стоянку зарулил полицейский вэн и из него вышли Капрал, Соломон, Конфуций, черный полицейский Пит. Симон выключил зажигание. У Соломона в руках был большой букет цветов.

А вот они в зале прилета, всматриваются в лица прибывших. Появились Марк и Виктория. Марк тянул тележку с огромными чемоданами.

КАПРАЛ. А она ничего...

Он вдруг вытянул цветы из рук Соломона, подправил борта рубашки и посмотрел на друзей.

КАПРАЛ. Всем-за мной!

Дружная ватага пошла навстречу Марку и Виктории. Приятели обнялись.

МАРК. А это Виктория.

Соломон вдруг взял у Капрала цветы и подал девушке. Тот несколько опешил, но рассмеялся вслед за друзьями.

СОЛОМОН. А у Мэстро совсем неплохой вкус! (и по-русски). Добро пожаловать в Нью Йорк.

ВИКТОРИЯ. Спасибо... А вы- Соломон?

СОЛОМОН. Ну а кто же еще...

ВИКТОРИЯ. Наш лейтенант много рассказывал о вас...

МАРК. Мужики, как я по вас соскучился!..

НЬЮ ЙОРК. ТРАССА. САЛОН ВЭНА.

Марк с Ланой сидели на двух передних креслах.

МАРК (глядя на проплывающую за окном панораму). Нью Йорк!.. Неужели я дома?! (и Виктории, кивнув на открывшийся вид на залив) Тебе нравится?

ВИКТОРИЯ.Посмотрим!...

Он обнял ее.

А вот машина съехала с автомагистрали и уже пошла по нью-йоркским улицам. Виктория с любопытством смотрела на незнакомый пейзаж: шумные запруженные автомобилями улицы, вывески на разных языках.

Автомобиль остановился напротив билдинга.

МАРК (Виктории). Ну вот мы и дома...

Они стали на лестничной клетке, перед дверью. Рядом -друзья с чемоданами. Марк, глянув на Викторию, подал ей ключи, но и в этот же момент дверь открылась и они увидели Шер. Девушки глянули друг на друга и Шер протянула Виктории обе руки, ввела ее в дом.

А в зале встречала их мать Марка.

МАТЬ. Дети мои! (глянув на Викторию и протянув обе руки). Девочка моя!

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ. РАБОЧИЙ ОТСЕК.

И-1 и И-3 глянули на И-2, а тот, глядя на экран, где мать ласково пригладила волос Виктории, метнул в рот последнюю таблетку.

И-2 (пьяно). Силовека... Любовь... Пизеси..

И он рухнул грудью на пульт.

И-1 и И-3 рассмеялись.

КВАРТИРА МАРКА.

В руках Капрала бабахнуло Шампанское, а брызги вырвавшегося напитка превратились в огни уходящего в космос межпланетного корабля.

СВОБОДА ИВРИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КРАЖА

Старый еврей, великолепный старик Дан, греется на вечернем осеннем солнце. И сам похожий на косматое светило - седоголовый, с пышной пепельной бородой, поднял к синеве спокойные глаза. Небо, показалось, ответило тем же взглядом, будто на расстоянии лениво сидели два давних постаревших соперника, которые всю жизнь вели незримый спор, а теперь, как усталые волки, издалека равнодушно смотрели друг на друга - каждый со своих рубежей, словно уже ничего не желающие и уже ничего не ждущие ни от себя, ни от кого другого, ни от остального унылого мира: все, что было - то было, все, что есть - Бог с ним, а чему быть - того не миновать.

Но это лишь на первый взгляд. Ибо никогда это извечное небо - Великий Синий Волк не был безразличен Дану. Но, наверное, и Синему Волку была любопытной жизнь этого постаревшего еврея.

Старик слушал свою думу, улавливая как, грусть невольно переходила в печаль и порою срывалась в горечь. Каждый возраст имеет свою интонацию мыслей. У старых волков это ирония, замешанная на печали.

«Синий Волк» ... Дану нравится это сравнение. И даже льстит в глубине души - ведь он становился почти сородичем этим небесам, которые в свою очередь, есть не что иное, как часть Бога и сам Бог. И пусть не обижается Господь на него - Дана, за такое сравнение: ведь все от любви ...

Тут же усмехается душа и уже готова подтрунить над собой. Но мысли ускользают в иные дали и заботы: скоро, очень скоро предстоит большая дорога. Наверное, самая важная в его жизни - Ерушалаем ... Исход ...

При мысли об отъезде сразу же думается о старшем сыне Елизаре. Приемном сыне. Как быть? Как сказать парню об этом? Ты приемный... Сказать тяжело. А не сказать, наверное, тоже нельзя. Да, стоит ли тревожить прошлое? Хотя, наверное, парень уже и сам все знает: людская злоба и подлость – вездесущи. Но знает ли он, что рожден ...

Дан сдвинул борта старенького пиджака: хоть и солнышко, но все-таки осеннее - долго на дворе уже не посидишь ...

Двор Дана - старый добрый двор, в котором родились его дед, отец, где выросли сыновья и дочь, повидавший столько же горя, сколько и радости, как и он, обложившись заборами, старчески грелся на угасающем солнце.

Дом расположен в глубине двора - добротный, из красного кирпича с уютной мансардой.

Но сейчас старик смотрел на него с грустью: вот и его предстоит продавать. Построить - построили, а пожить толком и не успели. Но все равно - этот дом уже стал маловат для его семьи: Елизар обзавелся семьей - слава Богу уже трехлетний мальчуган растет. А кроме того, в благословение Господа, у Дана есть еще восемнадцатилетний сын и семнадцатилетняя дочь. Яков и Ривека. Да, все равно пришлось бы покупать дом или Елизару, или же для Якова.

И снова с именем старшего сына ложится на сердце тревога: как сказать парню ... в тебе чужая ... кровь ... Но ведь жена у Елизара - еврейка, значит и сынишка его – еврей - дановский внучек, которому он и имя свое дал ... Но все же ...

Старик встает, словно гонят его куда-то хлесткие вопросы.

От долгого сидения загорается в чашечках боль, мешает выпрямить ноги. Старик справляется с коленями, как с несмазанными шатунами, прихрамывая, ковыляет к дому, хватаясь за перила, поднимается на высокое крыльцо.

Из коридора потек знакомый запах: свежесть и какая-то легкость. Во всех комнатах тишина. Но через какой-нибудь час-другой дом оживет. Придет из садика маленький Дан, заработают, загудят всякие теле, видео и магнитофоны Якова, Елизара. Дочь далека от всех этих дел. Вот и сейчас, наверное, заперлась в своей комнатке и читает своего Христа.

Откуда это у нее? Путаный мир пошел. Но ничего - со временем все станет на свои места. Ривека тоже выбросит из головы эти кресты. А насильно веру отбирать нельзя. Все придет само собой.

Дан входит в свою - «стариковскую» комнату на первом этаже. Его старуха - Соня - здесь, подперев подбородок ладонью, смотрит в окно. А в глазах печаль и забота, словно сидит перед какой-то рекой - надо перейти, да брод тяжел.

Старик догадывается, а скорее всего, знает, о чем трудные думы жены. Все те же - Израиль: как все будет ... и, конечно, - Елизар ...

Дан садится неподалеку на стул. Привалившись к стенке, поглаживает сухощавыми пальцами мягкую пышную бороду. Вслушивается в молчание.

Хотя это и не молчание - просто разговор без слов, точно слился он со своей «половиной» в одно существо - с одними и теми же мыслями и безответными вопросами ... Старое, знакомое чувство.

А разговор, конечно, начнется совсем не с того, о чем болит душа, но с чего-нибудь постороннего, затридевьяземельного.

- Сейчас во дворе сию - виноград в этом году отличный! - старик даже подпустил в голос деловую нотку.

Соня молчаливо кивает, хотя глаза ее по-прежнему неподвижны. Замерли на какой-то точке: да, мол, виноград, да, отличный .. да ... да.

- Все будет на высшем уровне! - приободрился старик. - Вот увидишь. Мы с тобой там, как короли, заживем! Там пенсионеры, как у Бога за пазухой ...

- За пазухой - это как? - шпильнула Соня.

Мимо дверей скользнул девичий силуэт. Ривека.

- А ты куда, израильтянка? - ворчливо и требовательно бросила Соня вслед дочери.

Через долгую секунду в проем дверей всплыла стройная фигура, с длинной косой, сбегавшей по острым грудям к самым бедрам,

Ривека прижалась к дверному косяку, негромко расставила:

- Ну я пойду ... - в руке синяя косынка, и по ней родители поняли - куда «пойду».

Старик опустил голову.

В комнату вломилась тишина.

Молчание стариков было использовано как знак согласия, во всяком случае - непротивления, Ривека мышкой выскользнула из дома, только на груди запылала пыльная каштановая коса.

Первые секунды после бегства дочери Дан и Соня сидели, если не хмурые, то уже явно чувствуя, как распадается единство их душ, еще пару минут назад бывшее таким цельным и нерушимым.

- До Израиля придется потерпеть, - мол, ничего тут не поделаешь, - вдохнул старик.

- Ты думаешь, Израиль ей поможет ... Как же. Отучишь козла от капусты! - проворчала Соня. - Она

спит и во сне видит свой Иерусалим. Прислонюсь, говорит, к этому, гробу Христа. Или как его еще там! - и запричитала. - Дожить до такого дня, чтоб единственная дочь в церковь ходила! Кресту предалась! Действительно, от такого позора куда хочешь сбежишь! Да если б только позор ... А то ведь столько горя ... - и она осеклась, поняв, что нанесла старику боль ...

... Дан родился в светлый праздник - Пейсах - праздник освобождения из египетского рабства. Но вместе с праздником в тот день пришло и горе. Еще одно еврейское торжество было залито кровью.

«Ближние» любят убивать евреев в их праздники. Видно, в будние дни кровь проткнутого штыком ребенка не так сладко пьянит душу, как в праздник. Убивать евреев в их праздник - верх блаженства.

И в ту Пасху на местечко в Горске напали вооруженные озверелые толпы, врывались в незащитные дома, убивали детей, стариков, женщин .

... Когда все было кончено, когда насытившиеся кровью звери оставили разграбленное, подожженное местечко, в одном из домов нашли убитую восемнадцатилетнюю женщину. Она лежала на полу с брошенным в потолок застекленевшим взглядом. В ногах ее кричал мокрый от слизи новорожденный мальчик, еще связанный пуповиной с уже остывшим материнским телом.

Черная коса с лоскутом кожи свисала с ее обнаженного черепа. Рядом валялся окровавленный топор.

В доме нашли еще два трупа стариков и молодого мужчины.

... Кровавый навет ...

... Дан в раздумье глядел на желтые прямоугольники паркета.

От мыслей оторвала теплая рука Сони, ласково тронувшая плечо:

- Дедок, чайку попьем ...

Дан кивнул, и они оба почувствовали, как стало обоим легко, словно заново склеилась, стала единой распавшаяся было их единая душа.

Церковь находилась почти в центре Горска. В минутах десяти от еврейского местечка, с которого когда-то и пошел город. Несколько веков назад побережье тихой небольшой речушки, вдоль которой сейчас вытянулся город, облюбовала горстка еврейских семей, бежавших от погромов, преследований (извечная еврейская дорога), и из девяти-десяти глинобитных домов выросла еврейская колония со своей синагогой, мастеровым людом: ювелирами, скорняками, кузнецами и другими трудягами. А как известно, где ремесло, там прилаживается и торговля, а где хорошая торговля, там появляется центр.

Так родился еще один российский городок с коротким, стремительным названием - Горск. Со временем его стали обживать и христиане, построившие эту церковь.

Увидев ее еще издали, Ривека повязала косынку, с грустью думая, что в ней по местечку не пройти: посыпятся вопросы. А за ними, конечно же, насмешки. Еще бы: еврейка - да христианка! Это даже не белая ворона. Но если бы и насмешки, она все равно никого бы не обвинила, а наоборот, уже заранее простила своим местечковцам все их возможные сплетни и ухмылки: разве ж можно обижаться на этот и без того обиженный народ? Нет! Только молиться за него и любить! Бедные евреи! Бедные ... бедные! Сколько несчастий они принесли себе своей гордыней и упрямством! Если бы тогда они приняли своего Спасителя, своего Христа. Если б не

отвергли его, разве ж выпало б на их долю столько страданий?!! Но она будет молиться за своих бедных, непонятливых и униженных евреев. Ежедневно, ежечасно, чтоб дошел до них, наконец, голос Бога и чтоб они приняли своего Христа.

У монастырских ворот по обе стороны калитки потрепанными воронами, просили милостыню две оборванные старушки-нищенки. Негромко приборматывая и крестясь, с жалким ожиданием заглядывали в глаза, Ривека подала обеим по горстке монет.

Входя в монастырский двор, вдруг снова, уже в который раз, ощутила, что, переступив сейчас калитку и крестясь, она переходит какую-то черту, за которой казалась себе совсем иной - незнакомой и, может, в чем-то неприятно чужой. Но почему так?..

Во дворе переговаривались несколько пожилых женщин в темных платках. На Ривеку тут же обратили внимание- как и всегда, когда она приходила в церковь.

Черные, как вишни, и так легко узнаваемые повсюду еврейские глаза, длинная коса, тугим канатом выющаяся по спине, отличали Ривеку от других молоденьких прихожанок. Как если бы среди одинаковых деревьев появился незнакомый стебелек.

- Ишь ты - еврейка, а в церковь ... - засудачили старушки, когда она уже скрылась в массивных черных дверях церкви. И еще некоторое время обсуждали это примечательное для них событие:

- Смотри-ка жида, а перекрестилась ...

- А че тут смотреть! - небрежно выплеснула одна из женщин.

- Она первая здесь что ли?! их уже немало сюда приходят. Отец Александр - их них же кровей. Вот и собирает вокруг себя. Особливо молоденькие идут.

- Небось, сами-то Христа порешили, а теперь отмаливаются! - рассудила приземистая бабка в черной косынке.

- О. Александр хочь и еврей, а вон какой верующий! Добрый! Да благословит его Бог! - вступился другой, уважительный старушечий голосок. - Сколько душ на путь истины наставил! - она перекрестилась, и следом заспешили, точно боялись отчего-то не успеть, перекрестились остальные:

- Благослови, господь!

- Благослови, господь!

В метрах десяти незаметно наблюдал за ними молодой, с редкой бородкой, диакон Василий. Делая вид, что завязывает шнурок левой поручи, вслушивался в разговор старушек.

«Хочь и еврей, а вон какой ... сколько душ на путь ... наставил-» ... злобно отдалось в мозгу: - «ишь как молятся на этого жида ... Удушить бы его, а не молиться!»...

Проходя мимо, хотел было подбросить какое-нибудь черненькое, мажущее о. Александра словечко, но, секунду помешкав, потопал дальше: настраивая против священника, можно было и самому вляпаться ... Еще не время. Надо ждать. Надо терпеть и ждать удобного случая, тогда и петлю можно набросить ...

Он вошел в церковь.

Первое, что увидел - Ривека, купив в лотке, тонкую длинную свечку, подошла к подсвечнику у иконы. Зажгла свою свечу от горевшей и поставила среди десятка других.

Нутро диакона словно обдало кипятком: «Жидовка», но внешне сохранил спокойствие и даже, подойдя к Ривеке, ласково протянул:

- Рад видеть тебя здесь, сестра моя.

Она ответила еле заметным кивком и в душе зазвучала тихая радостная струна: «Мне рады здесь ... Как хорошо ... »

Она прошла к группе верующих, обращенных к амвону: о. Александр вел молебен.

Он стоял спиной к прихожанам. Глядя на распятие, протяжно произносил молитву. Негромкий, но проникающий густой голос растекался по храму и, казалось, подобно теплой властной волне поглощал в нем все:

- Помилуй нас, Боже, по великой милости твоей молимся, услышь и помилуй ...

- Господи, помилуй, - тихо произнесла Ривека.

Она смотрела на о. Александра, его широкие плечи под черными одеждами, его густую шевелюру, седую и волнистую. Ривека смотрела ему в спину, но ясно представляла его лицо с густой марксовской бородой, с внимательными, чуть навывкате, большими еврейскими глазами.

О. Александр, почувствовав на себе этот взгляд, на секунду, в паузе меж молитв, обернулся. Но и этой доли секунды хватило, чтоб увидеть приветствие и одобрение, которое текло через весь храм, через головы молившихся, сквозь неяркий свет к ней – Ривеке.

«Я благословляю тебя и приветствую! Ты молодчина!» - прочитала она в глазах священника.

И стало светло, точно в миг зажглись под сводом тысячи свечек, словно иконы по краям царских врат стали излучать необыкновенный свет. И в этом свете стали ближе и дороже все эти незнакомые ей люди. Этот свет, казалось, растекался по всем сердцам прихожан и, действительно, делал их братьями и сестрами. Мир был чист, в нем правили милосердие, сострадание, любовь. Все на земле братья и сестры. Ривека подумала об отце, братьях Елизаре и Якове. И ей вдруг стало пронзительно

стыдно и жаль, что сейчас их нет рядом, что они так отрицают своего единственного Спасителя, своего Христа.

Не заметив сама, она сложила теплые девичьи ладошки возле губ и горячо зашептала:

- Господи! Помоги им - заблудившим! Открой им их невидящие глаза и сердца! Помоги им и спаси их! Я прошу тебя, Господи!

Она молилась, позабыв обо всем. Но вдруг непроизвольно голову повело в сторону и она увидела зло нацеленные глаза. Женщина, лет пятидесяти, в черной косынке, каким-то пристально скошенным взглядом наблюдала за ней. Следом в ее сторону повернулась еще одна голова.

От неожиданности Ривека смешалась, невольно осмотрела себя с груди до ног, словно эти злые взгляды застали ее обнаженной.

Глаза смотрели по-прежнему искоса и враждебно. Ривека инстинктивно искала помощи у о. Александра. Но он по-прежнему стоял спиной и вел молитву.

Ривека сдвинулась с места, стараясь спрятаться от тех взглядов за стоявшей рядом пожилой женщиной. Долго не могла сосредоточиться.

Наконец молебен закончился. Она дождалась пока толпа рассеялась и о. Александр направился к выходу.

- Рад тебя видеть, доченька! - приоткрывая дверь, священник пропустил ее вперед себя.

Она снова подметила, что обращается он к ней не так официально, как к другим: «дочь моя» ...

- Спасибо, - она не смела поднять глаза.

Во дворе от людских голосов стоял негромкий гул: прихожане, рассыпавшись на маленькие группки, оживленно говорили.

Увидев вышедшего о. Александра, на мгновение попритихли и как-то незаметно, словно ручейки, стали подтекать к нему, обступив полукругом его и Ривеку.

Смеркалось.

- Как ваш отъезд? - священник ласково тронул Ривеку за локоть.

- Родители готовятся.

- По-хорошему завидую тебе, - от глубокого голоса протоиерея исходил покой и отеческое тепло. - Храм Господний увидишь. Поклонишься, - и призадумавшись, с какой-то потаенной печалью выдохнул: -ИЕ-РУ-СА-ЛИМ ...

- И вы тоже, даст бог, увидите. Сейчас ведь разрешают ...

- В Израиль едет! - вырвалось из молчавшего до этого людского полукруга. о. Александр молчаливо кивнул.

Убежав глазами в далекое вечернее небо, в ту сторону, где стоял вечный и непостижимый град Господа Бога-Ерушалаим, думал, что жизнь, судьба, уже наверняка, так и не даст возможности увидеть далекую; но родную Палестину, припасть к ее бессмертным камням. Ерушалаим.

Ривека посмотрела на священника, хотела сказать что-то теплое, что-то спросить, но вокруг были такие же ждущие глаза и готовые к вопросам губы.

- Ну, я пойду, святой отец, - она внимательно посмотрела. Священник улыбнулся и снова из этих глаз потек теплый свет одобрения:

- Иди, доченька. Бог тебе в помощь! - он перекрестил ее, и в тот же момент, словно, наконец, заполучив протоиерея у Ривеки, толпа теснее обступила его, засыпая вопросами.

Благословение о.Александра несли Ривеку, словно пушинку - сердце было легким и радостным, незнакомые люди, шедшие навстречу, весь этот человеческий мир, казалось, был создан только для соучастья, милосердия и любви.

Сейчас она придет домой и сразу же возьмется за Евангелие, начнет читать самую любимую главу, где Спаситель в Гефсиманском саду молит Господа о спасении .

... У ворот Ривека спохватилась: она в косынке! Значит, так и прошла в ней через все местечко!

Она с укором поймала себя на том, что чуть ли не затряслась не то от страха, не то от еще чего-то рабского. Словно воровала что-то.

Косынку Ривека все же сняла, собрав длинными, красивыми пальцами в кулак.

Все домашние сидели во дворе за столом - отец, мать, Елизар с женой, маленький Дан, Яков - за вечерним чаем.

Глянули разом и словно уперлись в какую-то стенку.

- Приятного аппетита! - старалась степенно пройти Ривека.

- Опять в церковь ходила! - проворчал Елизар. - Совсем одурела ...

- А тебе, как никому, нужно бы пойти в церковь, - она виновато опустила голову.

Дан с дрогнувшим сердцем взглянул на жену: что это?

- Это почему же именно мне? - Елизар промокнул полотенцем губы.

- Имя вон какое носишь ... Библейское, можно сказать ... Еврейское!

- Иди ты к черту, - незлобно перебил Елизар, шлепком сбросив полотенце на колени.

- Да не обращай ты внимание на эту козу! - облегченно выдохнул старик. И от радости, что его подозрения оказались напрасными, обнял сидевшего рядом своего старшего сына Елизара. - Посмотришь, в один прекрасный день сами же - ее христиане и турнут ее из своей церкви ... Э-э, кто в этом мире любил евреев?! А-а! - он шутливо-безнадежно отмахнулся от дочери и потом снисходительно пригласил. - Иди чай пить, чудо израильское!

- Между прочим, - вставил девятнадцатилетний Яков, - христианство сейчас не в моде. Сейчас в моде Кришна.

- «В моде - не в моде», - передернул Елизар. - Религия тебе не штаны! - молодым добрым старичком проворчал он.

Ривека замерла, посмотрела на Елизара долгим, спокойным взглядом.

Отчего-то тот почувствовал себя неловко:

- Ну вот - выкатит свои зеркала и не оторвется, - не зло бросил он.

Ривека пожала плечами и, взявшись за кончик тугой косы, пошла к дому.

- Удивляюсь! - с любовью произнес ей вслед Елизар. - Сколько живу на этом свете, а вот такого взгляда, как у нее, не встречал ни у кого. Посмотрит - как будто всего тебя насквозь видит. Твою душу, как детскую книжку, читает. Клянусь! - и взглянул на Якова. - Ничего у нас сестренка! А?

- Ко мне столько ребят липнут из-за нее ...

Дан и Соня тепло переглянулись ...

Ривека поднялась в свою комнату - на мансарду и, глядя из окна на раскинувшийся внизу отцовский двор,

на свою семью, несмело, а потом решительно перекрестила их:

- Спаси вас бог! Спаси вас бог! - и в раздумье прильнула к окну ...

В вечернем небе, как на круглом подсвечнике в храме, загорались, как свечи, ясные звезды.

Еще только появились слухи о назначении в дивизион нового комбата, солдаты, как водится, о нем уже знали все: и то, что он был разжалован с подполковников в капитаны, что воевал в Египте против Израиля и что не уживался ни с каким начальством. Но никто толком не знал его национальности.

Солдаты РТБ (радиотехническая батарея) новость эту восприняли без особых эмоций: все, в основном, были уже «старики», служить оставалось немного, и на любое начальство можно было положить хрен.

Но уже первая встреча дала понять, что насчет «хрена» придется повременить ...

Семь солдат РТБ посадили в классе военной подготовки и многообещающе предупредили: сейчас будет - Он ...

И Он вошел.

Короткий, как качан кукурузы, лениво, ни на кого не глядя, про шлепал к столу, небрежно сбросил черную фуражку. Она шлепнулась на стол козырьком вверх, зияя грязной, лоснящейся подкладкой.

Поначалу в глазах солдат просвечивало любопытство.

Комбат сел за стол. Выглядел он лет на пятьдесят пять, с несуразной внешностью - его большая голова

неприятно подчеркивала тонкую шею, словно горшок насадили на гвоздь.

За спиной комбата висела черная учебная доска. Обыкновенно исчерченная, сейчас (знакомство с новым начальством) она была начисто вытерта, лишь кое-где проступали пятна мела. На фоне этой черной доски голо-
вастый капитан казался какой-то насупленной птицей.

Во время знакомства, видно, унылого для него действия, с лица его, казалось, стекала одна постоянная мысль: хотя он и новый командир, а особого счастья от этой встречи не испытывает: все видано-перевидано и уже давно сидит в печенках.

Назвав по журналу очередную фамилию, он сначала уводил глаза в окно или бездумно смотрел на какой-нибудь плакат на стене, и, лишь минуто спустя, лениво скользил глазами вдоль лица солдата, который безропотно стоял в ожидании команды: «Садитесь».

И снова очередное имя и тысячи раз слышанный отзыв: «Я».

В общем, все как всегда, если б не одна фамилия. Дойдя до нее, капитан словно напоролся на нож, будто вновь глотнул обжигающего, как кислота, нестерпимого воздуха египетских пустынь. В одно мгновение встали перед глазами советские буксующие в песках ракетные установки, ненавистные шестиконечные звезды стремительных израильских истребителей ... Суэцкий канал. Война с жидами. И вот теперь снова, думалось капитану, служба подбросила, хотя и не израильского щенка, но все равно - из их неистребимого рода ... И имя какое ... Фред.

Капитан в упор уставился на него.

Фред стоял за столом у окна, близко от буравящего командирского взгляда, но, выдержал его, не убрал глаз.

- Еврей? - не выдержав, точно выстрелил капитан.

- Да, - Фред почувствовал, как два въедливых красных глазка вползают в душу, злорадно поблескивая: ага, значит, еврей ...

На класс обрушилась тишина. Солдаты подобрались и замерли. Казалось, и ракеты на стенных плакатах не выдержат напряжения и через секунду-другую выстрелят.

- У него и Библия есть, - вдруг сунулся льстивый голосок со второй парты.

Круглые глазки комбата резко сор вались на выкрик: из-за спины Фреда выглядывало глуповатое лицо со слащавой улыбкой - ефрейтор Грызанов.

Новый комбат с пренебрежением посмотрел на него. Грызанов налег на стол грудью, от усердия и смущения тянул вперед голову, как шавка к ноге хозяина.

- Ефрейтор, потом ко мне ... - словно сплюнул капитан.

- Значит ... Библия ... Молодой Израиль ... Или как вас еще там называют ... Иври ... - ухмылка предназначалась Фреду.

Комбат, громыхнув стулом, выпел из-за стола, бросил руками за короткую спину. К окну потопала коренастая фигура в военной форме. Из окна была видна вышка с часовым, который, прислонившись к балке, был недвижим, словно приклеенный. Видимо, тайком подремывал. Капитан по долгому опыту знал, что, поставь солдата хоть вверх ногами, засыпать он научится и в таком положении.

Но сейчас не эта вышка с прикорнувшим часовым, не обваловка, за которой спряталась станция наведения ракет, не это небесная синь, неоглядно растекшаяся над дивизионом и всем миром, занимали мысли разжалованного в капитаны его, боевого подполковника - разжалованного без вины, ни за что. Просто это нужно было тем,

знал он, которые из-за так называемого интернационального долга бросали людей на смерть. А на хрен был ему нужен этот «долг»? И кому он тогда был должен?! За что было положено столько своих ребят?! Самый обесцененный товар в этом государстве - люди! Иначе и не скажешь - товар! И зачем это было нужно?! Но кто ответит на вопрос? Никто! Как всегда - никто! А тем более, что ту войну с Израилем упорно замалчивали. Словно никто из советских летчиков и ракетчиков не воевал на стороне Египта, словно и не было в знойном Суэце и раскаленных песках новейших комплексов ПВО. Но что произошло в итоге? Почти все, кто прошел ад Египта, вернувшись на родину, стали изгоями. Боевые офицеры, мечтавшие после войны о хорошей службе, вместо этого попали в немилость того же государства, что посылало их на смерть. Ни повышений в чинах, ни командирских должностей, ни наград. И наоборот - опала. Многих «египтян» понизили в должностях, многие, не выдержав неожиданных преследований, спивались, попадали под трибунал, а те единицы, кто мог «держаться», затаили глухую обиду и злость ...

- Я боевой офицер! - неожиданно выдал комбат, все еще стоя спиной к окаменелым солдатским лицам. - Слышали про Египет?! - повысив голос, он медленно повел свою дутую голову в сторону Фреда. - Это я вам говорю!

- Слышал, - в напряженной тишине голос Фреда лег глухо и отчетливо.

- Как же не слышать ... Израиль ведь ... Небось, если б тогда послали с нашими, сбежал на вашу сторону, а? - с издевкой бросил комбат.

- Не сбежал ...

- Так и не сбежал ...

Фред мельком взглянул на ребят. Сидели неприглядно сдавленно. Все это, видимо, уже походило на

спектакль. Пятеро солдат за партами - зрители, и трое: головастый желчный капитан, шавка на задних лапках - Грызанов, Фред - невольные актеры. «Зрители», кажется, болели за него - Фреда.

- Евреи всегда были преданны той стране, в которой жили! - подбодренный, он затеял монолог. - В 1812 году французским евреям приходилось стрелять в русских евреев. И так было всегда: евреям приходилось воевать друг против друга. Каждый защищал свою страну ... Это известно ...

Комбат что-то бросил в ответ, но в те секунды Фред уже не слышал его ...

... Две цепи шли друг на друга. Разрывались снаряды, кромсая все вокруг. Оторванные руки, куски человеческого мяса взлетали в воздух с комьями земли. Вражеская цепь заметно поредела, была уложена и половина фредовского батальона.

Фред бежал по изрытой снарядами земле и уже различал лица надвигающихся врагов. Мир в те мгновенья состоял из орущих ртов, глаз, взметавшихся к небу комьев земли, разорванных тел, непостижимого ужаса.

У каждого наметился свой враг. На Фреда бежал невысокий черноволосый парень. Кажется, целую вечность находили они друг на друга. В эти долгие мгновения меж ними установилась неодолимая незримая связь. Они уже ничего не видели и не слышали. Были только - Фред, его враг, вечное и одновременно неотвратимое сближение.

Фред выстрелил.

Враг выронил оружие, согнувшись, зажимая рану на животе, посмотрел пристально и удивленно, словно никогда не мог предположить такого. Все, что угодно, но только - не смерть.

«Что же это, брат?» - взмолились его глаза.

И Фред узнал их. Необъяснимо знакомые ... Похожие ...

Парень, ссутючившись, замер на развороченной земле. Фред наклонился над ним. Они были ровесники.

На шее парня тонко блеснула цепочка. Фред медленными пальцами потянулся к ней. Он боялся коснуться ее, и одновременно что-то требовало, заставляло ее вытянуть. Фред понимал причину своего страха: вытягивая цепочку, он уже знал, что сейчас выглянет шестиконечная звезда.

... Шесть концов серебряной звездочки резали руку, как стиснутые в ней осколки стекла...

... Комбат, со сцепленными за спиной руками, прохаживался вдоль учебной доски, вдруг остановился возле стола и взглянул на Фреда:

- Посмотрим. Меня, во всяком случае, ты запомнишь на всю жизнь ...

Фред хотел было что-то ответить, но сидевший рядом москвич Паша Гришин одернул его за гимнастерку.

... Вечером в умывальной комнате, которая одновременно служила и курилкой, по-солдатски смачно дымя сигаретами, выстроились вдоль стен ребята с дивизиона: шофера, пусковики, связисты. Обсуждали главную новость - новое начальство ...

- Да-а, серьезный теперь у вас комбат! - нарочито восхищенно поздравляли эртэбэшников и даже как будто завидовали: - Везет же людям на командиров! Теперь у вас сплошной курорт пойдет!

Но стоявший в дверях Володя Унежев - или Хамисевич, как обыкновенно по отчеству звали его - добродушный здоровяк-кабардинец - с нескрываемой досадой и южным акцентом пробубнил:

- Сич она такой, а не командир!

Он был некурящий, привалившись к дверному косяку, стоял у входа в задымленную курилку. После его упрека в маленькой комнате зависла густая, улыбчивая тишина: поначалу не поняли, что означало - «сич» - может, какое ругательство на кабардинском или еще что, и высокий, с открытым лицом Паша Гришин, смеясь, попросил:

- Хамишевич, расшифруй.

Унежев недоуменным взглядом повел по улыбавшимся лицам и с прежним акцентом попробовал растолковать:

- Ну си-ич! - что ж, мол, здесь непонятного.

Солдаты посмеивались, но не понимали. Хамишевич безнадежно отмахнулся, но вдруг, и кажется, неожиданно для себя энергично замахал руками. В съехавшей набок пилотке, вылезшей из ремня гимнастерки, смешно, видно, для пущей убедительности, тараща глаза, старательно бил по воздуху громадными, как весла, крестьянскими руками:

- Сич ... летает ... такой ...

Но солдаты уже вовсе хохотали, поняв, что машущие руки Хамишевича означали крылья, а - «сич» - не какое-нибудь кабардинское ругательство, а ночная птица - Сыч.

- Ну, Хамишевич! Ну, молодец! - одобрительно посмеивались ребята, - «...сыч такой...» - добродушно повторяли они, представляя пасмурное лицо нового комбата.

- Сыч, да и только! - и это уже было новое крещение капитана.

- Да, не повезло нам! - сидя на подоконнике, усердно огорчался ефрейтор Грызанов. - Перед самым дембелем такого командира подсунули!

- А тебе - то что? До сержанта все равно дослужишься! - Паша Гришин с пренебрежением кивнул на его черный погон с одной ефрейторской лычкой.

- Мне все равно, - промямлил Грызанов.

- А че тогда с Библией сунулся?! - напомнил Паша его выкрик во время знакомства с комбатом.

Солдаты разом посмотрели на Фреда.

- Он больше не будет, - усмехнулся Фред.

- Смотри, Грызан, если что - за яйца подвесим! - пригрозил Паша и мягко пожал плечо Фреда:

- Ничего, Фред, прорвемся!

- Прорвемся! - Фреду хотелось обнять своих «эртэ-бэшников».

В затихшую на мгновенье курилку сунулось худощавое лицо украинца Коли Стренадки:

- Тут тако жизненно дило! - подошел он к Фреду. Коля был озабочен и даже как-то встревожен, но через секунду его блудливые карие глаза, видно, уже не выдерживая такой серьезной мины, хитро подсветились.

Глядя на эту опечаленную маску, которую, казалось, вот-вот разорвет жуликоватая улыбка, Фред понял про тяжелейшие проблемы товарища и, рассмеявшись, взглянул на часы.

- Успиим! - воодушевленно опередил Стренадко. - До вечерней проверки еще сорок минут и десять секунд... Ну че, к тебе в кабинет?

Паша взглянул на Фреда и нарочито серьезно развел руками: куда, мол, денешься, надо выручать человека.

В дивизионе знали и добродушно посмеивались над страстью Стренадки заводить «почтовые» знакомства. Подшучивали над ним, но и неподдельно удивлялись: как и где он умудрялся доставать все новые и новые адреса.

- А эта баба откуда? - спросил Фред, когда они вошли в его «кабинет».

- Из Грузии! - дескать, это тебе не просто так, важно протянул Стренадко, доставая фото из внутреннего кармана гимнастерки:

- Ну как?!

Девушка на снимке и вправду была симпатичной - мило подперев тонким пальчиком подбородок, улыбалась большими, слегка подведенными глазками.

- А, а девочка ничего!..

Коля воодушевился:

- Стренадко знает, чий адрес брать! Стренадко имеет дело только с красулями! - он действительно был счастлив. Но и было отчего. Во-первых, красавица-грузинка - не каждому дано, а во-вторых, он без особых трудов уговорил Фреда написать письмо. Писать он мог и сам, но ему нравились красивые звучные фразы. А такие мог выдумывать только Фред.

«Кабинетом» Фреда была узкая комнатуха, задуманная при строительстве казармы как кинопроекторная, но для которой в итоге так и не нашлось самого главного - кинопроектора. Но потому, как «свято место пусто не бывает», замполит дивизиона решил организовать в ней библиотечку, а на должность библиотекаря призвал Фреда.

Раз в неделю Фред складывал в рюкзак прочитанные книги и шел в полковую библиотеку. На обмен.

«Кабинет» или «Библиотечка» была штаб-квартирой и его друзей: здесь, закрывшись от начальства и остального мира, задернув занавеску единственного окна, можно было покурить под гитару, угостить или угоститься от посылки из дома, помечтать о демобилизации - в общем, уединиться своим призывом, своим священной кланом.

Здесь же, в книжном шкафу, Фред хранил свою скрипку и Библию.

... Коля Стренадко уже сидел за столом, с усердием выводил строки своего письма. Временами вскидывал голову и с украинском акцентом расставлял:

- Ну, батько, нэ торопысь! Я ж тобэ нэ летак! (самолет).

Фред всякий раз улыбался этому «вкусному» слову и, что делать, диктовал медленней.

... Сыч застал их врасплох. В этот вечерний час можно было ожидать кого угодно, но только не новоиспеченного комбата.

От неожиданности Стренадко сорвал со стола письмо, вытянувшись, завел его за бедро.

Но для Сыча явно никто не существовал: толкнув дверь, он ступил в библиотечку лишь на шаг, оглядел этот узкий, как пенал кабинет и в упор не замечал ни Фреда, ни Стренадко.

Как ищейка поводил поверху носом. Ищейка молчаливо обнюхала все: голые стены, потолок - взглянув на книжный шкаф, стоявший сразу у входа, кажется, что-то обнаружила. Так же без слов, как хозяин, капитан открыл его и со средней полки из-под скрипичного футляра достал Библию.

Стренадко успел стрельнуть во Фреда вопросительным взглядом. Фред по-прежнему стоял у окна, сжимал от злости железные «ребра» отопительной батареи.

Дверь в библиотечку оставалась открытой, и за спиной ищейки мелькали вопросительные, любопытные лица солдат. Посматривали, будто невзначай.

Бульдог равнодушно полистал Библию, останавливаясь на некоторых страницах.

Потом он бросил книгу на первую попавшуюся полку, так и не удостоив ни Фреда, ни Стренадко ни

полусловом, ни полувзглядом, и, не прикрыв дверцу шкафа, бросил руки за спину и двинул из проекционной.

О двери он не помнил тоже - она так и осталась распахнутой.

Стренадко снова вопросительно взглянул на Фреда.

Тот стоял, опустив голову.

- Шакал! - про цедил он стиснув зубы.

Грызанов натянул одеяло по самую макушку. Снаружи лишь нос, лоб да закрытые глаза. Как укутанная мумия.

Дневальный - молодой солдат - осторожно, почти на ощупь пробирается по темной ночной казарме к койке ефрейтора: тот приказал разбудить в полночь. Ни черта не видать, лишь из открытой двери падает узкая полоска света. Но огромный черный рот казармы тут же поглощает ее. Звезды маленькими каплями теряются за ночными окнами.

В казарме, действительно, как в чьей-то пасти: посапывание, храп, дух пятидесяти с лишним человек, вонь и темнота.

Дневальный споткнулся о чей-то сапог, чуть не грохнулся на пол. С заколотившим сердцем замер ... Но, вроде бы, пронесло: никого из «стариков» не разбудил. А был бы сам стариком, зашвырнул этот чертов сапог куда-нибудь подальше или нассал в него.

Наконец, различил в темноте койку Грызанова, осторожно потормошил за плечо укутанную по глаза белую мумию:

- Товарищ ефрейтор ... товарищ ефрейтор ...

Мумия зашевелилась, завздохала.

- Товарищ ефрейтор ...
- Да слышу, едрена мать! Забодал! - огрызнулась мумия.

- Вы же сами просили... - опустил в темноту виноватый голос дневального.

- Просил - не просил ... - садясь на кровати, проворчал ефрейтор, но через мгновение изменился тоном. - Ладно - молодец. Будешь и дальше таким старательным - считай под моей защитой.

- Стараюсь, - молодой солдат посчастливил.

- Свободен.

Грызанов, привыкая к темноте, нащупал на табуретке штаны, старательно навернув портянки, влез в сапоги. Одеваясь, ежился: уже осень, ночи холодные, а казарма будет отапливаться - хрен когда. Да и потом, топи не топи, а эту громадину хрен натопишь: все равно к утру одежда становится сырой, как после дождя.

Но все это сейчас казалось мелочью. Главное - выполнить приказ нового комбата: «Завтра Библия этого жидашки должна быть, здесь, в моем кабинете. Он всю священную книгу исчеркал. Мы должны знать, что он там о себе замышляет. И почему он священное писание так поганит».

«Так точно! - ответил тогда он, Грызанов, но тут же, видно, сплоховал: - Только как?»

«Выполняйте приказ!» - капитан словно окатил холодной водой.

Черт с ним, с «водой», вспоминал Грызанов, самое главное, этому еврею хана идет. А то - библиотека, скрипка ... Теперь посмотрим. Теперь, поди, носы от него отворотят. А то что было? Он - Грызанов, командир отделения, на сержантской должности, а все эти жополизы к этому жиду лезут. Но теперь, видно, конец, амба. Моло-

дец комбат! Хоть и злой подлюга, а молодец! И против жидов воевал!...

Грызанов, крадучись, вглядываясь в темноту, пробрел к койке Фреда, с затаенным дыханием замер. Тишина, Лишь посвист да посапывание пятидесяти вонючих козлов. А вот кто-то застонал: спустил ... наверное ... Кто это интересно? Не видать ни зги.

Ефрейтор всмотрелся в черный ком на подушке, пытаясь различить глаза Фреда. Прислушался. Спит - сука. Он нащупал на табурете галифе Фреда, в котором звякнули ключи: то, что надо. Ключи от библиотеки.

С замершим сердцем вытянул их из кармана и с прежней осторожностью, на цыпочках, выбрался из спального помещения в коридор.

Единственно горевшая лампочка после крошечной тьмы показалась яркой.

Грызанов плотно затворил за собою дверь.

В эту ночь, знал он, по роте дежурили сержант Буров и лейтенант Тютюнкин.

Дневальный стоял у тумбочки с телефоном - напротив оружейной комнаты, при виде Грызанова чуть вытянулся. Дверь в оружейную была открыта. Значит, Буров там, наверное, только что сменил караул, ну и пускай себе сидит. Тютюнкин во время дежурств обычно не выходил из офицерской. И это тоже хорошо.

Библиотечка находилась рядом с оружейной: дверь возле двери - у самого входа в спальное помещение. Грызанов посмотрел на дневального, предупреждая, мол, молчи - пригрозил пальцем, выбрал из связки ключей самый большой. Замок легко поддался. Ефрейтор юркнул в комнату, снова, уже изнутри, провернул ключом. Подумав, вытащил его из замочной скважины. На ощупь включил свет. Вот и шкаф, за стеклом выстроился ряд книг, на верхней полке - скрипка.

Грызанов открыл шкаф, стал рыться в книгах, Библию нашел не сразу - она была спрятана в глубине полки - за книгами.

- От мене не спрячешь! - злорадно прошипел ефрейтор. - Жидяра! - восторжествовал нутром.

Неожиданно за дверью, в коридоре, раздалось осторожное цоканье подкованных сапог: кто-то подошел к библиотечке, толкнул дверь. Еще раз. Следом послышался голос:

- Кто там есть?

«Стренадко! - узнал Грызанов с упавшим нутром. - Хохол проклятый!»

Ноги ефрейтора подкосились, сердечко побежало, застучало быстро и громко, казалось, его можно услышать и за дверью.

- Че молчишь, как хрен проглотил?! - прикрикнули за дверью. - Тебе же говорят!

- Не знаю ... вроде никого! - это уже был голос дневального, какой-то шаткий и виноватый.

«Слава богу!» - выдохнул Грызанов и осторожно придавил ладонью выключатель. Навалилась сладкая спасительная темнота. Но сердечко еще бежало.

В коридоре скрипнула дверь - видно, Стренадко вошел в спальное помещение.

«Что делать?! - Грызанов приник к двери. - Откуда взялась эта хохлятская рожа ... Если выйти, может застучать... Где он, интересно, был? В самоволке, небось... Надо доложить новому комбату... Но что делать сейчас? Быстро выйти? А вдруг этот хохол подкарауливает? Спрятался за дверь спальни и ждет?!»

Тот и вправду снова заклацал подкованными сапогами.

- Разбуди Фреда! - приказал, видно, дневальному.

«Теперь уже точно - влип!» - Грызанов опустил ся на пятки.

... Фред нехотя, ворча, оделся, еще сонный в коридоре пристегнул ремень. Недовольно взглянул на Стренадку.

- Что-то у тебя здесь свет горел! - Стренадко для верности толкнул дверь библиотечки. - Позабыл что ли выключить ...

- Ничего я не забыл, - сонно ответил Фред, но, прощупав карманы, словно, протрезвел: - Странно ... А где ключи?

- Дюже странно... - с подозрением пропел Стренадко. - А ну побачь хорошенько. Может, в каких других карманах.

Фред обыскал все карманы, но ключи точно испарились.

- Значит, говоришь, свет горел?

- Ага, - кивнул Стренадко. - Иду я со старой казармы - там Паша и Жора ... Ну мы... бабу привели... Я тоже... свое «дило» кончил, - он показал жестом какое это «дило». - Думаем... чтоб и тебе досталось. Подхожу к казарме, а здесь свет горит. Сначала думаю, ты чего-то там или пишешь, или читаешь ... Кто тебя знает ... А оказывается - не пишешь ...

Посмотрели на дневального, но тот шмыгнул глазами в сторону.

- Кто там был?! - Стренадко с угрозой пошел на него.

Тот что-то залепетал, и они поняли; что дневальный все знает и скрывает.

В коридоре стал возникать шумок: Фред и Буров говорили возле оружейной, Стренадко держал дневального за грудки:

- Кто у кабинете?

- Ефрейтор Грызанов, - сползло с побелевших, дрожащих губ солдата.

- Он там?

Кивок головой.

Фред подошел к двери, прислушался. Ударил рукой:

- Слышь, Грызан, открывай!

Тишина.

- По-хорошему открывай! - еще раз ударил кулаком. По-прежнему никакого ответа;

- Веди ребят! - кивнул Фред Стренадке, и пока те подходили, еще раз попробовал уговорить затихшего в библиотечке ефрейтора.

Сгрудившись возле двери впятером: Буров, Стренадко, Жора и Паша, Фред, посовещались, Попробовали подобрать ключи.

Видно, вставленный и клацанувший в замочной скважине ключ подействовал, и из-за двери прорвался нервный голосок:

- Я все «новому» доложу! Я комбату все скажу!

- Открывай, Грызан, по-хорошему!

- Отмыкайся, тварь!

- Придушим, падаль! - пригрозили в несколько голосов: - Ну!

- И открою! И открою! Я вас никого не боюсь! - он что-то провизжал еще и потом долго, видно, никак не мог попасть в замочную скважину, возился с ключом.

Открыл.

Дверь распахнули. Ефрейтор стоял в темноте, как в черной картине.

Двинули на него, включили свет.

- Тихо, ребята, - попросил Фред. - Зачем залез?! - посмотрел на Грызанова.

Ефрейтор съежился, забегал глазами по лицам:

- Я не виноват! Это комбат ... Библию, говорит, доставь в кабинет! А что я мог сделать?!

- Где книга? - быстро спросил Фред.

- Сейчас! Сейчас! - Грызанов нырнул под стол, пыхтя, вытащил Библию.

Фред тут же полистал ее: вклеенные с его заметками листы были на месте, на душе полегчало.

- Грызан, ты бачишь, кто ты исть? Ты - гавно! - брезгливо чертыхнулся Стренадко. - Стукач!

- Пошел ... - следом точно сплюнул Паша.

На Грызанова нацелились пять пар враждебных глаз.

- Ну че вы, братва! Я ж не, хотел! Я ж не сам! Ну че вы? Извините, если можете! Я ж ваш командир! Я вам еще пригожусь!

Отворотили глаза.

Грызанов с надеждой посмотрел на Фреда.

- Пошел, - брезгливо бросил тот.

Ефрейтор поплелся к двери, сгорбленный, протопал в казарму.

- Вот сучонок! - в молчаливую паузу вставил Паша.

- Спасибо ребята! - Фред мягко положил руку на плечо Стренадки. - Плакала б без вас моя книжка.

- Да цэ не нам спасибо! Цэ спасибо - Тоське! - лукаво заскромничал Стренадко.

Разом грохнули, словно и не было минуту назад скандальной истории с ефрейтором.

...Тоськой звали двадцатилетнюю девицу из стоявшего неподалеку от дивизиона, забытого богом села. Несмотря на свою молодость, она была истаскана и походила на обвядший, измочаленный куст.

«Дивизионка» - прозвали ее солдаты. В четырнадцать лет она впервые гульнула с солдатами и с тех пор «обслуживала» «старичков».

«Дивизионка» была свойской - после пары стаканов вина, как любила сама поговаривать, могла «запустить пять-шесть ракетчиков сходу» ...

- Притащили они Тоську, - продолжал объяснять Стренадко, кивнув на Пашу и Жору. - Трахнули как полагается, а потом полез и я. Пихнул, значить, а потом я говорю - братва, давай нашего скрипача позовем - Фреда. Пусть он тоже - фырть!

Рассмеялись.

Стренадко, хитро прищурясь, продолжал:

- Не полезет, - говорят они, - он кивнул на Пашу и Жору. - Нет, говорю, полезет! На спорь, говорю! - он посмотрел на Фреда прохиндейскими глазами. - Подхожу к казарме, а в твоей конторе свет горит ... А это, оказывается, сучка Грызанов ... фырть ...

Разом грохнули, позабыв, что уже давно глухая ночь и дивизион спит.

Лишь Буров - дежурный по роте, хотя и сам не мог сдерживать смеха, взмолился:

- Мужики ... Не гремите ...

Но Стренадко все же напоследок подмигнул:

- Ну че, Фред, до «Дивизионки» пойдешь?! Уже, наверное, ... подсохла.

- Пойду, конечно ...

Но все вместе, осторожно, на цыпочках двинули в спальное помещение - на отбой.

... А в старой, почти обвалившейся казарме, с задраным платьем, растопырив ноги, валялась на железной солдатской койке пьяная «Дивизионка.»

Казарма стонет, посапывает, ворочается; изголодавшаяся по женской плоти, низвергает в постели семя. Для Фреда эта ночь была тревожной. Бессонница, как волосатая баба, раскинулась в изголовье, не давая уснуть и раздражая. Под конец Фред лежал уже с открытыми глазами, глядя в нескончаемое черное ночное окно.

Мысли были, как стервятники: налетят, вырвут кусок мяса и унесутся по сторонам. Множество мыслей. Множество стервятников.

Думалось о новом комбате и стукаче - Грызанове. Для чего понадобилась комбату Библия? И почему нужно было выкрадывать? Наверное, этого скота заинтересовали его заметки и склеенные листы.

Книги, считай, он уже лишился. Если Сыч взялся за дело, похоже, добьет до конца... Но не книгу было жаль. Хотя и книгу тоже. Главное пометки...

... И вдруг, уже под утро, когда окна стали светлеть, вылепилась одна неожиданная мысль: а что, если ... самому отдать ... Все равно Сыч вырвет у него книгу, да еще с мясом ... А так, может, и лучше ... Пусть прочитает его заметки!

Только на всякий случай все заметки надо переписать и спрятать. А новую Библию сейчас найти несложно. На каждом углу продают.

В душе Фреда заиграли торжествующие скрипки, он посмотрел на часы. Впрочем, что время- когда заходит, тогда и встанет.

И уснул.

Поднялся только к завтраку, как и многие старички дивизиона.

Во время еды вокруг них услужливо вертелся Грызанов: следил, чтоб у каждого кусок хлеба был побольше,

кубик маслица повнушительнее да чтоб сахарку - лиш-
ний кусочек подбросили.

Наскоро поев, пока не приехал новый комбат, Фред собрал в рюкзак книги, завел в библиотечку Грызанова:

- Передашь комбату, что я в полку - в библиотеке. А Библию я тебе сам отдам. Позднее. Сычу пока ска-
жешь, что искал книгу и не нашел. Понял?

- Конечно, понял! - обрадовался ефрейтор. - Я тебе еще пригожусь!

Предупредив и дежурного офицера, Фред двинул к воротам. Только бы успеть вырваться из дивизиона и не попасть навстречу Сычу.

Но вот и позади высокий с колючей проволокой забор, под ногами серая бетонка и впереди ни единой души и ни машины. «Кажется - сво-бо- да!»

Фред сошел с бетонки на лесную тропу: в полк он идти не собирался. После трех-четырех минут ходьбы по лесу, расстегнул верхние пуговицы гимнастерки, pilotку сунул за ремень. Стянув с плеча рюкзак, присел на заваленный ствол высохшей березы.

Лес. Покой. Тишина. Только изредка и словно издалека возникает сначала долгий, а потом отрывистый кукушечий голос, да протолкует быстрым барабанщиком невидимый дятел.

Осенний лес грустный и красивый, с опадающими кронами, сквозь которые уже можно видеть осколки синего голубого неба.

Настоянная, как вино, густая тишина.

Обычно вызывавшая легкость и покой и всегда такая обыкновенная, она вдруг показалась сейчас неправдоподобной и странной. Сколько движений и сколько новых и рвущихся связей, смертей, рождений происходило в этой тесно обступившей его природе - в каждом дереве, в хрупкой ветке, в каждой травинке. Во всем тво-

рилась неумная ненасытная жизнь, но скрытая, невидимая и неслышная. Такая же, как и ток человеческой крови в незримых артериях и венах человека. Как все это могло быть придумано ... Непостижимо и хорошо. Свобода!

Вдруг неожиданно пробившая мысль заставила внутренне вздрогнуть: вся эта красота, все, что сейчас его окружало, вспаивало душу покоем и легкостью, все, что было хорошо и тысячи, миллион раз красиво, - зависело всего лишь от одной капли, одного глотка обретенной свободы. Пусть временно, ненадолго, но все равно - свободы.

Окажись он сейчас под ружьем или в каком-нибудь строю, наверняка б ему не увиделась, не услышалась эта вечная, неумная жизнь. И наверняка, эта обступившая его красота давила бы и казалась бессмысленной и тягостной. Но вот всего лишь один, всего единственный глоток свободы - и мир вокруг мудр и прекрасен.

И вдруг где-то в удивленной душе раскрылось:

«Красота без свободы - бессмысленна! Красота без свободы - невозможна!»

То, что он открыл для себя в эту минуту, возбудило, словно подняло на крыльях, но вскоре душа освободилась от наплыва таких ощущений, будто опустела. Но все же ощущения пустоты не было, и он подметил это. Может, мысли похожи на соки деревьев - так же, как и они, никому не видимые, но питающие крону, корни, самые крохотные листочки, незримо напитывают душу ... Красота без свободы бессмысленна ...

Фред подхватил рюкзак, вороша сапогами опавшую листву, незаметно для себя вышел на упругую лесную тропу: «Ток-ток-ток,» - покатила по лесу быстрая дробь. - «Ток-ток-ток,» - свершал свою жизнь работагудятел.

Лес впереди начал светлеть, тропинка вытекла к скошенному полю, за которым раскинулась маленькая деревушка с беспорядочно, точно орехи, рассыпанными домами.

Где-то в центре ее стоял небольшой домик одинокой старушки, бабы Лены.

Баба Лена была защитницей и покровительницей ребят с дивизиона - семидесятилетняя старушка с кротким лицом, за все и за всех болеющим сердцем.

В наш грязный и жестокий мир, как в противовес всей мирской подлости, как надежда и утешение, приходят такие бабы Лены.

Много таких женщин скрыто по всей огромной Российской земле. Они не заметны, но именно их теплотой согрето извечно одинокое на миру, стынущее от боли сердце России.

Если о молодых можно сказать, что это - лицо народа, то старики - душа его. И чем больше в народе добрых и честных стариков, тем чище и светлее душа его.

Но, как ни странно, потому-то тот народ может быть и несчастливее.

Баба Лена, казалось, родилась на свет, чтоб жалеть,- жалеть надломленную ветку, мокнущую под дождем дворнягу, жалеть голодающего за тридевять земель какого-нибудь безработного и даже жалеть человека, обидевшего ее.

В домике бабы Лены, всегда аккуратном, скромно убранном, но непонятно почему роскошном, «бедные солдатики» могли переночевать с приезжавшими проводить их родными, здесь хранилась гражданская одежда для самоволок, документы, ценности; хранились и душевные тайны, да еще много чего можно было доверить бабе Лене:

«Но вот только душа очень наглых не принимает, - с долей вины говорила она. - Не люблю наглых».

По дощатому крылечку Фред поднялся в дом. Из прихожей окликнул:

- Баба Лена! Баб Лен!

- Входи, кто там...

Старушка сидела в светлой, с тремя окнами, комнате, что-то вязала.

- А, Фредушка, - обрадовалась она. - Проходи. Сейчас самовар подогреем, - старушка пригласила к столу, покрытому белой накрахмаленной скатертью.

Фред сложил в дверях рюкзак, стянул сапоги, в шерстяных носках прошел по чистым, простым, но создававшим необъяснимый уют, дорожкам. Скрипнули половицы.

Баба Лена засуетилась, на ходу расспрашивая, уже скоро ставила перед Фредом чуть дымящий стакан ароматного чая.

- С мятой? - вдохнул он.

- С мятой, сыночек, ты же любишь ...

- Люблю, Баб Лен... Спасибо ... Как вы тут живете?

- Живу помаленьку... Вон травок засушила, - она кивнула на стенку, на которой, как елочная гирлянда, висела аккуратно расправленная на веревке трава-мурава

Взгляд Фреда скользнул по комнате: стенки без ковров, только над одной кроватью прибито что-то вроде покрывала с красным орнаментом. На других стенах и простенках, меж окнами висело множество фотографий: в основном старинных - довоенных, и - после. В углу - накрытый ажурной накидкой образок, под ним - подсвечник. Божий уголок.

Раньше Фред не придавал этому «божьему уголку» никакого значения, но сегодня, когда он пришел в этот дом с исчерканным Новым Заветом ...

Фред почувствовал себя с камнем за пазухой и перестав писать заметки из Нового Завета в доме старушки не смог. Закинув рюкзак за плечи, потопал в полк. Бог с ним - как будет, так и будет.

Для начала обменяв книги, устроился в небольшой читалке. Было интересно заново просматривать подчеркнутые в Новом Завете стихи. Думая о живучести этой книги, Фред вспомнил слова своего отца: «Сочинявшие Новый Завет хорошо знали одно из самых сильных свойств человеческой природы: Злоба. Злоба бессмертна. Используй ее как челнок, и она понесет по реке человеческой истории все, что тебе потребуется» ...

Грызанов ждал Фреда, как бога: поскорее увидеть и заполучить Библию. На занятиях то и дело, словно школьник, поглядывал на часы, торопил время.

«Конец второго часа занятий!... Конец четвертого часа занятий!» - едва доносилась из коридора команда дневального, Грызанова точно вымывало из казармы, он бежал к воротам высматривать фигуру Фреда.

Но - пусто.

С комбатом ему пришлось объясниться еще утром, минут через двадцать после того, как ушел Фред.

Капитана ефрейтор боялся, стоял перед ним навзничь, распустив губы, словно ими, а не ушами, ловил его слова.

- Ладно, - бросил Сыч на отчет Грызанова. - На первый раз прощаю. Но чтоб через день Библия была здесь... Свободен.

- Есть! - Грызанов волчком крутанулся на каблуке и маршевым шагом затопал из кабинета комбата .

... Заканчивался пятый час занятий, а Фреда не было.

«Может, надул?» - со страхком сомневался ефрейтор, поглядывая в окно, за которым на насыпном холме стояла развернутая радиолокационная антенна. Но тут же ободрял себя тем, что Фред обмануть никак не мог: не было ему тут никакой выгоды, и наоборот - этот жидок попался на его удочку и, видать, подмазываться решил - если с новым начальством не снюхался, значит с ним - Грызановым решил «своячиться». Эти жида - хитрющий народ...

Библию брал у Фреда, как нечто связующее их, объединяющее в какой-то тайный союз, с соответствующим выражением лица: вот, мол, ты меня понимаешь и, конечно, в долгу не останусь и я ...

... Не меньше трех глав - вот таково правило, и уже вроде бы и привычным стало: без Евангелия - ни одного дня.

Ривека отрывается от книги, смотрит в окно: отсюда, с мансарды, небо кажется близким - оно тихое и спокойное. Лишь вдали, у самого горизонта видны две-три полосы облаков, как истрепанные знамена.

Стол Ривеки у окна. Она осторожно берет с подоконника тонкую картонку, на которой стоят несколько пластилиновых человечков.

Лепит она их сама уже почти год - с Рождества. Тогда она вылепила фигурку Христа из белого пластилина. Вот она. Рядом еще одна фигурка Спасителя - он на коленях молит Бога о «чаше». Здесь есть апостолы со

спичечками-тросточками в руках, на столе лежит коробка с разноцветными брикетиками из пластилина: черный, белый, красный, зеленый - для новых лепок.

У Ривеки красивые руки с длинными и прозрачными, как белый виноград, пальцами.

Она вылепила несколько маленьких фигурок - каждая с мизинец. Злая толпа. Нужно приделать руки. Но какими они должны быть? Вскинутыми кверху?! Может, руки сделать подлиннее. Нет, если подлиннее, получается, как крылья, и фигурки словно парят. Как птицы. Полету почему-то злоба не подходит. Странно так, но почему?

Ривека подумала об о. Александре, увиделись его добрые глаза.

«Храм Господень увидишь...» Но почему он это сказал с грустью?

Сердце тронула боль. Чем-то захотелось помочь ему, она повела взгляд в окно - в небо, и показалось - душа растеклась по нему и перестала быть. «Помочь» ... Она внутренне усмехнулась: Кто - «помочь»? Она? Такая маленькая, беспомощная, которая сама ежедневно молит о спасении? И кому - «помочь»? Этому великому человеку, умеющему одним лишь взглядом, одним словом успокоить любое сердце ... Но ведь и у великих тоже есть сердце. Да, скорее всего, больше болят сердца великих. Ведь они вмещают не только свои, но и печали, невзгоды, несчастья десятков, сотен окружающих их людей...

За дверью послышались бойкие шаги, и через минуту в комнату ворвалось что-то развеселое - пухлое в модных туфлях на шпильке.

Подруга - Марина.

- А, как всегда алкаш-одиночка! - затараторила она и вдруг осеклась. Глаза ее удивленно замерли, круглое

лицо вытянулось, словно чуть сдавили круг: Марина увидела на столе пластилиновые фигурки.

- Во, баба дает! В пупсиков играет! - она полоснула руками по пышным бокам. - Ей уже пора ребеночка родить, а она в – пупсиков....

- Это не пупсики, - спокойно перебила Ривека и, подперев ладошкой щеку, взглянула на стоявшую у стола подругу.

- А че это если не пупсики? Памятники что ли? - вскинула рукою.

- Хайль Гитлер! Чтоб он сдох!

- Ну, даешь ты подруга. - вздохнула Ривека.

- Пока еще никому не даю... Но если даже и ... давать, то это веселее, чем разных хрюшек лепить.

- Это не хрюшки! - нахмурилась Ривека.

- Ну ладно, не дуйся - «не хрюшки», так не хрюшки, - она добродушно отмахнулась и плюхнулась на стоявший перед столом диван. - Все, сдаюсь! - и дальше без пауз поехала:

- Слышь, Ривека, пойдем сфоткаемся. А то ты скоро в свой Израиль махнешь, и кто знает, когда увидимся ... А так хоть память останется. Пошли? Хоть на фотографии твою мордочку буду видеть! ... Идем?

- Ну пошли, - Ривека улыбнулась.

В открытую форточку залетела далекая быстрая мелодия - «Казачок».

Мелодия нарастала.

- Наумка... - выронила Ривека.

- Наверное. А кто ж еще ... Это его любимая, - с полуулыбкой произнесла Маринка.

Наумка - шестидесятилетний худой старичок. Блаженный. По местечку он ходил с неизменным портативным магнитофоном на боку. Магнитофон выдавал всегда одну и ту же песню - «Казачок».

Наумка был безобидный, любил здороваться со всяким встречным - знакомый или незнакомый - все равно. И при этом принимал благородный, полный достоинства вид: - Здравствуй-те-е...

И ходил в черной выпцветшей ермолке: ев-рей!

Жил он в доме для престарелых, но почти каждый день навещался в местечко. Иногда пропадал здесь до позднего вечера, уходя лишь на ночлег. Но уже утром снова на этих улицах - раскланивается встречным и уважительно растягивает: «Здравствуй-те-е!»

- Здравствуй, Наумка. - как равному отвечали ему, и, может, потому он и любил эти улицы, этих разных людей своего местечка. И был им верен.

А как забрызжет, как загремит на всю округу «Казачок», значит, где-то неподалеку бродит Наумка.

Был он спокойным и миролюбивым. Но иногда, словно вдруг что-то оживало в нем - оглядывался, замирал на мгновенье, пятился и потом, вскрикнув, начинал бежать, бежал долго, не разбирая улиц. На бедре мог всю гремять магнитофон, но Наумка словно ничего не слышал и только белыми помертвевшими губами что-то безумно бормотал.

«О своих вспомнил» - знали местечковцы.

В этот день он стоял в кругу мужчин, что-то мягко отвечал на их вопросы. Магнитофон Наумки молчал. Но вдруг, увидев Ревеку и Марину, он поправил на седой макушке ермолку и, когда подруги приблизились, приподняв магнитофон, любезно включил его: слушайте, мол, милые ...

Брызнул «Казачок».

Мужчины в кругу дружно рассмеялись. Приснули и девочки. С улыбкой оглядывались прохожие.

Доволен был и сам Наумка. Невысокий, высохший, как грибок, улыбался тихой, блаженной улыбкой...

Фотоателье, куда направлялись подруги, находилось в центре Горска.

- Машину что ли остановим? - предложила Марина, сойдя с тротуара, и вдруг радостно бросила рукой:

- Ромка! - она смотрела на высокого парня возле красной «Лады». - Пошли, подружка, тут родственничек попался.

Ривека замешкалась, но, Марина влекла к машине «родственника».

Тот, разумеется, согласился:

-Таких девчонок хоть на край света!

Марина пыталась усадить подругу на переднем кресле, но та наотрез отказалась.

- Сзади, так сзади. Прошу, моя госпожа! - Маринка услужливо открыла заднюю дверцу.

«Госпожа» без особой радости села в машину.

В дороге познакомились.

Роман заплатил за фото, две подруги сели в ярко освещенном павильоне.

Фотограф, юркий молодой мужчина, долго вертелся подле девушек - то воротник платья подправит, то за височки наклонит голову на бок.

Роман наблюдал из-за раздвинутых штор.

- Вот теперь уезжай куда хочешь, не только в свой Израиль! - уже в машине стрекотала Марина. - Твою мордашку хоть на фотографии буду видеть. Красивая у меня подруга, а Ромка?

Тот остановил машину, демонстративно повернулся:

- Самая красивая в мире. С самыми красивыми глазами, с самой красивой косой...

- Дальше можно не продолжать! - хмыкнула Маринка.

- А мы вообще куда едем, «дальше»? - передернула Ривека.

- А куда мы скажем, туда и поедем. Может, «на природу» махнем? - предложила Марина.

- Сама знаешь ... - с послушанием ответил Роман.

Марина знала, знал и он. Знали, когда машина его остановилась у дома Ривеки и Марина пошла приглашать подругу фотографироваться. Договорились, что Роман отъедет и будет ждать в конце улицы.

И все, казалось, шло по плану: фото, катание по городу, намеки на сватовство, но на Маринкино «махнем на природу» Ривека спокойным тоном ответила:

- Нет, подруга. Мы «махнем» домой. - сказано было без командирских ноток, но, видно, в интонации слышалась какая-то решительность, которая зарубила все дальнейшие планы «заговорщиков».

Машина послушно повернула к местечку.

На следующий день в доме Дана появились сваты - родители Романа.

- Нет, отказал старик. - Мы уезжаем.

- Я родителей не оставлю, - ответила Ривека. - Мы едем в Израиль.

- Все равно будет по-нашему! - предупредили сваты. - Каждый день приходить будем...

- Тревога!

- Тревога! - кричит на всю казарму дневальный.

- Тревога! - завыл над дивизионом тягучий голос сирены.

Распахиваются двери классов, мелькают лица, стучат сапоги, с чьей-то головы сорвалась пилотка - суета и спешка.

- Взять противогазы!

- Пусковая, к машинам! - разносятся команды офицеров.

Эртэбэшники уже несутся по граверной утрамбованной дороге к своей кабине, придерживают на ходу пилотки и прыгающие на бедрах сумки с противогазами.

Тревога ...

В кабинете наведения ракет пока еще тесно: офицеры и солдаты пробираются по узкому проходу - каждый на свое место.

Захлопывается дверь. Комбат включает микрофон, подает команды.

Офицер наведения впился глазами в светящийся экран слежения.

- Есть цель! - громко бросает он и называет параметры. Фред сидит у телефона, возле планшетиста, записывает данные целей.

Диктовка идет быстро, точно на другом конце провода сидит не человек, а стреляющий цифрами автомат. Но успевать необходимо: на то ты и направлонец.

- 1250, дальность двести... - докладывает офицер наведения. - Взять на РС.

- Есть РС! - Паша осторожно водит баранку ручного сопровождения, вглядываясь в экран, как шофер во время сильного тумана ...

- Пуск! - спокойно командует комбат.

- Есть пуск! Первая пуск! Вторая ...

Секунды ожидания. Тишина. Лишь равномерный гул работающей аппаратуры.

- Цель уничтожена! - бросает офицер наведения ...

... И потом снова: - Есть цель ...

Фред точно прирос ухом к телефонной трубке ...

... Полчаса работы ...

Комбат, передав командование, перебирается по кабине в сторону планшетиста. Став над Фредом, как бы невзначай подбросил:

- Говорят, у Иври Библию украли ...

Фред от неожиданности забыл о работе, вскинул голову, оторвался от тетради с записями. Цель номер 1365 ... 400 ... 70 ... » - строчили с другого конца провода, но рука уже опоздала. Все: теперь не наверстать!

Капитан уловил этот «зевок» и, холодно бросив: - Не умеем работать. - вернулся на свое место.

... Дали отбой тревоги, тут же на месте провели короткий разбор.

- Все потрудились хорошо, за исключением направленца. Если мы так работали все два года, - дубасил он Фреда, - не знаю, чем мы занимались, разве что Библии мазали. Через полчаса ко мне! - бросил он под конец.

Фред по-прежнему сидел у телефона и нарочито медлил с ответом. В тускло освещенной кабине зависла тишина.

- Ефрейтор, разберитесь!.. - мол, все карты вам в руки, приказал комбат стоявшему у своей аппаратуры Грызанову.

- Есть! - вытянулся тот.

Первыми из кабины вышли офицеры. Солдаты остались прибирать, складывать провода, кабели - наводить марафет.

В казарму возвращались беспорядочным строем: впереди молодые солдаты, позади старички - Унежев, Паша, Стренадко, Фред и с боку - командир отделения - Грызанов.

Молчали.

— Да ты не волнуйся, я ж тебе ничего ... - поотстав, Грызанов поравнялся с Фредом. -я, конечно, доложу, что пару нарядов тебе ... Но это для отвода глаз.

- Хорошо, Грызан. - Фред и вправду в эту секунду верил в его искренность.

Но впереди еще предстояла «разборка» у комбата...

В кабинете комбата за Т-образным столом сидели все офицеры батареи . Собрание возглавлял сам Сыч. Фред стоял в торце стола, смотрел куда-то поверх головы капитана - в окно. Тот достал из стола черную книжицу, поводил ею по воздуху:

- Наш направлонец, который сегодня прозевал всю работу, видно, чувствует себя не на воинской службе. У него, видно, другое направление - священные книжки мараить! - он демонстративно опустил книжку на стол и накрыл ладонями.

- Я книжки не мараю! - расставил Фред.

- Может быть, и поверили бы, если бы не видели своими глазами, - комбат подался плечами вперед. - Этот господин такие выраженьица здесь ... «рисует», читать - язык не поворачивается, - он развернул вклеенный в середину книги исписанный листок и, словно пересилив себя, после паузы. прочитал:

«Велик только Иуда и никто из тех!...»

- Ну и дает! - один из офицеров выразительно мотнул головой.

- Вообще-то я здесь ничего такого не вижу, - непосредственный начальник Фреда - капитан Дронов сложил на столе сухощавые руки. - Кто-то не признает Христа, кто-то Магомеда, а кто-то Буду. Лично я - ни того, ни другого, ни третьего, - и, помолчав, добавил: - А если есть и четвертый, то и его тоже.

Капитан взглянул на него быстрым взглядом, но, видно, справившись с собой, процедил:

- Ставить выше всех Иуду, то есть предателя! ... На это способны лишь только евреи...

- Я не еврей, товарищ капитан, - не собирался сдаваться Дронов, - но стараюсь понять каждого: и еврея, и не еврея. А еврея в этом случае понять можно трижды. - Дронов на секунду смолк и уже с какой-то веселостью в голосе подбросил:

- А вообще, неожиданная, точка зрения ... Как вы ... товарищ капитан?

- Безродный космополит ... говаривали когда-то... - словно для себя проронил комбат.

Остальные четыре офицера сидели понуро, боясь поднять головы, молчаливо слушали эту перепалку. Лейтенант Тютюнкин медленно вращал по столу фуражку.

Фред глядел в носки сапог, стараясь не выдавать позванивающие в душе чувства: никто, конечно же, не ожидал, что вместо крупной головомойки, он получит защитника.

- Ну что ж, так оно и начинается, - о чем-то своем проговорил комбат и, глядя на бляху Фреда, с пренебрежением бросил:

- Свободен.

Через пару минут в спину комбата, из окна, ударила мелодия скрипки. Офицеры, переглянувшись, невольно потянулись глазами к окну.

Комбат медленно развернулся.

Из окна была видна фигура Фреда.

Капитан поднялся, со сцепленными за спиной руками подошел к окну.

Вид открывался своеобразный: в метрах тридцати за казармой находились два водоема, меж ними, как специально, по центру, стоял Фред. Он стоял спиной, скло-

нив к скрипке голову, словно вырезал из струн терзающую душу еврейскую мелодию. По щекам комбата пошли желваки, скрипнули зубы: «концерт» игрался именно для него. Это был ответ на его, комбата, вызов. Тут же вспомнился Египет, израильские самолеты, неожиданно, точно миражи, возникавшие над гладью Суэцкого канала ... Суэцкий канал ...

Думая о нем, комбат вдруг подметил, увидел, что между двумя водоемами есть расстояние: метров двадцать каменистой почвы. Но самое главное - один водоем находился выше, как-бы на пригорке, а другой - ниже... Суэцкий канал ... Скрипка смолкла. Фред сунул ее под мышку, стянул с головы пилотку, вывернув ее, снова натянул на голову.

«Ермолка! - понял комбат, сдерживая гнев. - Догадался же гнида!» - и обернулся на офицеров:

- Видели? - капитан кивнул за спину. - Видели, какую нам сунули фигу? Из пилотки ермолку сотворил, - он метнул в Дронова холодный взгляд, нахлобучил на свою огромную голову старую фуражку, затопал из кабинета.

Лишь только захлопнулась за ним дверь, офицеры с азартными лицами бросились к окну, теснясь, выстроились подле него, словно там, за окном, должно было начаться какое-то интригующее действие.

Комбат, огибая угол длинной, как ферма, казармы, топал по каменистой дорожке к двум водоемам. Впереди звучала скрипка.

Осеннее небо, выцветшее синей шалью, раскинулось над дивизионном, мягко стекая за дальнюю кромку леса. Два водоема, как две чаши весов - одна выше, другая, точно под грузом, ниже находились по обе стороны от Фреда.

Фред играл. Скрипка то грустила, то смеялась, и казалось, издевалась над кем-то. На голове Фреда, неожиданно для воинской формы, со спрятавшейся во внутрь звездой, сидела вывернутая пилотка.

В гимнастерке и сапогах, перетянутый солдатским ремнем, в причудливой «ермолке» он, казалось, слился со своей скрипкой, был един и с этой каменистой землей, точно выпел из нее, а играя, соединялся мелодией с бездонными небесами.

Фред увлекся, перешел на импровизацию, не слышал приблизившихся шагов комбата. Мелодия, словно колдунья, переставляла времена...

... Египетское рабство.

- Фараон приказал ужесточить работу! - напуган один из рабов-израильтян.

- Ничего! - отмахивается Иври.

- Ничего! - вторят другие израильтяне.

- Обжигать кирпичи да под палящим солнцем - сгниешь и без ужесточения! Фараон хочет уничтожить евреев! - предупреждает первый.

- Выживем! Израильский народ никогда и никому не уничтожить. Никакому фараону! Лишь бы кусок мяса был да чашка риса! - хвалятся соплеменники Иври по своим убогим жилищам.

И кажется, уже никто не помнит, что когда-то, в дни Иосифа, другой была их жизнь - светлой и свободной. Но забыт фараонами Иосиф, а вместе с памятью о нем вычеркнуты все добрые дела его и его племени.

Унижение и рабский труд - вот что получено в награду за верность фараонам.

Видно, бесполезно сдабривать потом чужую землю. Если что и принимает чужая земля, то кровь и слезы.

- Ничего! Лишь бы в котле было что пожрать да женщина на ночь! - благодует Иври со своими собратьями.

И вот над землей Египта огненным скорпионом зависло раскаленное жадное солнце. Лучи, как жала, впииваются в тело Иври, испытывают последние силы.

Хотя бы мгновенье отдыха. Но стоит на минуту замешкаться, тут же настигает крик надсмотрщика и над головой заносится плеть.

День нескончаем. Последние, готовые после обжига кирпичи, кажется, вот-вот сорвутся из рук. Глаза разъедает и слепит от едкого пота.

Но нужно донести! Дотащить! Доползти!

Иври пытается поддержать себя тем, что скоро это все закончится, он придет к своему очагу, его встретит красивая жена, и он снова увидит своего первенца, совсем еще кроху-сынишку Якова.

Но, видно, Бог отвернулся от него: шаги Иври резки, неуверенны, тело непослушно.

Только бы не упасть! Нужно удержаться! Совсем немного! Шагов десять! Всего десять!

Солнце выбирает последнюю каплю воли, ноги подкосились. Чтоб не опрокинуться на спину, он старается удержаться на коленях, но кирпичи с грохотом срываются на землю.

Мгновенно плетка надсмотрщика выжигает на голый спине кровавый рубец. Иври чувствует эту жгущую линию от плеча до бедра.

- Встать, иудейская скотина! Встать!

Иври, с трудом передвигаясь на коленях, пытается собрать кирпичи, но пальцы, как мертвые корни, бессильны.

Плеть надсмотрщика снова с посвистом режет тело:

- Встать! Я тебе покажу, как притворяться, рабская скотина! - рот искривлен в иступленной злобе.

От следующего удара кожа рвется на плече.

- Встать! - неистовствует надсмотрщик. Иври поднимает голову, но глаза затуманены, видно лишь солнце.

Вдруг оно отчетливо выделилось из небесной синевы. Его белый диск, точно идол, качнулся из стороны в сторону и накренился. Через мгновенье очертания его стали плавиться, снова слились с небом, которое стало похожим на огненную жидкую лаву.

Идол умирал.

В секунду весь мир разом провалился в мрак. Иври слился с горячей песчаной землей.

Умерли все звуки и боли.

Очнулся он от истошного животного крика: в животе надсмотрщика торчала рукоять меча, окровавленное острие вылезло из спины. Согнувшись, он обхватил обеими руками меч, словно силился вытащить его из своего чрева. С открытым ртом, хрипя, рухнул рядом. Вытащенные глаза остекленели.

Широкоплечий бородач в белых одеждах, проткнувший надсмотрщика, склонил над ним львиную красивую голову, резко выдернул свой меч и вытер о его платье.

Иври в своем заступнике узнал приближенного фараона - царедворца Моисея.

- Жив? - участливо склонился тот.

- Если бы не ты... - боль исполосованной спины перекосила лицо.

- Сами во всем виноваты! - глухо укорил Моисей. - Бога своего забыли! Идолам предались! - но чувствовалось, что винил он и себя. - Видно, идет час расплаты за то, что предали мы своего Бога! Променили на кусок мяса и чашку риса дарованную Господом свободу. Прев-

ратились в животных, озабоченных лишь едой и постелью, - в раздумье говорил бородач, но, спохватившись, подал Иври руку, помог подняться.

Дорога к дому была целительным лекарством, а мысль о сыне придавала Иври сил.

Но дома поджидала беда.

Она стекала с распущенных волос жены, с кровавых следов на ее лице, изодранной одежды, опустошенных глаз. Она бросилась к нему в ноги, разметавшийся волос, словно черный саван, накрыл ее бьющееся в плаче тело.

... Почти над всеми домами израильтян не умолкал в те дни плач. По приказу фараона его воины врывались в еврейские дома, отбирали младенцев и топили в ненасытном Ниле. Не должен умножаться народ Израиля! Такова была воля фараона, увидевшего, что и в рабстве не вымирает это непонятное упрямое племя.

Палачи исполняли приказ фараона, сотни распухших крохотных тельцев прибывал к берегам мутный Нил. И не глохла египетская земля от плача еврейских матерей, не слепла от их невысыхающих слез.

Если что и принимает чужая земля, то кровь и слезы

... Слева от Фреда раздались демонстративно отрывистые хлопки. Он обернулся.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! - нарочито аплодировал капитан и обычным холодным голосом растянул:

- Концерт для офицера-интернационалиста. Специально ... Кто бы мог знать, что опальный капитан доживет до таких почестей ... И от кого они? От того, кого я сам - на Суэце долбал. Благодарю Бога, Иври, что старослужащим ты мне попался ... Не выжил бы иначе ... Хотя бы призывом моложе был - не выжил ... Сама же солдатня и придушила бы тебя ... Иври, - комбат посмотрел

на верхний водоем, потом на нижний и словно сам для себя вслух просчитал:

- От одного озера до другого будет метров двадцать, - и следом приказал. - А ну-ка, Иври, измерь.

Тот вопросительно посмотрел.

- Шагами ... шагами, скрипач, - поерничал Сыч.

Фред, со скрипкой и смычком в руках, стал на краю верхнего котлована и пошел по спуску.

- Сорок, - нехотя отсчитал он.

- Нормально, - кивнул комбат и в раздумье, с каким-то намеком проговорил: - А как по-твоему, можно перевести воду из нижнего озера в верхнее? Не ведрами, конечно ... Каналец тут прорыть ... Такой небольшой «Суэцкий» каналец. - И подыграл: - Нет, не получится. Если каналец, то наоборот - вода из верхнего котлована побежит в нижний. Закон природы. А все-таки заманчивая штука - из нижнего по «Суэцкому» каналцу в верхний.

Фред почувствовал, что пора готовить для себя «траурную» Мендельсона, и непроизвольно, щипком, сорвал со струны долгий звук: до-о-он ...

- Ну что, Иври, - явил капитан, - а ты смог бы, чтоб вода не из верхнего - вниз, а из нижнего - вверх потекла?..

- Иври все сумеет! - полушутя ответил Фред.

- Да, разумеется ... Вы же - евреи. Богом избранные! Вы все можете, - сдерживая раздражение, сорвал взгляд с головы Фреда, на которой по-прежнему, как ермолка, сидела вывернутая наизнанку, округлившаяся пилотка.

- Ну, ладно, Иври, я мог бы и сегодня предоставить тебе эту возможность - «Суэцкий» каналец начать ... Хотя бы за нарушение формы одежды, - он кивнул на «ермолку». - Но бог с тобой. Мне твой концерт понра-

вился. Откровенный концерт. Так что в знак благодарности нарядов я тебе раскручивать не стану. А то бы раскрутил на всю катушку, как говорят ... Но ничего, служить нам с тобой еще есть время ... так что смотри, Иври ... Вот такая ... погода, - он вскинул голову к вечернему небу. - Небо - то какое - красота ... И там тоже было такое небо На Суэце ... Вот и у тебя, Иври, наверное, будет Суэцкий канал... У меня был, и тебе, наверное, захочется тоже ... такой небольшой Суэцкий каналец ... У меня был - там, у тебя будет здесь ... Впрочем, все в руках господа нашего Иисуса Христа ... так, вроде бы, говорят, - он мельком взглянул на «ермолку» и спокойным прогулочным шагом направился к казарме.

Торчавшие в окнах солдатские физиономии смыло, словно водой ...

Это была та послеполуденная минута, когда прихожан в храме обычно нет и можно посидеть над Евангелием. О. Александр вышел из церкви, вдохнул свежего осеннего воздуха - кажется, испил чашу печали и наслаждения.

Самая бередящая душу пора: мир, по груженный в золотую осень. Время сближения с Истиной.

Истина - Предтеча Потери.

Природа в прощальные дни вдруг становится нестерпимо красивой, так бывает иногда и с человеком: перед смертью, к нему неожиданно и пугающе на короткий миг возвращается красота.

О. Александр сел на скамейку у крыльца, раскрыл Евангелие. В последние дни обращение к этой книге стало совсем иным, чем в долгие до этого годы: раньше погружение в Новый Завет было таким же естественным,

как возможность дышать, а теперь ... Но, может, это какое-то предстояние мира перед Новым временем, перед новым Осознанием и Видением

Время и приближает, и отдаляет. Оно отбрасывает в тень, оно ищет и отворачивает взгляд. Время приближает и заставляет всмотреться. То, что казалось вечным, вдруг раскрывается, как плоть под ножом, и обнажает тлен. Все подвержено болезни: и плоть, и дух. Но страшнее всего тлен духа. Если болезнь плоти может унести одну жизнь, то болезнь духа уничтожит миллионы ... Время рассекает ...

О. Александр полистал Евангелие: «ту» страницу, как и многие другие, он знал наизусть: «... Иисус отвечал: тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искароту ... И после сего куса вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее...»

О. Александр провел пальцами по закрытым векам, словно что-то хотел стереть, но сознание, казалось, отделилось от его существа, стало автономным. «...И, обмакнув кусок, подал...» Смысл Тайной Вечери, где должен был присутствовать наивысший взлет духа Христа, был искажен ...

Две тысячи лет ... Но теперь от этого никуда не деться, этот провал видят уже и в миру, и в церкви. Время высветило.

Мозг протоиерея, словно желая заблокировать гнетущую мысль, увел в молитву.

Священник припал затылком к стене храма, книга в больших руках легла на колени.

Изредка, когда открывались глаза его, взгляд, казалось, не видел ничего вокруг, был погружен в другую, безмерно далекую действительность ...

Протоиерей не видел, как из храма вытекла черная фигура диакона Василия, замерла на крыльце. Лишь долгую минуту спустя о. Александр, будто позванный пристальным взглядом диакона, повел на него свою львиную голову.

Священник успел заметить, как ненавидящий взгляд тощекорого диакона в секунду сменился на подобострастно-боязненный, будто змея переродилась в юлящую лису.

Отец Александр равнодушно отвел глаза.

Все планы Фреда изменил один-единственный экземпляр западного журнала.

Впрочем, никаких планов и не было. Просто полковая художественная самодеятельность приехала в Горск с концертом для подшефной школы.

«Артистов» набралось человек десять. Ехали обычным рейсовым автобусом, ходившим от деревушки, стоявшей возле полка, до горавто вокзала.

Журнал лежал на ящике рядом с кипой различных, теперь свободно издаваемых, независимых газет. Торговала всей этой продукцией высокая дама с красным вокруг шеи платком.

Толпа полукругом стояла возле ее симпровизированного стола: покупатели нетерпеливо, все разом тыча деньги, что-то расспрашивали и просто глазели.

Фред пристроился сбоку. Название журнала показалось знакомым ...

Западные радиостанции, вспомнил Фред.

Несколько статей номера были анонсированы на обложке. Из семи-восьми названий взгляд выловил третье снизу: «Христианство после Освенцима».

Автором оказался сам христианин. Взволновало. Фред забыл о толпе, жадно вчитался:

«... Я вижу здесь три этапа продвижения в глубину проблематики:

1. Признание морально-политической ответственности Церкви за национал-социализм...

2. Анализ христианского антииудаизма как одного из источников расистского антисемитизма: Христианская теология начинает осваивать тему «Антииудаизм в Новом завете». На этом этапе христианская экзегеза обнаруживает юдофобский потенциал Нового Завета - потенциал, который сполна реализовался в истории церкви ... »

В душе что-то восторжествовало: сами христиане начинают признаваться в том, что еще вчера казалось неприкосновенным и не подлежало их осуждению.

- Фред, ты че там застрял? - окликнули его.

- Сейчас, держи! - он вручил подошедшему товарищу скрипку, достал деньги. Всего было семь рублей. Если взять журнал (он стоил шесть), значит на сегодняшнее увольнение и на остальные дни оставался один «рыжик» - рублишка.

- Берете? - спросила продавец.

Стоявший рядом мужчина с любопытством поглазел на Фреда.

- Беру ... - Фред в душе ругнул себя за нерешительность (но ведь и оставаться с единственным рублем - тоже не курорт), рассчитался и вдруг почувствовал на душе легкость. Потом пришло и какое-то приятное удивление: странно, судьба, как нарочно подбросила этот журнал.

По дороге к школе просматривал его.

Перед самым концертом решил: сегодня во что бы то ни стало он добудет себе новую Библию. Та, что попала к Сычу - считай - с концами ...

Но чтоб заполучить сегодня книгу, нужно было отыграть концерт - это раз, и два (самое щекотливое) деньги: Второй пункт - «кусался». С рублем в кармане бросаться на дорогие книжки - зачешешься. Где найти деньги?

У ребят - вряд ли ... А если и есть, то на «печенье-мороженое».

Да на кино. Этот концерт они ждали как подарок судьбы: вырваться на волю хоть на часок-другой - праздник праздников. А какой праздник без денег? Попросить у старшего группы?.. С лейтенантом Коростылевым он в хороших отношениях: как-никак самодеятельность вместе два года тянули. И на концерты выезжали не раз, и не два.

Коростылев наскреб Фреду около тридцати рублей, отдал увольнительную и после того, как Фред отработал свой номер, отпустил в город.

- Смотри, на автобус не опоздай. В полшестого. - предупредил он и, дружески - флажком вскинул широкую ладонь. - Пока!

... В кармане увольнительная, «подарок» судьбы - журнал в скрипичном футляре да вдобавок прекрасный осенний день. От всего этого шагалось легко и браво. Выходная военная форма, начищенные до блеска ботинки, ощущение себя при полном параде. придавали настроению особую свободу. Фуражку с черным козырьком Фред чуть надвинул на глаза... Нор-маль-но!.. Несколько часов свободы. Ни Сыча, ни дежурств, ни

строевых занятий, ни смрадной казармы. Вместо них - уютный город, прямые легкие улицы, много зелени. Правда, теперь высокие тополя сбрасывают к ногам медь опадающих листьев, кроны каштанов, как золотые шары. Много красивых девушек.

В руке Фреда покачивается черный футляр, под козырьком - вбирающие свободу и словно захмелевшие от нее темно-карие глаза.

Вот впереди парочка симпатичных девчонок. С тонкими спинами и красивыми, как яблочки, накрашенными щеками, та, что справа, красивее: и ножки в черных колготках точеные, и волосы легкие и волнистые. Обе посмотрели на него, и долгую секунду шли глаза в глаза. А потом, за спиной Фреда, видно поймав его на том, что он обернулся, весело расхохотались. Он джентельменски - за козырек - поднял фуражку: салют, мол, пташечки и снова надвинул ее на глаза ... Эх, скорее бы на гражданку ... Домой.

В букинистический Фред не попал - перерыв, тогда решил двинуть в церковь. Нашел.

... Ее золоченный купол открывался не сразу - спрятанный за обшарпанной многоэтажкой показывался, лишь когда, обогнув ее, ты уже подходил к деревянному зеленому забору храма.

В эти послеполуденные часы двор храма пустовал, только извечные, сейчас сонные, нищенки, сгорбившись, подремывали на ящиках у ворот. Увидев вошедшего в калитку Фреда, открыли совы сонные глаза, то ли так до конца и не проснувшись, то ли еще отчего, так и остались - со сцепленными на животах заскорузлыми руками.

Взвизгнула дверь - из церкви вытек длинноволосый монах весь в длинной черной одежде, с реденькой рыжей бородкой. Диакон Василий. Неприятно-читающим взгля-

дом прошелся по Фреду. Глаза, видно, вычитали что-то для себя, и в них заселилось выражение нерязности.

- Скажите, Библию здесь можно купить? - вырвалось у Фреда.

- Библию? - диакон провел по жиденькой бороде, как по струйкам вялого душа. - Библию можно, коли нужно, - и словно метнул:

- Еврей?

- Еврей.

- Уверовал или как?

- Интересуюсь.

- Отец Александр посоветовал?

- Не понял ...

- Там - в храме, - диакон небрежно отмахнулся и небольшими шажками, словно путаясь в длинной рясе, поплыл от дверей церкви.

- Фуражку сними! - шикнули на Фреда, едва он оказался внутри церкви.

Фред нехотя, подумав, что в еврейском храме нельзя быть с непокрытой головой, стянул с головы фуражку.

К овальному потолку от негромких молитв восходил монотонный говор.

Но это приборматывание, как ни странно, утопало в какой-то вязкой плесенной тишине.

Слева, недалеко от входа, стоял лоток. Это было самое освещенное место в храме. Лоток существовал сам по себе, как светящийся куб в огромном сумрачном пространстве. Витрины и стеллажи его были уставлены картинками, значками, календарями, портретами святых и всякой другой христианской атрибутикой. Возле каждой вещи стояли ценники: 50 руб., 30 руб., 250 руб. Под стеклом освещенной витрины лежали книги - с желтой,

зеленой, коричневой, черной обложками из кожзамени-
теля.

Лотошник, лысый, с оттопыренными и просвечива-
ющимся ушами, бросил на Фреда ленивый взгляд.

- Новый завет - 50 руб! - невольно вырвалось у
Фреда. - Библия - 200 руб! Закон божий - 80 руб! - и кач-
нул головой: да-а, ни Библии, ничего другого ему
сегодня не видать, хотя бы Новый Завет приобрести.

- Только за пятьдесят? - ткнул он пальцем в стекло.
- Дешевле нету?

- Нету.

- Дороговато.

- А что сейчас не дороговато?

- Но ведь это Библия...

- А что? Библия- веник?"

- Веник - не веник, но 50 рублей.

- Слышь, служивый, - уши продавца замерли, как
медные крышки от банок. - Это тебе не барахолка, а
храм. Понял?

- Понял, - Фред задумался и вдруг взглянул на про-
давца:

- Дайте, пожалуйста, посмотреть Новый Завет.

Лотошник с явной неохотой достал книгу. Фред
полистал ее, наклонился над прилавком.

- Послушайте, - начал читать он из Евангелия:
«Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в
Иерусалим. И нашел, что в Храме продавали волов, овец
и голубей и сидели меновщики денег... И, сделав бич из
верев, выгнал из храма всех, также овец и волов, и
деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул...
» - Фред пристально взглянул на лотошника.

Тот смотрел на него настороженно, и в глазах уже
начинали посвечивать злые лучики. Фред хотел было
что-то продолжить, но лопухий лотошник, поняв, к

чему клонит этот солдат со своей скрипкой, зло вырвал книгу из его рук и прошипел: - Слышь, салага! Пока твоя бандура не заиграла по твоей бестолковке - уносишься отсюда! Понял?

- Так ведь я ничего и не говорил, - пожал плечами Фред. - Не судьба.

Выходя из церкви, он глубоко вздохнул.

... Журнал в футляре, куча денег (целых 28 рублей) в кармане, увольнительная, прекрасный день, красивые девушки... Но где свобода? Нету. словно вытянули ее из души и швырнули под ноги, как эти опавшие, бездомные листья... Куда теперь? Эх, добыть бы где-нибудь денег, купить книжку, да по качать ею перед носом того лопухого лотошника. Но где добудешь эти деньги?

Фред представил, как он играет на улице: у него раскрытый в ногах футляр, и туда сыпятся деньги благодарных прохожих. И все хорошо! Но вот, откуда ни возмись, появляется военный патруль и его вместе с деньгами, журналом, увольнительной и скрипкой уведут в комендатуру ... Не пойдет ...

Фред шел, - куда ноги несут. Возвращаться в группу, но ребята, наверное, концерт уже отыграли и, может быть, сидят сейчас в каком-нибудь кинотеатре или видео салоне ... Куда пойти...

Вдруг он вспомнил, что в Горске есть еврейское местечко, рассказывал отец, когда приезжал к нему. Можно было пойти туда, посмотреть, что за «еврейцы», что за местечко, какая у них синагога. Хотя, впрочем, еврейцы, они везде еврейцы - со своим извечным местечком, разговорами, делами и синагогой.

Найти его, наверное, было проще простого. Может, это самое простое, что есть на белом свете, найти в городе еврейское местечко. Фред подошел к парню лет девятнадцати.

- Местечко? - переспросил тот и почему-то улыбнулся. - Это, значит... садись на любой из этих автобусов и до фабрики...

На одной улице местечка Фреда ожидала встреча, которая, как вспоминал он потом с улыбкой, стала самой важной в его жизни.

Наумка.

«Если б я тогда не встретил Наумку!»... - уже много позже говаривал Фред и шутливо, хотя и не без доли страха, хватался за голову...

Он проходил мимо группы парней, которые, обступив сидевших на лавочке шахматистов, наблюдали, ждали очередь, просто стояли от нечего делать.

Сначала в сторону Фреда повернулась лишь одна голова.

Вторая, заметив, что соседские глаза что-то высматривают, повернулась тоже, а следом и еще три-четыре головы.

Проходя мимо, Фред поздоровался, головы ответно закивали, неожиданно из группы выделился невысокий мужичонка в кипе и с магнитофоном наперевес. Он стал перед Фредом, протянул узкую ладонь:

- Шалом!

- Шалом! - Фред пожал сухие вялые пальцы.

Мужичок в кипе долго смотрел Фреду в глаза, словно что-то выспрашивал. Фред узнал взгляд больного.

В шахматы уже не играли, не болели, не ждали очереди: все развернулись к Фреду и стоявшему перед ним Наумке.

Тот перевел взгляд на скрипку, бережливо, тонкими пальцами провел по черным, шершавым бокам футляра, словно ласково погладил собаку.

- Умеешь? - дружески спросил Фред.

Наумка покачал головой; на секунду задумался, но вдруг, встрепenuвшись, приподнял висевший на боку магнитофон и, глядя на Фреда, нажал на кнопку.

Из маленькой черной коробки вырвалась взрывная мелодия, «Казачок»!

Вокруг рассмеялись.

Но «Казачок» гремел недолго. Наумка, глядя на скрипку, выключил магнитофон, снова ласково погладил футляр, посмотрел на Фреда.

- Скрипку хочешь? - Фред раскрыл ему футляр.

Наумка осторожно, как хрупкую, вещь, вынул скрипку, неловко приладил к груди, приподнял смычок, и снова круглые, как два синих горошка глаза, посмотрели на Фреда: искали одобрения.

- Играй! - подбодрил его Фред.

По струнам, точно коричневая гусеница, пополз неуверенный, боязливый смычок, вытянул длинный, срывающийся звук.

- Давид Ойстрах! - наградили Наумку высоким званием.

- Молодец, Наумка!

- А че ты думал?! - Мы не только на магнитофонах играем! - посыпались на маленького человечка комплименты.

Но вот он протянул скрипку Фреду, и два синих горошка словно виновато попросили: а ты...

- Сыграть? - с улыбкой спросил Фред, взглянул на стоявших рядом парней.

Наумка молчаливо кивнул, и в этот момент на всю улицу свалилась тишина. Ждали.

- Сыграть, так сыграть! -

Тут же кто-то подхватил из рук Фреда футляр, закрыл его.

Фред поудобней устроил скрипку на плече, на секунду задумался, вскинул смычок, и со струн сорвалась живая, разбойная мелодия: «Казачок!»

Все благодушно заулыбались.

Наумка, прослушав первые звуки и вдруг узнав свою «родимую», как-то радостно ожил, забежал по лицам торжествующими глазами и ... неожиданно для всех надавил на черную клавишу магнитофона: «Казачок!»

Получился разбой, но, Фред тут же подстроился под «инструмент» Наумки, и над местечком понеслась призывная мелодия.

Смеялись.

К тротуару подкатила машина, из ее окон, как качаны с глазами, лезли улыбающиеся головы.

«Казачок!» гремел на всю улицу.

- Концерт для скрипки с магнитофоном! - перекрикивая музыку, громко бросил Фред, и все снова рассмеялись.

Незнакомые лица становились близкими, словно Фред всю жизнь жил в этом местечке, рос с этими еврейскими парнями.

- Ну, наверное, хватит ... - он с улыбкой посмотрел на «концертмейстера» в черной полинялой кипе, у которого счастливо светились детские глаза.

Наумка тоже остановил свою «музыку».

После двух-трех вопросов - кто он - Фред и откуда, (о-о! Тоже еврей!) его пригласили, уговорили зайти в дом по соседству. Собрали шахматы, прихватили лавочку, сели во дворе.

Хозяина звали Еськой, ему было лет двадцать пять, жил он в этом небольшом доме самостоятельно, с женой и двумя маленькими детьми. У Еськи был крупный, важный нос и доброе, благодушное настроение.

Впрочем, и остальные тоже чувствовали себя ничего...

На краюшке стола примостился Наумка. «Концертмейстер» с наслаждением уминал хрустящий огурец и со знанием дела следил за разговором.

- Я что заметил, знаете? - с улыбкой говорил Фред.
- В местечке названия улиц ... характерные ... Коммунарская, Рабоче-крестьянская ...

- Интернациональная! - продолжили в тон ему.

- А они раньше по-другому назывались, - словно оправдался Еська. - Горшечная, Кожевнная. Евреи, сам знаешь, всегда хорошими ремесленниками были. Кто мог лучше еврея сапоги сшить? А шапку?.. Сейчас все позабросили, - он махнул рукой. - Евреи много чего позабыли...

- Он у нас сионист! - прокомментировал кто-то.

- Анекдот рассказать? - предложили тут же.

Новые друзья казались старыми добрыми приятелями, и Фред уже не осуждал церковных торгашей за бешеные цены на книги, иначе (хвати у него денег) вряд ли бы он попал в эту компанию.

- Я ,сюда из церкви попал, - решил он поделиться своей историей.

- А ты че, в ихнего бога веришь? - Еська пристально взглянул.

- Да, нет, - невольно улыбнулся Фред. - Наоборот.

- А-а, - успокоился Еська. - Я - то подумал, что еще один еврей крестился.

- А что у вас и такие есть? - с интересом спросил Фред.

- Есть тут одна, - с ленцой ответил Еська. - В Христа верит ... Но красивая-а! Что есть, то есть. Знаешь, какие бывают красивые еврейки! А эта еще красивей! И не глупая, видать.

- Кто это? - заинтересовались за столом.

- Братья у нее есть ... Елизар ... Яков. На Зеленой улице живет. Ривека, - Еська бросил рукой в ту сторону, где должна была жить Ривека.

- Что? Действительно в христианство перешла? - переспросил Фред.

Еська пожал плечами:

- Во всяком случае в церковь ходит.

- Интересно бы взглянуть, что это за христианка, - произнес Фред.

- Наумыч, наливай! - подмигнули, и снова стол ожил, зазвенели бокалы, потекли тосты.

- Тили-бом! Тили-бом! - затянули справа от Фреда, и послышался вздох. - Эх, сейчас бы эту песенку послушать!

Сидевший рядом с Фредом толстячок дружески обнял его:

- Сыграй, братишка! Что-нибудь нашенское!

Первая песня была «Семь сорок». Сидели, от удовольствия пощелкивали пальцами, кто-то, вскинув руки, повел ими над головой. Еська негромко забарабанил по тарелке вилкой. Наумка хотел было вступить со своим «инструментом», но его коллективно попросили повременить.

Фред стоял над столом, с расстегнутой на несколько пуговиц форменной рубашкой (китель повесил на спинку стула), прижав к плечу скрипку.

Видимо, растроганный еврейскими мелодиями толстячок подле него достал двадцатипятирублевку и сунул ее в карман фредовских брюк.

Скрипка тут же смолкла.

Но вернуть деньги Фреду не удалось: за столом запротестовали, принялись стыдить, покачивая пальцами и головами:

- Не-ет! Это не мы, это ты нас обижаешь!

- Ты, парень, - солдат!

- Да еще еврей! Свой!

И после очередной песни вкладывали деньги в карман Фреда. Заканчивал он игру уже состоятельным человеком. Во всяком случае теперь можно было купить Библию и помахать ею перед носом того торгаша в церкви.

Провожали Фреда всей компанией. Шли хмельной, говорливой толпой: впереди Фред с Еськой, и чуть поотстав, небрежно пошаркивая, смеясь, - остальные.

- А отсюда далеко дом ... этой Ривеки? - в руке Фреда черной лодочкой легко покачивалась скрипка.

Еська шел слева. Быстро взглянув, рассмеялся.

- В душу запала?

- Запала! - признался Фред.

- То, что красивая или что в Христа обратилась?

Фред неопределенно пожал плечами:

- И то, и то, наверное...

- Неплохо бы познакомиться... - хитро прищурился Еська.

- Неплохо бы ... Но как?

- Как? -Еська в раздумье приостановился. - Ка-ак? – и беспомощно развел руками.

- Ладно, - отмахнулся Фред. - Мне сейчас все равно в церковь надо ... Книжку купить, - и он коротко рассказал о своей Библии, комбате, бешеных деньгах в церкви:

- Но теперь-то я разбогател, - он с доброй иронией похлопал по карману.

Рассмеялись, шли молча.

- Вообще, эта Зеленая улица далеко отсюда? - спросил Фред и сам же рассмеялся.

- Видать, что-то тебя заарканило, - следом смеялся Еська, - так и сманивает ... к Ревеке ... - и поразмышляв,

взял Фреда за руку. - Знаешь что ... Пошли ... Была - не была!! - он решительно, словно саблей, рассек воздух рукой. - Я сейчас, - оглянулся на друзей и решительно скомандовал Фреду: - Пошли.

- Куда?

- Пошли - пошли.

На одном из перекрестков остановились.

- Вон видишь - четвертый дом от угла ... Зеленые железные ворота, - показывал он глазами.

- Ну вижу. - посмеивался Фред.

- Иди! Клянусь иди! - самозабвенно настаивал Еська, - не бойся. А чего бояться? Яйца ведь не оторвут? Не оторвут. А это самое главное... Постучишь, скажешь, так, мол, и так ... Сам знаешь ... Зря что ли на скрипке пиликаешь... Если что, скажешь адрес перепутал. Понял, артиллерия? Иди! - он мягко подтолкнул Фреда в спину. - Давай!

- Да ну, ты че! - искренне отгородился Фред.

- А! - безнадежно махнул Еська: мол, толку от тебя никакого. - Я тебе, можно сказать, шанс даю, а, ты, как пацан! На твоём бы месте ... Клянусь! - Еська снова от досады махнул рукой. - А ещё голову морочил - да кто она? да где улица Зеленая? Ну вот, вот улица Зеленая, ну и что теперь?!

Фред искоса взглянул на «заговорщика», что-то долго решал и потом, словно и не было Еськи, не проронив ни слова, повернул к железным зеленым воротам.

По дороге осторожно осмотрелся, следит ли за ним кто или нет? Но улица жила своей жизнью: проезжали автомашины, встречались прохожие. Лишь одна женщина в светлой кофте на секунду задержала на нём взгляд, скользнув глазами по скрипке, прошла мимо.

В метрах пятнадцати от заветного дома Фред почувствовал, как стали подкашиваться коленки, сердце,

казалось, загудело на все местечко, а скрипка, как стопудовая гиря, тянула к земле. Но на попятную идти уже было нельзя.

Фред выдохнул, выпрямился, обругав свои обмякшие «ходули», дотопал до ворот.

- Для чего мне все это?! - снова зашевелилось в душе, но рука уже стучала по калитке.

- Еще раз стукну, и тогда уже можно будет вернуться, - подкралась облегчающая мыслишка.

- Заходите! Кто там? - послышался со двора молодой мужской басок.

- «Брат!» - екнуло сердце.

И, действительно, в открывшейся калитке стал лет двадцати семи крепыш в джинсовой куртке. Он с неподдельным интересом глянул на неожиданного солдатика и своим легким баском, спросил:

- Вам кого?

- Ривеку?

- Ривеку? - крепыш изучал Фреда. Посмотрел на скрипку.

В то же мгновение Фред оглянулся, Еська, как столбик с указателем, по-прежнему стоял на углу.

Крепыш, видно, что-то разглядев в Фреде, пригласил:

- Проходите ...

- Да нет, спасибо ... Я подожду ...

Крепыш, оставив калитку открытой, двинул в глубину двора, перед домом задрал голову к мансарде:

- Ривека! .. Ривека!

Наверху хлопнуло окошко.

- Там к тебе какой-то боец... со скрипкой! - он оглянулся, и Фред поймал его незлую усмешку.

- Какой боец со скрипкой? - донесся сверху удивленный девичий голосок.

- Тебе лучше знать! Хорошо, что еще не поп с крестом!

Фред, тупо тыча округлым концом футляра в зеленые ворота, проклинал все на свете: и шефский концерт, и Сыча, и бешеные цены с лопоухим торгашом, и «столбик» с указателем - Еську, который что-то жестикулировал на своем идиотском углу.

Послышались легкие шаги, легкие и длинные: кажется, их было тысячи, сотни тысяч. Она стояла в калитке, как в раме. У нее были удивленно, распахнутые и колдовские глаза. Они втекли, а скорее вобрали в себя его душу, точно он утонул в них.

- Вы ко мне? - она взялась за кончик сбегавшей к бедру косы.

Глаза в глаза.

- Фред, - он неловко сунул руку в калитку.

- Очень приятно, - ее пальцы были легкими и теплыми.

- Я служу здесь ... Под Горском ... Мы шефский концерт давали, - он кивнул на скрипку. - А потом мне нужно было купить Библию ... или Новый Завет ... А потом мне сказали, что вы - христианка. Честно говоря, меня это удивило... Я сам вообще-то интересуюсь...

- А вы ... еврей?

- Да.

- Так ведь это прекрасно, особенно когда еврей ... Да, вы проходите.

- Неудобно как-то ...

- Проходите, проходите! - настояла Ривека.

Фред оглянулся. Еська стоял на прежнем месте, но уже вперив руки в бока. Видно, чувствовал себя на высоте.

Фред благословил его и вошел в калитку.

Крепыш, облокотившись о перила крыльца, смотрел куда-то в небо, словно и не замечал подхаживших Ривеку и Фреда. И лишь когда те были в двух шагах, скосил в их сторону отечески насмешливый взгляд: мол, ну-ну, пацанва.

Один из «пацанвы» сделал в его сторону шаг, протянул руку:

- Фред.

- Елизар, - они посмотрели друг другу в глаза. Взгляды что-то сообщили обоим, «информация», видно, тут же обработалась, и Фред почувствовал, что из этого дома его за шкуру не выбросят.

В глазах Ривеки мелькнула улыбка.

- Проходите, - она первая вошла в дом.

В прихожей бросилась в глаза скромная, уютная обстановка.

Какое-то тепло придавал детский трехколесный велосипед, стоявший возле лестницы на второй этаж. Взгляд машинально отметил черный телефон на резной, окрашенной под бронзу подставке.

По деревянным ступенькам, покрытым красной дорожкой, поднялись вверх.

Фред слушал ее рассказ, как она случайно (а может быть, и нет - все в руках господ Бога) познакомилась с о. Александром, как в первый раз пришла в церковь, как полюбила Христа и теперь будет верна ему всю жизнь - сколько бы ей ни пришлось прожить на этой «бедной» земле.

С кем-нибудь другим он, наверное, уже вступил бы вперепалку (какой там Христос!), но ведь за столиком у

окна сидела сногсшибательно красивая еврейка с колдовскими глазами. Бог с ним - с христианством!

... Ривека рассказывает, изредка проводя длинными янтарными пальцами по скатерти, словно разглаживает постоянно собирающиеся складки. И ей нравится все: и то, что этот парень-еврей, что солдат (ему очень идет военная форма). Но главное, что еврей. Значит, ей может выпасть счастливая возможность привести его ко Христу. Обратить еще одну еврейскую душу к своему Спасителю.

- А ты знаешь, что христиане сами критикуют Новый Завет, - все же не удержался Фред, хотя и произносил это как можно мягче.

- Смотря что, - она пожала плечами.

В своем светлом в тонкую полоску платье она стала похожа на хрупкую юнгу:

- Критиковать все можно.

Фред достал из футляра купленный утром журнал, полистав его, отмахнулся.

- Ладно. Как-нибудь потом, - и хотел уложить его на место.

- Нет, почему же! Давайте сейчас!

- Знаешь пословицу: цыгана не привечай, так и я: мало что в чужой дом ворвался и еще свой устав втаскиваю! - распял себя Фред.

- Ничего не ворвался! А насчет устава ... я ведь тоже должна знать... Так что это даже к лучшему. Давай-давай! - она отодвинула в сторону футляр и присела к Фреду на диван.

Нежный запах духов потек в легкие. Захолонуло.

- Вот, - опьянев от волнения, он еле нашел эту «чертову» статью, передавая журнал, нечаянно прикоснулся к ее руке. И ему уже было ни до христианства

(хотя, впрочем, уже с первых минут встречи) и ни до какой статьи.

- Вот, здесь, - с хрипотцой кукарекнул он, осторожно показав пальцем на строчки.

Пока Ривека читала, он сидел, как прищипленный, как остекленевший, машинально водя глазами по «тем» строчкам:

«...после Катастрофы христианство больше не может жить в «мире не опровергнутых утверждений».

Ривека продолжала читать, взяв пальчиками подбородок. Фред сидел по-прежнему - оглушенный ее близостью. Манили ее губы, руки, тонкий запах духов.

Фред сорвался с дивана, с горящими щеками шагнул к столу, сел на ее место.

- Интересно, о. Александр читал эту статью? - в раздумье произнесла она, - «...юдофобский потенциал...»

Фред уже жалел, что сунулся с этим журналом, мучительно искал выход, как увести от этого разговора или хотя бы смягчить его.

- А вообще знаешь, Ривека, - вдруг нашелся он, - когда началось это «юдофобство»? За сотни лет до христианства. Еще с Египта. Евреев ненавидели за их бога. Вернее, за преданность ему ... Хочешь одну историю расскажу? Вернее, даже был, - он увидел заинтересовавшиеся глаза, удобней устроился на стуле:

- Был такой царь - Антиох. Ты знаешь. Когда он покорил Израиль, евреев заставляли покоряться идолу. Но для евреев изменить своему богу - хуже смерти. И вот жила тогда одна еврейка - Хана, и было у нее семеро сыновей.

Глаза Ривеки потеплели, и приунывший было «боец со скрипкой» ожил:

- Решил Царь покорить семерых сыновей Ханы ... Величайшая была еврейка ... Такая же красивая, как

Ривека. Только пусть у Ривеки судьба будет счастливой... И вот привели старшего сына к Антиоху. Поклонись, говорит царь образу. Нет, отвечает старший сын Ханы, не поклонюсь, ибо сказано: «Только Господь, - бог твой!» Убили его. Позвали второго. Поклонись, иудей, требует царь, нет, отвечает второй, не поклонюсь. Нет у меня других богов, кроме одного Бога! Убили и второго сына. Привели третьего. Но и он отказался. Четвертого. Пятого. Они тоже отказались. Привели шестого. И он говорит: «Не поклонюсь. Ибо сказано: - «Бог твой велик и страшен» ... Убили и шестого. Остался последний - самый младший - седьмой сын. Поклонись образу, требует царь. Жестокий был ... Но и седьмой сын отвечает: «Не поклонюсь! Не сменим мы своего Бога на чужого!» Царь стал уговаривать его: так и сяк, на убитых братьев тычет, про молодость говорит. А потом на хитрость пошел. Вот, говорит, я сейчас, перстень перед идолом брошу, а ты подними его, другие увидят, подумают, что ты подчинился. Нет, отвечает младший сын, не поклонюсь! У нас нет бога, кроме одного! А царь спрашивает, разве есть бог у мира? Младший сын усмехнулся: «Эх ты, царь, неужели мир беспризорный?» Убили и седьмого сына. На глазах у матери убили. Тогда она поднялась на крышу и бросилась вниз. Разбилась. В тот же миг послышался голос с неба: «Счастлива мать сыновей!» - Фред смолк и, подумав, закончил: - Вот поэтому и написано в книгах про нашего Бога: «За тебя убивают нас каждый день» ... Так и есть.

Ривека поглаживала ноготь мизинца.

Молчали.

- Какая страшная история, - выдохнула она. - Действительно, великая еврейка.

- А сыновья?

- И сыновья, конечно. Но ведь их мать так воспитала. Великая мать, - и с девичьей непосредственностью выдохнула. - Я бы, наверное, так не смогла. И снова притихла.

- Хочешь, я что-нибудь тебе сыграю? - воодушевился Фред.

- Что? Сыграй, конечно. Вот здорово!

- Сейчас сыграем! - он взял скрипку и вдруг, лихорадочно взглянув на часы, взялся за голову:

- Ко-онец! - руки со скрипкой и смычком были прижаты к вискам.

- Что-нибудь случилось? - она испуганно подалась вперед.

- Автобус! Опоздал на автобус! - но потом, что-то вспомнив, облегченно отмахнулся. - А ничего, возьмем машину ... Догоним ... - он взял с дивана журнал, хотел было уложить его на дно футляра, но в эту секунду встретился со взглядом Ривеки.

- Если хочешь, оставлю ...

- Да, я только о. Александру покажу и верну.

В эту секунду они поняли, что подумали об одном и том же: «встреча».

- Только я не знаю куда ... Вы оставьте адрес, - виновато произнесла она.

- Да ничего. Пусть пока будет у тебя. Как-нибудь ... А вообще запиши на всякий случай. Может, напишешь, что скажет о. Александр... Он быстро набросал на тетрадном листе адрес дивизиона и спросил:

- А позвонить тебе можно будет?

- Конечно. Я буду рада, Фред.

Они быстро взглянули друг на друга и тут же отвели глаза: оба подметили, что она впервые за вечер произнесла его имя.

Две души, казалось, скользнули друг в дружку, соединились на мгновение, и в ту же откровенную секунду захотелось не заметить это или спрятать в глубину сердца.

- Как же теперь? Тебя, наверное, твои командиры арестуют! - выдохнула она.

- Ничего, на машине догоним. Может, еще и раньше своих доеду.

- А до твоей службы далеко?

- С часик, - он улыбнулся ее «службе».

- Денег, наверное, куча уйдет ... Подожди! - радостно спохватилась она. - У моей подружки один такой родственник есть ... А у родственника - машина. Вот здорово! - она радостно соединила ладошки - Пойдем! - и тут же извинилась: - Ты только не подумай, что я выгоняю тебя.

- Разумеется! - оба рассмеялись.

Торопливо шли по местечку, подняли на ноги Марину: выручай подруга, не зря ведь сказано - возлюби ближнего своего. Но Марину уговаривать было не надо: смекнула подруга, что в руки родственника сейчас приплывает золотая рыбка. Сама плывет ...

Братец тоже готов был разбиться, но ближнего выручить.

Вернее ближнюю. К тому же - «старую знакомую». Красный автомобиль лихо вырвался из Горска на трассу. Экипаж машины: впереди два парня - Роман и Фред, и сзади - подруги Марина и Ривека - были в приподнятом настроении.

«Отвезу этого салагу и останусь с Ривекой!» - мечтал Роман.

«Сегодня какой-то сумасшедший отличный день ... Ривека ... » - блаженствовал Фред.

«Господи, неисповедимы пути твои! Как я благодарна тебе, как я люблю тебя, Господи Иисусе!» - текла молитва в душе Ривеки.

«Надо же, как жизнь иногда поворачивается! Еще денек, назад сама ее в эту машину запихивала, а теперь» - думала Марина, поглядывая на Рому и Ривеку.

Фред посмотрел на часы.

- Во сколько был автобус? - Роман искоса взглянул на него.

- В половине шестого.

- А сейчас?

- Сейчас шесть.

- Догоним. Увольнительная до скольких?

- До восьми.

- А, тогда все на мази ... Успеем!

Проносились за окнами скошенные поля. Мягко звучала в салоне музыка.

- А ты тоже в христианство веришь? - стал подбираться Рома к Фреду.

- Нет.

- Это только кажется, что нет, - с улыбкой в голосе произнесла Ривека.

- Если мне что и кажется, так это то, что, если б Ривекее дали волю, она всех евреев за две секунды, окрестила. Так?

- Ох! Да разве ж с вами справишься? - с материнским укором вздохнула она. - Упрямый вы народ - евреи! - И они снова встретились взглядами, словно на каком-то поле бежали к друг другу.

... Автобус догнали у самой части. Вернее, он уже стоял на остановке, а высypавшие из него солдаты смачно покуривали в стороне.

Лейтенант Коростылев, увидев вышедшего из машины Фреда, плеснул руками:

- А я и не знал, что делать! Ну, молодчина! Успели ... значит.

От полка до дивизиона нужно было топать обычные пять километров.

- Ничего, довезем! - расщедрился Роман.

- Сегодня у меня самый удачный день в жизни! - говорил в машине Фред.

«Чего это у него такой счастливый день?» - с любопытством подумал Роман и в зеркало посмотрел на Ривеку.

«Чего это он такой счастливый?» - с любопытством подумала Марина и посмотрела на Ревеку.

- Да, сегодня хороший день, - отвернулась в окошко Ривека. Бетонная дорога серой каменной полосой пролегла, казалось, по самой середине желтеющего леса. Машина шла легко, мягко, лишь изредка подрагивая на стыках бетонных плит.

Справа показались асфальтовая, уходящая от бетонки, дорога, высокие ворота. Подъезжать к ним не стали.

В салоне повисла неловкая молчаливая минута.

Фред попрощался, надвинул на глаза фуражку и напоследок повернулся к Ривеке:

- Подай, пожалуйста, скрипку. Инструмент лежал под задним стеклом.

- Я помогу, - с неожиданным порывом произнесла Ривека, достала скрипку, вышла из машины.

- Вот, - она обеими руками, как что-то заветное, подала ее Фреду.

Перехватывая ручку, он снова коснулся ее руки, и знакомый барабан заколотил в груди:

- Спасибо.

- А журнал я верну, - они отошли к обочине. - Как только о. Александр прочитает, я ... выплю ... Вот где,

оказывается, ракетчики прячутся! - она улыбнулась и словно оправдалась. - А мне все это как-то по-другому представлялось ... Подземелья ... Убежища какие-нибудь ... Темнота ... А тут вон - пожалуйста, смотри сколько угодно.

Рассмеялись. Секунду молчали.

- Ривека, такое дело ... Купи в твоей церкви Библию. Я сегодня сам не смог, - он полез в карман за деньгами.

- Что ж ты сразу не сказал ... Я б тебе свою дала, - и вдруг словно нашлась. - Могли бы и у о. Александра взять. Если, б ты хоть одну минуту поговорил с о. Александром, ты бы принял Спасителя ... Ты бы полюбил, - она осеклась и через мгновение, словно собравшись духом, выронила:

- Попытаешься?

Он понял ее «попытаешься», улыбнулся.

- Главное сделать первый шаг! - воодушевилась она. - Потом все откроется само по себе ... А Библию я пришла ... Ну пока, - качнув ладошкой, она пошла к машине.

- Ривека, деньги! - опомнился Фред, но она уже села, помахала в окошко рукой, «Жигули» легко развернулись.

Фред увидел за стеклом покровительственную улыбку Романа, и как он выдавил сигнал. Над лесом рванула долгая сирена.

Вместе с этим взревевшим сигналом по душе ударила резкая тоска.

И чем дальше уносился автомобиль, чем больше кромсало сердце нахлынувшее чувство одиночества, тем больше ругал себя Фред, что не нанял машину, согласился ехать с этим Романом, который теперь увозит Ривеку. Вся радость, которая настаивалась в душе целый

день, казалось, разом вытекла, как из разбитой посуды. Перед глазами замаячили ворота с колючей проволокой.

Дан раздраженно отшвырнул газету. Сколько раз говорил, злился на себя старик, что никогда больше не притронется к этой газете, которая только и умела, что задницу у правительства лизать да натравлять одну страну на другую.

Дан сбросил газету на пол, отфутболив зашуршавшие листы, прихватил на кухне табуретку и вышел из дома.

Во дворе у таза с гусиными перьями, на низком стульчике с подушкой, восседала его старуха Соня. Она быстрыми щипками срывала цух с перьев, а сама была далеко от этого пестрого вороха, от своих умелых рук: так неподвижно смотрели убежавшие вдаль ее глаза.

Но когда старик проходил мимо, она подняла седую, повязанную косынкой голову:

- Дедок, ты куда?

- На улице посижу.

- Иди-иди ... И вечер хороший ... - Соня кивнула в такт словам и снова ушла в свои мысли.

А вечер был действительно хорош: прозрачное осеннее небо легкой синей шалью раскинулось над уютными улицами местечка.

По давней, хотя уже отмирающей привычке местечковцы повысшали на улицу, сидели группками у ворот, вороша старые истории или выставляя на суд соседей свои мирские заботы, но о чем бы ни говорили, неизменно возвращались к Израилю: кто едет, не едет; будет ли новая война, и дай бог, чтоб с Израилем ничего плохого не случилось. Если случится что-нибудь с Израи-

лем, значит уже некому будет защитить всех евреев, разбросанных по миру.

- Доброго вечера! - несколько голосов перелетело к старику через улочку.

- Здравья вам! - приветливо кивнул Дан, построив табуретку у ворот.

Удобно сев, по привычке пригладил мягкую пышную бороду. Огляделся.

На улице сидеть было спокойно. Улетучились куда-то хмурые мысли, душа легко вздохнула. Когда ты среди людей, неприятное гаснет. К тому же почти каждый прохожий знал старика, почтительно приветствовал, а кто-то и останавливался на минуту спросить про жительство, а то и поделиться сокровенным, высвободить душу от обид и тревог.

На старика невольно обращали внимание и незнакомые, задерживали взгляды на пышной бороде, спокойных сильных глазах.

Шагах в десяти Дан вдруг увидел молодую стройную женщину, незаметно полюбовался. Эх, если бы ему сейчас хотя бы лет шестьдесят было! Да, когда-то отрадой белого света были у него женщины, а теперь - просто белый свет. И теперь копошись потихоньку и люби, как бог, все живое и не живое. И никуда не деться, не сорвать со своей спины ни одного денька.

Но вдруг насторожилась мысль, словно дворняга на посторонний шорох, и с улыбкой вспомнил Дан, что сегодня истекал тот срок ...

Старик невольно качнул бородой, по-детски удивляясь человеческой памяти: ну и штуковина! Как это, вроде ни с того, ни с сего (казалось, чего тут особенного - просто женщина пошла), а в голове сработала какая-то удочка, которую он и не закидывал, но которая уже торчала где-то в этих самых мозгах, ожидая своего мгнове-

ния. И вот хлоп - и клюнуло. Интересно все-таки придумана человеческая голова!

Добрая усмешка затеплилась в живых темных глазах: да, сегодня, последний день из отпущенного ему срока ...

- Так уж быть - дадим тебе эти пять лет! Живи на здоровье! А если понравится, через пять лет продлим еще! - вспомнилось Дану то давнее застолье, когда друзья-товарищи снизошли до его желания прожить еще пяток-другой лет ... Что ж, водка в холодильнике есть, коньяк тоже есть, надо послать за друзьями.

Дан уже собрался было войти в калитку, но взгляд задержался на курчавом мальчонке лет десяти, прошедшем в двух шагах.

- Уважаемый! - с улыбкой позвал Дан.

«Уважаемый», сунув руки в карманы коротеньких брюк, вопросительно замер. Старик подозвал его, вложив пятерку на конфеты, поручил «ответственное» задание.

- Скажи, чтоб больше никому не говорили! - доверительно предупредил он «уважаемого» и, ухмыляясь, вошел в калитку.

Соня все еще возилась с перьями. «Пух - это белое золото в Израиле», - вспомнились ее слова. Золото, так золото - пусть себе добывает на здоровье.

Но, проходя мимо, нарочито серьезно и даже как будто с заботой, обронил:

- Хотя бы до отъезда успела ...

- Дай тебе волю, ты и без штанов в свой Израиль побежишь, - хмуро ответила Соня, и тут же беспомощно опустили ее руки, замерли на коленях, словно в секунду опутала ее какая-то непосильная работа.

Дан пожалел о своей шутке, сдерживая раздражение (сколько можно хныкать!) поплелся к дому, на

крыльце обернулся, но рассказывать о своей затее все же не стал.

Для начала проверил запасы спиртного, бутылку водки и коньяка водрузил на столе в своей комнате. В ожидании друзей сел у окна.

«Как посматривает на его затею Синий Волк?» - не без сомнений старик осторожно взглянул на небо и тут же убрал взгляд с окна.

Синий Волк смотрел на его проделки свысока и с усмешкой: хреновиной, мол, занимаешься, старая детина. Но что ему, этому волку? Он всесилен и бессмертен. Что по сравнению с ним Дан и тысячи таких, как он. Миллионы и миллиарды человечков приходили в мир и уходили, но Синий Волк оставался. Он останется и после Дана и когда придут и уйдут еще миллионы миллиардов. Время поглощает все и всех.

Невольно вспомнилась первая семья: жена Дарья и двое маленьких детей - Ривека и Яков ... Якова он так и не увидел ...

Старики чуяли: здесь что-то нечистое и наверняка этот пройдоха Дан выкидывает какой-нибудь очередной свой номер, головой понимали, а все же отчего-то переходили со степенного шага на быстрый: кто его знает ... И спешили, гадали все трое, что там протараторил курчавый мальчишка, прибежавший не то от Дана, не то еще от какого-то «бородатого дедушки»:

- Срок настал. Попрощаться хочет...

В Израиль Дан мог уехать только через месяц, не раньше ... Значит, не Израиль. Это старики отметили сразу. Что же тогда означало - «попрощаться».

Это слово подхлестывало, как плеть, ускоряло шаг. Но какой-нибудь вопрос прохожих: - Что-нибудь случилось? - вновь осаждал старых вояк и, прикинувшись: - Да нет. Просто в гости идем, - старики переходили с галопа на безмятежный ход. Что ни говори - когда по местечку идут вместе два старика, это заметно, но когда целых три (да еще торопливо), жди новостей.

На подходе к дановскому дому первое, что подметили все трое - ворота не раскрыты, криков со двора не слышно. Значит жив. Все остальное поправимо. Но опять же (кто его знает) входили в калитку настороженно, один за одним, впихнув вперед высокого дипломатичного Ефиля.

Во дворе ни души, лишь Соня усердно, как показалось, мела асфальт. Старики вопросительно переглянулись, но приветливый голос дановской старухи подбодрил:

- Благословен приход ваш! - тепло кивнула она. - Проходите.

- Что делает этот старый черт? Жив - здоров? - сухощавый, невысокий Аким бодро, как ни в чем ни бывало «прощупал» обстановку.

- Да. Только целый день с газетами воюет, натравляют, говорит, русских на Израиль.

- Это - да! - понимающе кивнул Ефилъ, похожий на свое имя - высокий и острый.

- Так, значит, у вас все остальное нормально? - снова бодро спросил Аким.

Соня кивнула, но, что-то заподозрив, вопросительно взглянула.

Старики объяснили ситуацию.

- Дома он, - сдерживая смех, Соня крикнула в окно: - Дед!

Молчание.

Переглянувшись, двинули к крыльцу. В дверях комнаты замерли. Телевизор, всюду болтал, на столе, под лучами закатного солнца, сверкала бутылка водки и коньяка, под столом валялась скомканная газета.

Сам старик лежал на спине, ступни с туфлями свесились с дивана к полу и казалось, ноги вот-вот сползут на коврик. Глаза закрыты.

Снова переглянулись.

- Дед! - напряженной и осторожной рукой Соня тронула плечо старика.

Дан причмокнул спрятанными в бороде губами, но просыпаться, видно, не думал.

Потормошили смелее.

Тот, наконец, открыл чуть припухшие веки, увидев над собой четыре внимательных лица, рассмеялся.

- Чтоб тебе твой внук в бороду наделал! - чертыхнулся Ефиль.

- И в нос тоже! - попутно подбросил Яков, убрав звук телевизора.

Всем скопом набросились на старика:

- Кто ж так людей пугает!

- Черт старый!

- Дайте хоть объяснить! - воспротестовал старик и напомнил о «последнем дне отпущенного ему срока».

- Без фокусов как будто нельзя! - хмыкали старики, но Дан оправдался, бутылка водки и коньяка облегчили его участь, и уже скоро не было ни обвиняемых, ни обвиняющих.

Аким и Яков стали решать, где лучше всего устроить застолье: то ли во дворе, то ли здесь - в комнате. Спорили бы долго, если бы не вмешался Ефиль. Он поднялся во весь рост и, глядя на двух маленьких старичков, искренне выдохнул:

- Э-хэ-хэ! Там, где два еврея, там всегда четыре мнения! Все наши беды отсюда!

Сидели все-таки во дворе.

Подоспели румяные горячие пирожки. Подняли первый тост, наполнили еще.

За стариками ухаживала Ривека: то новое блюдо поднесет, то подновит стол, то заменит тарелку.

Постепенно собралась вся дановская семья - Елизар, Яков.

Маленький Дан успел побывать на руках всех стариков с неизменным ему пожеланием надеть деду в усы, рот или еще куда-нибудь.

Неожиданно в калитке показался пожилой мужчина с тросточкой в сухощавой руке. Удивленно, точно онемев, замер у ворот. Встретили его приветливыми возгласами, усадили за стол. Ривека уже ставила перед ним тарелку, Аким наполнил рюмку.

Пришедший все еще удивленно качал головой: вот, мол, языки у местечковцев - ни за что, ни про что живого старика на тот свет отправили - распространили, что Дан при смерти.

Старики перевели все в шутку.

Но, оказалось, что местечковое «радио» сработало не хуже программы «Время», и во дворе Дана один за одним появлялись близкие, которые при виде живого здорового старика поначалу терялись, а потом уже, посмеиваясь, рассказывали, как слышали «новость о смерти Дана».

- Мы никому ничего не рассказывали!! - оправдывались трое стариков и сами искренне удивлялись.

С разрешения старших слово взял Елизар, поднялся над столом, голубоглазый, с мощным торсом. В грубой, большой руке орешком затерялась поднятая рюмка;

- Вы знаете, Израиль свою независимость провозгласил ночью. Чтоб никто из врагов не знал. Утром, когда уже нужно было объявить об этом людям, люди уже, оказывается, каким-то чудом узнали. Собрались у дома правительства и ждали. Никто им ничего не говорил, а они узнали. Как? Тайна. И когда услышали, что Израиль снова стал государством, обнимались и плакали от радости. Сегодня тоже так получилось: никто про отца ничего не говорил, а близкие собрались. Я хочу сказать, - Елизар переступил с ноги на ногу. - Дай бог чтоб для евреев все хорошие слухи сбывались, а плохие превращались в радостные застолья! И чтоб евреи, чтоб Израиль плакал только от радости!

Старики одобрительно закивали, потянулись своими бокалами к елизаровскому - в общий котел сдвинутых рук:

- Дай бог!

Дан с гордостью и с болью смотрел на своего старшего сына. Елизар.

Вместе с этой болью поселился в дановском сердце страх: а вдруг, узнав, что в нем - Елизаре нет ни одной капли еврейской крови, что он русский - вдруг изменится к Дану, к своей семье, уйдет, расстанется с ними?

Хотя старик пытался отогнать эти мысли, они жили в нем и подтачивали сердце .

... А застолье шло. Дзинькали вилки, двигались губы, наклонялись над тарелками рты.

Застольный говор крепчал, то затихал и вновь разгорался, если обсуждали волновавшую всех тему. Но в общем разговор был об одном и том же: притеснения евреев, будет ли голод зимой и, конечно же - Израиль.

Стали говорить о рэжете, что бандиты обложили налогом всех состоятельных евреев и среди бела дня безнаказанно грабят людей.

- Да свои же и наводят! - бросил один из стариков.

- А кто же еще!

- Конечно! Кто знает, тот и наводит! - посыпались за столом осуждающие голоса. На мгновение за столом притихли, пыхнула чья-то зажженная спичка, промчался на улице автомобиль.

В этой ударившей на мгновение тишине возник рассудительный голос старика с тросточкой - Самсона. Обращался он к Елизару, изредка постукивая по асфальту устроенной в ногах бамбуковой палочкой

- Вот ты говоришь, сын мой, «евреи там», «дай бог евреям всем счастья»; «все евреи...», то да се... Но вот скажи, а как быть с теми евреями, которые посылают рэкетиров на своих же, с теми, кто позорит народ, да хотя бы с теми, что желают зла тебе и твоему отцу. Ведь они тоже входят в еврейский народ?

Дан с дрогнувшим сердцем вопросительно взглянул на Самсона: куда это он клонит?

- Ну что скажешь, сын мой? - продолжал он. - Когда ты говоришь, дай бог всем евреям счастья, тем евреям, что приносят зло, значит ты тоже желаешь счастья? Или как?

Подобралась тишина.

- Этот для своих разговоров других мест не находит! - упало в тишину.

- Я знаю, куда его веревочка вьется! - пьяненько вставил Яков.

Аким тут же хмельно бросил рукой:

- Евреи - не евреи ... Херня все это! Весь мир бардак, и все люди - бляди! Ты извини меня, Елизар, старого дурака! Так что лучше - наливай!

Елизар пожал плечами: дескать ничего страшного, но увливать от вопроса Самсона не стал:

- Когда я говорю - дай бог всем евреям счастья, я не думаю про хороших или плохих ...

- Э-э! Что ты пристал к парню! Действительно, не может же он сказать: дай бог всем счастья, кроме нехороших ... Ты где-нибудь слышал, старая твоя башка, чтоб так тост произносили: всем, кроме нехороших! - насмешливо вломил Самсону Яков.

- Самсон, брат мой, - вмешался Дан. - Если ты что-то хочешь сказать про национальности, то я тебе вот что отвечу: национальность - это не куча людей: я, ты, Хаим, Яков, сосед Якова, Абрам, еще кто-то. Даже все мы, вместе взятые, еще не означаем еврейский народ, так же как Федя, Вася, Ваня и другие не означает - русский. Нация, мой дорогой Самсон, это что-то больше, чем я, ты и все мы, вместе взятые. Пусть трижды мы хорошие. Нация - это больше, чем люди! Понимаешь?

- Дай бог тебе здоровья! - кивнул Самсон, пристукнув по асфальту тростью

- Да и тебе, Самсон ... И всем евреям! - Дан добродушно рассмеялся.

- Наливай! - Аким снова рубанул рукой по воздуху, и через минуту, кажется, уже никто не помнил о вопросе старика Самсона.

Катило шумное, насмешливо-грустное, безоглядное еврейское застолье.

«За шумным еврейским столом скорее наполняйте бокалы... ». На глазах «цены взвинтились»... «Хаим, а почему евреи на вопрос отвечают вопросом. - А что?» «...у Арона, говорят, багаж в Израиль не дошел. Вместо вещей, в ящиках камни были...». «Слыпали - Эфраим из Израиля сбежал!»

«...не понимаю таких людей - уехал, так сдохни там, но не возвращайся!» «...длина железнодорожной

шпалы - деревянной - два метра семьдесят пять сантиметров... »

... Еврейское застолье ...

Стемнело. Зажгли во дворе свет. Кто-то предложил послать за музыкантами, но самые старшие уже поднимались, громко и хмельно смеялись «проводам» Дана.

На прощанье Яков озорно дернул волосинку из бороды старика и выделил ему еще пять лет жизни:

- Только смотри, старый блядун, без фокусов! А то во вторые твои «проводы» никто уже не поверит.

Но вдруг вспомнили старики, что не будет уже здесь этих пяти лет. Ни пяти, ни даже полугода: где-то, может, в аэропорту Бен-Гуриона уже стоял тот самолет, который однажды прибудет в Россию и уже навсегда унесет Дана из его местечка в Горске.

- Ничего! - вдруг бодро протянул Яков. - Если что, то мы тебя и в Палестине достанем!

- А куда вы денетесь! - ничего не оставалось Дану.

... В полночь его разбудила сладкая истома, тревожно растекавшаяся по телу. Сон улетучился в одно мгновение. Свесив ноги с дивана, старик взгляделся в сумрачную комнату: Соня безмятежно спала на своей кровати.

Дан босиком прошлепал к ней, сначала осторожно, потом требовательней потормошил оголенное матовое плечо:

- Двигайся.

- Старый черт! И на старости успокоиться не может! - проворчала она, кряхтя, подвигаясь к стенке.

- Ах ты моя бабуля - в предвкушении наслаждения пропел Дан, уже готов был нырнуть в постель, но взгляд как намагниченный метнулся в незашторенное окно.

Ночь. Густая, осенняя ночь, как бездомного щенка, придавила землю. Лишь в далекой темноте холодным

блеском подергивались звезды. Старику вдруг показалось, что не звезды, а чьи-то шальные глаза вовсю смеются над ним, над всей его жизнью, над всем, что совершал он и делает сейчас.

В мгновение ощутил он, что даже его это большое тело, его руки, его вся жизнь не принадлежала ему, а была чьей-то собственностью, отданной ему на короткое время. И вот теперь эта «хозяйка» глядела на него ледяными глазами и мерзко хохотала.

«Несмешные дела» ... - потянулась долгая мысль. Он посмотрел на пухлую кровать, потом в окно и, точно кого-то одолев, в сердцах чертыхнулся:

- Подожди ты у меня, собачья дочь! На-а! - старик внутренне скрестил руки выставив вперед кулак, но тут же, словно повинившись за это, суеверно пробормотал: «Спаси меня бог!» - пару раз шаркнул босыми ступнями о маленький коврик и влез к своей старухе в теплоту...

...Горск поднимался из ночи, как из темени глубокого колодца. И хотя весь город покоился в глубоком сне, местечко уже просыпалось, точно служило городу будящим петухом: первые местечковцы, громыхая воротами, выгоняли автомашины на освещенные фонарями улицы, прогревали моторы.

В тишине далеко разносилось их одинокое урчанье; редкие, и, может, потому какие-то сиротливые сигналы, взрезающие загустевшую сонь.

То там, то там попадались одинокие фигуры. Евреи в Горске начинали жить раньше других.

А когда над местечком далеко ввысь умчались звезды и почти слились с посветлевшими небесами, на улицы вернулся еврейский говор.

С лучами осеннего солнца в дома проникали новые заботы и тревоги, в чьих-то окнах оживал смех, в иных - таилась беда. Жизнь, как жизнь - местечко, как местечко. Такое же, как и тысячи других, разбросанных по земле: в привычном ожидании радостей и погромов, изо дня в день возносящее к небесам молитвы, непрестанные просьбы охранить от людской извечной злобы ни в чем не повинных детишек, воздающее благодарность Богу за хлеб насущный, за крышу над головой и за то, что пока нет погромов. За все, за все...

Непостижимо странно устроена вселенная - с холодной россыпью звезд, безысходным одиночеством земли, но и не менее странная вещь на земле - еврейское местечко - невольно - временное пристанище отовсюду гонимых людей.

А может быть, земля с местечком есть лицо этого мира, в котором жизнь людская, затерянная во вселенной, также унижена и заброшена, а если и не забыта, то лишь для тысячи вселенских нелепостей и законов, по которым в любую минуту может быть сожжена и уничтожена одна-единственная человечья обитель - Земля.

Тогда что странного, что на земле есть местечки, такие же незащищенные и заброшенные среди людского сонма, как и земля в космическом хаосе. Что ж странного, если так ... устроен мир.

... А над Горском раскинулось вальяжное утро, коронованное большим желтым солнцем.

Самой главной новостью, которая уже успела оббежать местечковые дома, было вчерашние «проводы» Дана.

В тот же день к старику нагрянули давнишние, уже порядком поднадоевшие сваты - родственники Романа.

- Все равно отвоюем Ривеку! Не увезете вы ее в свой Ерушалаем! - грозили вроде бы с шуточками, но в

каждой шутке бывает не только доля правды, бывает и еще много чего другого. Грозили и в то же время вроде бы посмеивались: - Местечковцам тоже нужны хорошие девушки! И без того взяли моду: уезжают в Израиль, а за невестами возвращаются в Россию - в свое местечко. И увозят. Нет, Ривеку не отдадим.

В такие ошалелые моменты человек до вопроса: «Влюблен я что ли?» - не доходит. Особенно, когда «человеку» уже целых двадцать лет! Просто марширует он на строевой подготовке - и Ривека!

Плетется усталый после боевой учебной тревоги - и Ривека!

Пьет воду - и Ривека!

Ложится спать - накатывает сладкая истома - Ривека!

Дневальный орет по утру «Подъем!» - и Ривека!

Одно слово, одно имя и одна мысль: как же увидеть тебя, наивная, самая красивая, самая любимая христианочка, самая красивая еврейка - Ривека.

... После вечерней поверки «старички», соблюдая конспирацию, по одному пробираются в ночи к старой казарме. Вообще конспирацию можно было и не соблюдать: дежурит отличный парень, любимчик «дедов» - лейтенант Тютюнкин. Но как раз поэтому, что он душа и не дай бог подвести его, конспирация - первейшее дело чести.

И вот «старички» все в сборе; окна старой казармы завешаны - заткнуты, под потолком на черном шнуре тускло светит засиженная мухами лампочка, и по алюминиевым кружкам азартно, вызывая блеск в глазах, булькает самогонка.

Разливает главный блядун и главный виночерпий - Стренадко:

- Держи, Фред ... А это тоби, Пашуня ... Хамшевич, как у вас это называется? .. А, арака. А это тебе, Коля Стренадко, - он плеснул и себе. - Ну, хлопчики, за дембель! И чтоб как только приедем, то сразу - баба! - сухощавая рука поднялась кверху.

С алюминиевым глухим стуком сошлись старые солдатские кружки.

Среди старичков не было Грызанова и Саши Клата.

На облезлом, канцелярском столе лежали ломтики черного хлеба, лук, нарезанный на братские дольки, одна общая тарелка с кашей, две «поочередные» вилки.

Фред и Паша сидят на скрипучих табуретках, Стренадко и Хамишевич пристроились на железных солдатских кроватях. Тусклый свет по-особенному высвечивает лица, глаза и даже, кажется, влияет на приглушенный голос Стренадки. Он держит в руках вторую бутылку самогонки и страдает:

- Последняя зараза ... А че, Фред, може напару сможемся в твое местечко, к твоим еврейчатам. Ты опять на скрипочке, а я на барабане смогу ... опять на горилку заробим. Если че, то я и песенку налажу, - и он, вскинув рукой, негромко проскрипел:

- Як хотела мени мать ай да за першого отдать ... Ну че? Едемо?

Но Фред, утопив лицо в ладонях, казалось, не слушал Стренадку, а убежал мыслями куда-то далеко за эти обшарпанные деревянные стены.

- Тоскует, - Паша с доброй иронией подмигнул друзьям и мягко обнял Фреда за плечи.

Те уже улыбались. Знали старички, что шефский концерт в Горске оказался для их друга роковым, что он за «две минуты влип по самые уши».

- Хороший, видна, девачка! - защитил Фреда Хамисевич.

- Погоди, пацаны, - встрепенулся Странедко. - От этого дело како лекарство треба? Треба - баба! Для стакана треба ложка, для барабана - палка. А для мужика от бабы - баба! Давайте хлопчики его Дивизионкой поличим! Она давно на него глаз положила!

Гоготали, забыв про конспирацию.

Странедко, плутовато улыбаясь, почесывал кончик носа: был доволен.

- Наливай! - перестав смеяться, махнул рукой Фред и точно поклялся:

- Все равно что-нибудь придумаю! Все равно ее увижу! За удачу!

У капитана Дронова главными словами были - Россия, Интеллигенция, Честность, Порядочность. И еще фраза - «Русский офицер», «для русского офицера порядочность, честь и интеллигентность - неразделимы!» «Для русского офицера прежде всего - Россия!»

Произносил он это безо всякого пафоса, не подпуская в интонацию каких-то особых ноток. Поэтому его слова воспринимались без иронии. Будь по-другому, солдаты давно бы взяли это на вооружение - на смех.

Дронова уважали.

Его занятия (хотя и техподготовка) проходили интересно, а минут за десять до конца урока капитан обычно начинал говорить о России.

- Россия никак не может выбраться из рабства. Первый съезд Советов казался той надеждой, тем первым шагом... - Дронов присел на угол офицерского стола, посмотрел в окно...

Фред сидел за последней партой с Пашей Гришиным. Вслед за капитаном повернулся к «своему» окну. Пасмурное осеннее небо низко нависло над дивизионом и, казалось, опускало на землю какой-то невидимый пресс. Наверное, начинается пора холодных дождей. На вышке, подняв воротник шинели, как воробей, съежился часовой.

Сегодня тоже в караул, - протянулась зябкая мысль.

Дронов продолжал говорить о рабстве, свободе, России. Мысль Фреда, словно получив холодный заряд от серого дня, плутала среди всяких солдатски и несолдатских рабств. Неизменно думалось о Ревеке. Вспомнились ее глаза, милый, грустный вздох: «... А я бы так не смогла ... как Хана ... ». Вот если бы вырваться в полк, в деревню - оттуда можно было бы позвонить в Горск. Христианочка.

... По классу катил смех. Фред осекся. Смеялись над ним: задумавшись, он не услышал, когда к нему обращались.

Дронов, отечески усмехаясь, пожурил:

- Дембель за горизонтом высматриваем?

- Виноват, товарищ капитан! - Фред поднялся, исправил гимнастерку.

- А мы тут про разные свободы, про Россию - матушку толкуем ... - продолжал Дронов...

- Задумался, товарищ капитан ... Вообще, оттуда и пошло - от России.

- И куда же нас повело от России?

По классу снова пошел смех. Смеялись свои - старички, Фред и сам, сдерживая улыбку, посмотрел на них: они, видно, поняли, что он думал о Ревеке.

- Чего гогочете? - упрекнул Фред. - У них, товарищ капитан, одно на уме ...

- Ну делись - делись, слушаем мы тебя, - произнес Дронов. От России повело к христианству.

- Что? Комбат достает?

Старички покосились на притихшего за передним столом Грызанова.

- Да нет. Просто у меня, наверное, такая полоса пошла - Христианская!

Старики снова расхохотались

- Теперь им и не докажешь. Я серьезно думал о христианстве, - оправдывался Фред, и вдруг хлестнула неожиданная мысль. Фред, не успев как следует обмозговать ее, выпалил:

- Товарищ капитан, а мы можем устроить встречу с христианскими ... в общем, священниками?

- Да пару монашек бы сюда пригласить! - мечтательно пропел Стренадко.

- Дак, изведешь ты этих монашек-то! - подбросил Паша. Но класс уже грохотал. Посмеивался и Дронов.

Фред на мгновение сник: его предложение, кажется, навсегда было съедено этим смехом, как какая-нибудь птаха Змеем Горыновичем.

Но птаха, вроде, все же уцелела: Дронов в раздумье прошелся вдоль стола, внимательно посмотрел на Фреда:

- Ладно. Потом поговорим.

Дронов выхлопотал увольнительную Фреду, и через день, после занятий, Фред торопился в сельское отделение связи - говорить с Ревекой.

Кирзовые сапоги как никогда были легкими - родимые и заводные - словно самоходки, сами несли его по серой бетонной дороге.

... В сельском отделении связи небольшой комнате, разделенной на две половины деревянной перегородкой, стояла музейная тишина. Кроме Фреда и одной сотрудницы ни единой души. В этой крошечной тишине редкий шелест перекладываемых почтальоном бумаг казался громким, как шуршание ветра по крыше и сердце было слышно, как через фонендоскоп.

Фред сидел возле кабины для переговоров, теребя в руках пилотку. Что он скажет Ревеке ... Вспомнила ли она его хотя бы раз за эти несколько дней... А если к телефону подойдет мать или отец? ...

Фред поглядывает сквозь застекленную дверь кабины на изуверски молчащий телефон. Потревожить что ли связистку: пусть еще раз запросит город ... Но неудобно ...

Время ползет медленно, словно это какой-то слепец, прежде чем отдать очередную секунду, проверяет ее на ощупь. Каждую. На электронных часах медленно сменяется «минутная» цифра.

За окном видна часть улицы: две белоствольные березы перед низким деревянным домиком. В окна, словно пьяный в дверь, вваливается тяжелая тишина.

Но вот звонок. Фред вскидывает голову, заглядывает через перегородку, пристально расшифровывает что так - в глазах связистки.

- Иди говори, служивый! - кивает она на кабину для переговоров.

Фред снимает с черного безномерного диска, точно слепого аппарата трубку:

- Алло! - и пока в трубке слышны щелчки да треск, плотно закрывает дверь кабины. - Алло!

- Але? - вопросительный голос пожилой женщины доносится откуда-то с другого света.

«Мать», догадывается Фред и поинтеллигентнее доверяет трубке:

- Здравствуйте! Ривеку можно к телефону?..

- Ревеку? А кто ее спрашивает?

- Фред. Я недавно был у вас ... - На другом «конце света» воцарилось тугое молчание, потом из него родился треск - щелчок: видно, отложили трубку.

«Пошла звать!» - пронеслось в голове. Значит, Ривека дома и сейчас он услышит ее голос.

В трубке снова возник треск, но вместо девичьего голоса слух «подранил» мужской басок:

- Алло!

- Да-да ...

- С кем я говорю?

- Извините, это не брат Ривеки?

- Он самый - брат.

- Вас беспокоит ее знакомый. Я был у вас недавно... – и вдруг с улыбкой нашелся. - «Боец со скрипкой». Помните?

Томительная пауза, и с другого конца провода, хотя несколько и неохотно, снизошли:

- Сейчас ...

Фред прижал трубку к щеке и снова томительное ожидание. Но вот послышалось спокойное, как это могла Ривека: - Алло! - И потом, с некоторой виной, ответ Фреда.

После первых Фраз разговор потеплел, словно после какого-то необходимого узнавания. А потом через расстояние потекли друг к другу незримые волны близости: да, все здорово получилось в тот раз! Успели вовремя. И доехали незаметно. В общем, все получилось как нельзя лучше!

- Жаль только, что скрипку не удалось послушать, - искренне пожалела Ривека.

- Скрипку? Это дело поправимое. Я приеду и специально возьму ее, буду играть только для Ривеке. Хорошо?

- Спасибо ...

- В общем, я приеду и сразу позвоню ... Поговорим. Пойдем к твоему о. Александру. - Хорошо.

- А что, если я возьму да возверну вас в лоно родного иудаизма! - неожиданно шутливо пригрозил он.

- Ого! - смеялись на другом конце провода.

- А что? Пару бесед и все дела.

- Посмотрим! - в тон ему напористо ответила Ривека.

- И посмотрим! Будем воевать до последнего!

- Вот и отлично! Я думаю, господин иудей, из вас настоящий христианин получится.

Рассмеялись.

Прощались, как старые друзья.

Фред вышел из душевной кабины со вспотевшим лбом и - счастливый.

Столько благодарностей и комплиментов связистка не получала за всю жизнь: они сыпались из благодарной Фредовской души, как ягоды-грибы из переполненного короба.

На улице Фред блаженно вдохнул: как может быть прекрасно даже такое хмурое свинцовое небо и великолепен осенний пасмурный день!

... Первый автобус до Горска как всегда был заполнен. Все места заняты, и пятеро солдат стояли в проходе, держась за поручни.

Фред сидел на третьем сидении у окна, пристроив в ногах футляр.

Соседка его - пожилая женщина в фиолетовой вязаной кофте - изредка поглядывала на него.

Накатанная каменистая дорога пошла через лес, а пасмурное небо, показалось, сгустило серые краски.

Фред смотрел на проносившуюся густую стену деревьев, вспоминал недавний вечер, когда на машине Романа они догоняли этот же самый старенький, с полинялой голубой каской ПАЗик. Кажется, все было еще только вчера и одновременно сотню лет назад ...

Только бы не пошел дождь. Фред с надеждой поглядывал на медленные тучи, словно прося их ускорить свое свинцово-тяжелое движение. Убрались бы они поскорей куда-нибудь за небо Горска.

Он поежился: утра становились все холоднее, а в мундире путешествовать - не курорт.

«Возьму да возверну вас в лоно родного иудаизма ... Повоюем.» - вспомнился вчерашний разговор.

«Я думаю, господин Иудей, из вас настоящий христианин получится... » Иудей ... «И помни, что рабом ты был... » Египет ... Странную и неповторимую роль сыграла эта страна в жизни израильтян: и много тысячелетий назад, и сейчас, когда она первая вышла на мир с Израилем. С древних времен Египет был для евреев и карающим мечом, и добрым очагом.

Отсюда впервые в мир пришло горькое, но счастливое - Исход. Выйдя из этой земли, разорвав рабский плен, евреи, как огонь на ладони, подали миру слово Свобода.

И много позже, когда изгнанные из родной Палестины израильтяне вновь оказались на этой земле, языческий мир навел на них наветы и были погромы.

Язычество испугалось привнесенного евреями единого Бога - этого невидимого Властелина, который требовал Чистоты, мог свергнуть их идолов и обвинило израильтян в безбожии. И вот уже евреи, которые жили по тем же законам Чистоты, обвинены в высокомерии, нелюдимости.

Людская нетерпимость и зависть, словно мутные воды, разносили по миру грязные наветы. Евреи подвергались насмешкам и преследованиям. их можно было обвинить во всем, переложить на них все свои беды и грехи. Рождался образ Вечного Грешника, которым должен был стать целый народ.

Но, может быть, прошедшие века и тысячелетия поглотили бы эти наветы и забылась ненависть, если бы не Новый Завет. Все, казалось, было подготовлено, оставалось использовать бессмертную людскую ненависть и зависть, и вот уже образ народа - образ Вечного Грешника создан и переносится Новым Заветом из века в век, из тысячелетия в тысячелетие ...

Старенький ПАЗик, пыхтя и поднатуживаясь, бежал по каменистой дороге.

... Много времени спустя воспоминания об этом дне вызывали и улыбку, и грусть. Казалось, весь он был соткан из множества неожиданностей: радостных, печальных, горьких и счастливых.

Первая неожиданность уже поджидала на вокзале - Фреда встречала Ривека. Она еще не видела его, наблюдала с перрона за подъезжавшим ПАЗиком - спокойная, в белой кофте поверх светлого в полоску платья.

Пока автобус подруливал к стоянке, пока смолкло урчанье мотора и открылись двери, непослушное сердце выделявало в груди африканские пляски.

Выходил из автобуса с непослушной улыбкой, которая таки, хотела растянуть рот от уха до уха.

- Здравствуй, - ответила Ривека на его приветствие.
- Я вот подумала и решила встретить.

- Спасибо. А я все мыкался: позвонюсь - не дозво-
нюсь ...

- Скрипку все-таки взял ...

- Взял.

- Ну что ... пошли? - она легко повела рукой.

- Пошли! - и они рассмеялись какой-то общей
мысли.

Шумная вокзальная площадь с маленьким обшар-
панным зданием остались позади.

Прохожие невольно задерживали глаза на молодой
паре: красивой еврейночке, шедшей с симпатичным сол-
датиком.

На остановке, поодаль от любопытных взглядов,
смеясь, разрабатывали «план мероприятий» на предстоя-
щий день.

- Надо к о. Александру, - без особой радости выро-
нил Фред и с паузами расставил: - Вообще-то я не из-за
него приехал ... Не знаю даже, как это в голову пришло ...
Наверное, очень в Горск тянуло ...

Взглянув на Ривеку, он понял, что она уже догада-
лась о следующей фразе, и он выговорил эти первые,
трудные слова:

- Я ради тебя приехал, - но тут же, шутя, растянул. -
Кажется, мне придется переходить в христианство.

- Так ведь это хорошо! - Ривека поторопилась уйти
от первой фразы, но тут же словно споткнулась: получи-
лось, что невольно ляпнула двусмысленность. Почувст-
вовала, как горячая предательская краска заливает лицо.
Но все обошлось: Фред сделал вид, что ничего не заме-
тил, и скоро они уже весело болтали в городском авто-
бусе.

И было снова, как в первую встречу: случайное прикосновение разжигает душу и заставляет биться сердце так, что, утихни автобус, оно будет греметь на весь Горск.

Перед Храмом, при виде креста на куполе, душу Фреда затопило знакомое неуютное чувство, словно сейчас он должен был войти в чужой дом.

Он взглянул на Ривеку. Лицо ее изменилось, стало чуть торжественным и тихим, словно она сейчас стояла перед какой-то тайной и эта тайна открывалась ей.

Фред залюбовался ею.

Ривека вытянула из кармана кофты аккуратно сложенную легкую косынку, привычными быстрыми движениями повязала ее. Взглянув на Фреда, мягко улыбнулась.

Двор монастыря, многолюдный и уже знакомый Фреду, не то из-за хмурого дня, серых стен церкви, однообразных, озабоченно-вытянутых лиц, не то еще от чего-то, казался отгороженным от всего мира. В этом куске пространства, стоило только войти в него, накатывало ощущение, что здесь, как в огромной серой посудине, настаивается, как зелье, тяжелое, мрачное бытие.

Ривека поздоровалась с несколькими прихожанками, те откровенно обернулись ей вслед.

- Уже с солдатом пришла! - шушукнул старушечий голос.

Фред входил в церковь, словно в чужой дом. Если б не Ривека ... Но вид лопоухого киоскера и вспомнившийся «братский» с ним разговор, подвеселил и, кажется, придал чуточку куража. Киоскер сегодня был в черном костюме с широким, в горошек, дореволюционном галстуке. Продавал молодому парню тонкие и длинные, как спицы, белые свечки.

Ривека быстро, украдкой от Фреда, перекрестилась.

К овальному своду церкви поднималась смешанная негромкая речь прихожан. Обратившись к амвону, то и дело крестясь, мужчины и женщины, молодые и старики усердно выговаривали молитвы.

Ривека искала глазами кого-нибудь из священников, но ни у амвона, ни рядом никого из них не было. Взглянув на Фреда, развела руками:

- Что-то никого не видно ... Подождем?

Фред кивнул и склонился к ее уху:

- Я сейчас ... - он степенно подошел к лотку с сувенирами:

- Добрый день. Не узнаете?

Киоскер ткнул быстрым взглядом:

- Набалдашникними! - хмуро кивнул он на фуражку Фреда и передернул: - Узнавать его надо ... Законы «узнавать» надо, коли в храм вошел ...

- Извиняюсь, - Фред стянул фуражку. - Как торговля?

К лотку подошли иностранцы. Осмотрев подсвеченную витрину, о чем-то переговорив, на ломаном русском попросили иконы.

Фред, сделав вид, что его заинтересовал значок, склонился над стеклом. Искося видел, как киоскер, еще секунду назад хмурый, как извозчик в ненастье, приветливо засветился, раскладывая перед иностранцами свой церковный товар: - Пожалуйста-а...

Фред повернулся к Ривеке. Она стояла в профиль, что-то объясняя диакону Василию. Тот слушал подчеркнуто любезно, периодически кивая головой, жидкая бородка хилым клинышком ходила вверх-вниз.

Какое-то новое щемящее чувство хлестнуло душу. Захотелось поскорее увести Ревеку от этого слащавого попка.

Фред, помахивая скрипкой, несколько небрежно подошел к Ривеке, еле кивнул тощекородому попу.

- О. Александр во дворе, - пояснила она. - Пойдем?

- Конечно, - они вышли из церкви.

Пасмурный день после темных сводов храма показался ослепительно ярким.

Ривека прошла в глубину двора и скоро вернулась со священником.

Станным и неправдоподобным было Фреду видеть еврея в этой черной поповской рясе с мощным крестом на груди. Настоятель, видно, угадав его мысли, улыбнулся. Лицо, окаймленное пышной, словно пена, бородой, было приветливым, черные большие глаза смотрели с доброй отеческой усмешкой.

- Еврей - да в поповском обличье! Так? - низким теплым голосом улыбался о. Александр...

- Да, - невольно выдохнул Фред, с первых же секунд чувствуя невольное уважение к этому пышнобородому протоиерею.

- Служить еще много, сын мой?

- Да нет. Может, через месяц уже буду дома...

- Хорошо ... - о. Александр единым взглядом обьял все его существо, словно прочитал всю его душу. - Ривека мне рассказывала о тебе ... Главное, чтоб все искренне - от сердца исходило ... За журнал спасибо, прочитал. К сожалению, у меня сейчас ни единой минутки... Но буду ждать к двум. Прямо ко мне домой. И без стеснений. Прощаться значит не будем?

- Не будем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА

Свободу! Свободы! Свободу! – в сотнях сердцах, из тысяч ртов и в лабиринтах мозга.

«Свобода!» - Величайший старец земли выводит из плена ставшим рабским израильское племя. И, как никогда раньше, мир содрогнулся от этого слова - Свобода.

«Свободы! - рот заключенного в крови от еще свежей печени своего сокамерника.

«Свобода - это риск!» - мечется художник в непонятном предчувствии нового. Выйти за пределы возможного! И ради этого не бояться перечеркнуть сотворенное... А потом - хрена? Ну и хрен с ним с этим хреном! свобода - это разорвать границы прежнего... Но свобода – разорвать границу прежнего, чтоб выстроить новые. Без этого все превращается во всеуничтожение.

«Свобода!»

«Свободы!»

«Свободу!» - Мир великовозрастных здоровых людей исходит в этих криках, как роженица в смертных родах. И лишь только Наумка не требует, не просит, не ищет и не ждет ее - Свободу. А значит...

В комнате лишь Ривека и Фред. Одни. Мир пустынен. Лишь эти четыре степы, безмолвное окно, красивые руки, глаза, губы ее, диван, на котором она притихла,

поджав под себя ноги. Фред только что закончил игру, руки со смычком и скрипкой стекают вдоль тела к полу.

Глаза в глаза.

Кажется, в эти секунды мысли только о музыке, но мелодия давно ушла, музыка была не для музыки - это пьянящее озеро, на легких волнах которого две лодчонки плывут навстречу друг другу. Они приближаются. Скрипка со смычком забыты - на полу. Фред на коленях подле Ривеки. Прикосновение губ к замершей руке.

- Я люблю тебя, Ривека! Твои глаза, твои душистые волосы! Я хочу целовать твои губы!

Ее плечи, растерянно сопротивляясь, опустились на подушку, черная коса потекла к краю задравшегося платья, к упругой белой ноге. Первые затаенные прикосновения губ показались солоноватыми.

- По твоим щекам ... слезы, Ривека? Отчего они? - и тогда его долгие поцелуи вдруг сменяются отрывистыми и благодарными:

- Милая! Родная! Единственная!

Чистое дыхание горячих любящих ртов...

... Скрипка на полу, и над ней два тела, как две чувствительные струны.

- Ты меня любишь, Фред?

- Да. И я хочу твоей любви! Ты никуда не уедешь!

Ее губы в сладкой улыбке:

- Мы будем вместе. Всю жизнь. Всегда. И ничто не разлучит нас! Правда?

- Да. Я люблю тебя! Сладкая! Я хочу тебя!

Она с испугом удерживает его напряженную просящую руку, потекшую к ее лону:

- Не сейчас! Прошу тебя! Не сейчас!

Его плечо обмякло на ее пульсирующей груди, и два сердца - как на ладони: - Я сберегу тебя...

Голова его соскользнула на подушку, ткнувшись в ее щеку.

Янтарные длинные пальцы Ривеки втекли в его виски - были нежны и ласковы, словно тысячи лет знали эти виски, волосы, и тысячи лет были научены ласке.

От неожиданно пришедшего удивления на ее губах раскрылась улыбка.

- Странно.

- Говори, любимая!

Ласкающие пальцы Ривеки сотворили из него щенка, у которого ласково почесывали за ухом.

- Как будто мои руки всю жизнь знали тебя. Как будто я давным-давно была научена этому. Вот даже стыдно стало ...

- Глупенькая моя! Это, наверное, память рук, память сердца. Мы с тобою были всегда. И сегодня, и вчера, и миллионы лет назад. Помнишь, когда мы построили в Иерусалиме свой первый Храм, твои нежные пальцы также ласкали меня. Если и есть бессмертие, то, наверное, в этом - в нежности, любви, которые переходят от поколения к поколению.

О. Александр уже в который раз просматривает статью «Христианство после Освенцима». Мысли протоиерея тяжелы, как жернова. И действительно, если мысль против мысли, все сотрется в порошок. Нет ничего выше, красивее, сильнее и в то же время ужасней и страшней человеческой мысли... Вся жизнь отдана христианству, а

вот теперь он может показаться непонятым. Но, возможно, все иначе и, может быть, это подошел Час его жизни, который нужно принять как бесценный дар Судьбы, выбравшей именно его, казалось бы, незаметного в Церкви протоиерея. «Ты предтеча пойд и объяви им». Что это было? Видение? Или глубокое погружение в молитву? А может явь? Отец Александр остановился напротив распятия меж окон. Явь? В любом случае это все равно было какой-то действительностью и он должен с этим выйти на проповедь. Должен объявить! Ради мира, ради того, чтобы вырвать из людских сердец злобу. Время настало. Время Великого Понимания, за которым должны прийти Мессия и Мир. И он, о. Александр, видел приметы этого Времени...

Тишина в комнате священника. Но, кажется, закрой на секунду глаза, вслушайся, и пойдет по миру скрежет работающих круглых камней, меж которых зажаты его дом, его книги, его тело, его иконы и кресты, и все это с хрустом, лязгом стирается в прах. Жернова...

Время перешло за два часа ... Но где же эта милая еврейская парочка ...

... А когда спохватилась Ривека, платье измято, волосы потрепаны и, Господи! Они с Фредом опоздали на встречу! Да еще с кем - о. Александром!

- Фред, что ж теперь будет? - посреди комнаты замерла ее растерянная фигура, а из больших глаз, кажется, вот-вот хлынут слезы, и, как маленький ребенок, она разревется на весь мир.

- Все будет в порядке! - Фред бодряще сжимает ее округлые плечи...

И по городу несутся, торопятся две фигуры - качается в солдатской руке скрипка, прыгает, шлепает по бегущей девичьей спине тугая коса. Только бы о. Александр не ушел. Только бы дождался. А там - он все простит...

...«Жи́ды! Кругом жи́ды! - мечется из угла в угол в монастырском дворе диакон Василий. - Убить о. Александра! Уничтожить всех его жидовских последышей! Всех, всех жидов!

О. Александр посмотрел на электронные часы, стоявшие на письменном столе. 14.45... Но вот и они: в окне, за низким забором озирались по сторонам озадаченные лица Ривеки и Фреда. Еще бы: опоздали почти на целый час. И никогда бы он, протоирей, никому другому не позволил бы такой роскоши. Но вот сегодня этой девчонке, которая была для него дорога, как дочь, и ее солдатику... Впрочем, если признаться, больше он ждал именно его - Фреда. Что-то, какое-то важное слово он должен был сказать этому молодому еврею...

... На брифинге к множеству микрофонов на столе потянулось холеное лицо:

- Евреи должны почувствовать ответственность за убийство Бога...

... Фред в упор смотрел на о. Александра:

- Какого бога я убил? Какого?!

В доме священника стало тихо, шевельнулась на краешке стула Ривека. Глаза опустились к полу: что-то резко обходится Фред с дорогим ей человеком, не надо так, Фред. Ведь я же люблю тебя...

- Ну вот! Вам и нечего сказать! - выкладывает Фред, а в Душе - коса о камень: ну и что, что перед ним протоиерей! Но лучше бы его не было и вовсе!

И вслух покати:

- Сколько же можно нести ответственность?! Две тысячи лет мы уже несем эту ответственность за надуманное богоубийство, но если б даже и ненадуманное, что, мало два тысячелетия?! Если мало, давайте дальше - убивайте! У меня есть семилетний братишка, вот его тоже в крематорий, в Освенцим! Ведь и он несет ответственность. В роддомах сейчас родились еврейские младенцы, а их вообще - на съедение псам. Ведь эти младенцы тоже «несут ответственность». Сжигайте! Насилуйте! Не то страшно, что христианство, а то, что всякие мерзкие писаки к этой «ответственности» толкают. А что значит эта ответственность? К стенке, значит! Перебить, мол, всех евреев!

Отец Александр сплел пальцы, и они сомкнулись в один плотный большой кулак. Казалось, он что-то хочет упрятать в нем, но ответил спокойно:

- Я знаю этого, не хочется язык марать об его имя, как ты говоришь писаку... Это нечисть. И злоба. Да к тому же такие служаки Церкви не нужны. А насчет ответственности ... Церковь недавно объявила, что за убийство Христа евреи всеобщей ответственности не несут.

.. Фред величественно, словно посол с важной вестью, ступает вдоль стонущих бараков Освенцима, раскрывает одну дверь, а из темноты на него с нар - десятки белых пятен бритых детских черепов.

- А ну выходи! - отеческим тоном приказывает он. - Выходи, Израиль, выходи! Новость важная есть! Вас всех пожигали, а вот евреи, оказывается, всеобщую ответственность не несут!

Тысячи бритоголовых матрасиков выстроились вдоль колючей проволоки Освенцима, Фред вскинул скрипку, одобряюще подмигнул и зазвучала его скрипка! Ох, какая это была вдохновенная игра! Фред играл Гимн! Еще бы! Ведь евреи всеобщую ... А за спинами детей выстраивалась шеренга взрослых с перерезанными горлами, прострелянными черепами, с изуродованными лицами и телами. И у всех на груди - шестиконечные звезды.

Желтые шестиконечные звезды.

- Становитесь, господа! Становитесь! - как освободитель был великодушен Фред. - Да потесней! Чтоб всем

места хватило! А то вон сколько нас во время погромов ... «ответственность» приняли! - Фред благодушно улыбался. - Поправь звезду! - скомандовал он кому-то отеческим тоном. - Веселей, братцы!

И вдруг ко взрослой шеренге бросился старик Дан. Восемнадцатилетняя женщина стала с краю. Черная тугая коса с лоскутом кожи свисала с ее обнаженного черепа. Старик спотыкался, падал и снова бежал к ней:

- Мама!

Вдруг он остановился, оглянулся на Ривеку. Она опустила голову.

Фред бросил скрипку, подвел к двум шеренгам о. Александра и диакона Василия.

- Вот, - показал на шеренги Фред. - Если Церковь признала, что евреи в убийстве никогда не существовавшего Христа всеобщей ответственности не несут, значит из этих детей, стариков, женщин, этих парней нужно выбрать тех, кто «несет ответственность». Но как вы будете узнавать, кто из них виновен? То есть, кого вы будете убивать? ... Может, просто по счету? Каждого пятого? Может, каждого третьего? А может, второго?

- Но ведь они уже убиты! - Ривека впилась в китель Фреда обеими руками - Убиты!

О. Александр и диакон Василий рассматривали две замершие в ожидании шеренги ...

«...Евреи всеобщей ответственности не несут» ... повторил Фред, и в комнате протоиерея поежилась тишина.

- Ты очень горячий парень! - священник перевел взгляд в окно.

- Ладно, - согласился Фред. - Оставим «ответственность». Вам здесь все равно ответить нечего ... Давайте о другом ... ну хотя бы, как Иисус на праздник заглянул в Иерусалимский Храм... Можно? - он попросил лежавшую на столе Библию. Полистал. Взглянув на Ревеку, начал читать:

«Приближалась пасха иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим. И нашел, что в Храме; продавали волов, овец и голубей и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме твоем снедает Меня.» На это Иудеи сказали ему в ответ: каким знамением докажешь Ты нам что имеешь власть так поступать?...»

Фред закрыл Библию, посмотрел на священника..

- Я слушаю тебя, сын мой, - густым голосом произнес он.

- Извините, если у меня резко выходит, - Фред неподдельно развел руками.

- Говори, говори, - кивнул о. Александр. - А твой друг Евангелие, видно, знает не хуже нашего, - улыбнулся он Ривеке.

- Так себе... Так вот, в какие хотите чудеса я поверю, но чтоб еврей пришел в Храм и там ... как бы то сказать ... пошел буйствовать, столы опрокидывать, людей гонять, за овцами бегать - вот этого никакой еврей себе не позволит. Психологическая неточность получа-

ется. Знаете почему? А потому, что Храм для еврея, - это прежде всего - ПРИСУТСТВИЕ БОГА. Вот что не учли евангелисты. Храм для еврея, да не только для еврея, - это прежде всего ПРИСУТСТВИЕ БОГА. А как можно в присутствии Бога людей бичами, как скотину, стегать?

- Но ведь это - Иисус - сын Бога! - вставила Ривека.

- А уж тем более, сыну Бога надо почеловечнее быть... Так что никогда еврей, если он нормальный, конечно, в храме такие вещи выкидывать не станет, - Фред в ожидании бросил взгляд на протоиерея.

Тот пригладил бороду и неспешно произнес:

- Но там ведь дальше написано: «...ревность по доме снедает меня...»

- Ну если уж так «снедает», то лучше всего не бичом, а пулеметик в храм, да и уколошить всех: и меновщиков, и продавцов, а овечек - на шашлычки. Тогда бы и другим неповадно было бы ... Но где же слова его? И чудеса? Почему именно в храме пропало все его красноречие? Тем более, что не такими уж эти меновщики и торговцы оказались упрямыми. Иисус их - колошматить и бока кнутом разрисовывать, а они с вопросами да с рассуждениями: докажи, мол, сначала, что имеешь прав так дубасить нас, а потом - пожалуйста - сколько угодно. Мы тебе еще пару кнутов подкинем и свои дурацкие лбы без сомнения подставим, - Фред на секунду смолк и вдруг пристально посмотрел на протоиерея:

- А ведь евреи не тронули Иисуса и пальцем... А что если я сейчас зайду в вашу церковь и начну переворачивать ваши сувенирные лотки, где за Библию с человека три шкуры дерут?! Где один ваш торговец свечками похлеще всех менял Иерусалимского храма! О-о! Что

они из меня сотворят!.. В вашей церкви у меня «удостоверения» спрашивать не будут, тут же на части разорвут! Как пить дать - разорвут! А что? Нет?

Ривека испуганно смотрела на протоиерея. Господи, в доме святого человека такое богохульство...

- Фред!.. - недовольно вырвалось у нее.

- В твоём сердце сейчас поселилась ненависть, - о. Александр казался неподдельно озабоченным. - Освободись от нее, сын мой.

- А что? Разве я не прав? А что если я сейчас вот возьму и сделаю то, что Иисус сделал.

- Но ты - не Он! - Ривека опустила голову. - Я жалею, что пришла сюда...

- То есть меня привела? Так? Зато я не жалею. А чтоб доказать, я точно пойду в церковь и разгромлю тот ларек, где с меня за Библию хотели три шкуры содрать. Думаете не пойду?! - Фред с нарочитым спокойствием взял скрипку, бросил «До свиданья» и через минуту разгоряченно шагнул от дома священника к церкви.

Оборачивались прохожие: куда несется этот странный солдат, глаза застыли, кажется, не дорогу видят, а что-то другое...

...В комнате о. Александра все притаилось, все замерло. Священник стал у окна, взгляд уперся в тяжелое свинцовое небо:

- Святой отец, как же теперь? А вдруг он и в правду ... в церкви - то ... - за спиной возник тревожный голос Ривеки.

Нет ответа. Молчит, душа. Молчит хмурое небо. Молчит весь, онемевший мир.

- Может, пойти за ним? - снова робкий голос девушки. Я боюсь, святой отец, он ведь и вправду начнет все переводить!

- Фред - не Он ... - расставил протоирей и вдруг содрогнулся от сказанного: значит... значит... Но тут же отшвырнул от себя неожиданно наскочившую мысль, вырвал ее из души.

- Не волнуйся, - он подошел к Ривеке, ласково погладил. - Но если хочешь, иди. Только ничего твой солдатик не перевернет, - и словно ушел в себя. - Ничего не должно произойти, не должно. Я сейчас тоже приду...

...Фред не замечал, как быстры его шаги. Мысль точно пульсировала по серой ленте асфальта.

«Хрена с два ты перевернешь что-нибудь в церкви!» «Переверну! Докажу!» «Ну посмотрим!»

На асфальте нищенка в лохмотьях, с грудным ребенком. Сидит, приборматывая какую-то молитву, и держит лодочкой грязную ладонь. В ней два - три медяка. Прошел мимо.

До церкви - метров четыреста. Она там - за поворотом. От быстрой ходьбы и разгоряченных мыслей взмок под фуражкой лоб. Остановился. Фуражка - под мышку. Шаги, поспокойнее.

И вот, кажется, остыл: к чему эта горячка? Бог с ними... Мир все равно придет к тому, к чему должен прийти.

... И вот Фред уже постоянный житель «известного» дома. Старожил палаты N 6. В полдень полосатые «пижамы» занимаются своими важными делами внутри прямоугольного садика, огороженного высоким забором.

Пришла важная комиссия. Наблюдает.

Фред стоит в позе мыслителя, взгляд из-под лба, руки напряженно скрещены на груди. Напротив, шагах в семи - тощая «пижама» упала на корточки, другая - лысая, с лохматыми бровями стоит над ней. Смотрят на Фреда. Неподалеку от них еще несколько «пижамок» опустились на корточки.

Эти тоже ждут - вскинули головы, смотрят на Фреда. И вот Фред вскинул руку, махнул и... поехало: внутри огороженного садика поднялось блеянье, лохматобровый стал кричать на все заседание, размахивая руками: - Подходите! Покупайте!

Фред решительно шагнул на него,

- Любопытно-о! - члены комиссии проявил и профессиональную заинтересованность, - Поясните, пожалуйста.

«Пояснял» врач отделения:

- Вот видите того, который вскинул руку - тот у них самый главный, бывший солдат - скрипач, но теперь он Иисус Христос. Помните в Библии - Христос изгоняет в храме менял и гоняет барашков?

- Да! Да! Конечно! - никто из членов комиссии даже не улыбнулся.

- Так вот наши ребята они и есть. Этот, значит, Иисус Христос, тот, что, на корточках - это «лавочка»

менялы. А тот, что над ним торчит - сам меняла. А вон те видите - тоже на карачках - пять штучек - это барашки.

А как «лавочку» подобрали! - восхитилась комиссия. - Спина-то худая, вроде доски.

А тем временем события разворачивались полным ходом: Иисус Христос вдруг стянул штаны, скрутил в «бич» и в трусах, вскинув «бичом», стеганул по уху «лавочника-менялу!»

- Ревность меня снедает! -орал Иисус, и крик его уносился далеко за пределы «Храма».

- Во что превратили дом отца моего? - орал он на «лавочника»...

... К церкви Фред подходил как бы обновленный, а у входа в храм подарил нищенкам по рублю.

«Вот и весь переворот», - внутренне усмехнулся он. Но ведь тем и лучше. Доказал, не доказывая. А в душе кольнуло: «Ты - не ОН!». Упрек Ривеки. Глупо все вышло. Надо как-то увидеть ее ... Я люблю тебя, Ривека! Ох как я люблю тебя, моя христианочка!

... А «христианочка» торопится, спешит: солдат ее, не приведи господи, уже и ранен, истекая кровью, лежит где-нибудь, выброшенный на дорогу ...

Оборачиваются прохожие - видно, что-то случилось, если девчонка летит, не разбирая дороги. Кого-то толкнула. - Извините, пожалуйста!

- Ах, красotka, ломаешь крылышки!

Вот нищенка с ребенком, ладонь протянута и пуста. «Прости, гражданочка, некогда мне сейчас, но я обязательно подам тебе. И загадала: если все обойдется, подарит ей и ее ребенку по десятке ... Спаси Фреда, господи! Уведи его руку от несправедных дел.

А за поворотом, увидев его, почувствовала, как тяжелы ноги. Присела бы где-нибудь, точно старуха какая или нищенка та. Но, слава богу, все обошлось. «Ничего не должно произойти. Ничего не перевернет твой Фред».

- Еще и улыбается! - она и не укоряла, просто слова одни, а значат другое: ты ведь так дорог мне!

Тепло слившихся ладоней.

- Я хочу целовать тебя! - приблизился он губами.

- Сумасшедший! Церковь ... люди ... кругом! - невольно отбросила плечи.

- У меня сегодня самый счастливый день!

- Ну и слава богу! А то ...

- Боялась за меня?

- Боялась - не боялась ... а кто тебя знает ...

- Да нет, - рассмеялся он и уважительно ткнул себя в грудь. Се - Человек!

- Человек ты - два уха!

- Ухи, как ухи! - и вдруг в глазах заселились чертики:

- Я тебе такие ухи покажу! Каждое ухо, как этот футляр! Пошли! - он толкнул калитку.

- Фред ...

- Ничего переворачивать не буду...

Войдя в церковь, не забыл снять фуражку.

Приглушенный свет стекал к овальному своду, и вместе с ним, казалось, поднимался к потолкам негромкий гул от молитв прихожан, на подсвечнике, как на праздничном торте, горели тонкие длинные свечи, золотом отсвечивали иконы на стенах.

Вид лотошника невольно вызвал улыбку. Фред заговорщески взял Ривеку за руку, кивнул в сторону лотка: - Пошли ...

Она повиновалась.

У лотка два - три человека нагнулись над прилавком, как над колодцем.

- Бог в помощь! - свойски улыбнулся Фред.

Лотошник пальнул пристальным взглядом: опять, мол, эта рожа. Но, не ответив, подал покупателям медный, на цепочке, крестик.

- Торговля ничего? - интонация Фреда была добродушной, но Ривека, тут как тут, одернула его за мундир.

Лопоухий задумался, а потом, встав напротив Фреда, поманил пальцем:

- Легко живется, паря? - и в упор с угрозой дохнул.
- Чего хочешь?

- Ну-у, сразу и слова нехорошие...

Лотошник вдруг изменился в лице, достал откуда-то из-под прилавка небольшую черную брошюру и дружески протянул:

- На-ка, артиллерия, полистай. А понравится - запросто так отдам. Что-то ты мне по душе пришелся! - сунул книжицу Фреду и, попросив присмотреть за лотком, нырнул куда-то в глубину храма.

Ривека и Фред переглянулись.

- Я тебя прошу, пойдем, - она заглянула в глаза.

- Попросил ведь человек. Еще что-нибудь подумает...

...О. Александр вышел из дома минут через двадцать после Ривеки.

Дорога к церкви. Хоженная - перехоженная. Прохожие почти все знакомые. Вот кланяются, Ему - еврею. Подумалось об этом неожиданно. И с каким-то чувством непривычного повторилось - еврею ... то ли упрек себе, то ли боль какая... А ведь и вправду христианство стало незримой стеной между ним и его соплеменниками, хотя вообще он никогда и не отказывался от своего еврейства.

- Благослови вас бог! - поклонилась ему русская старушка.

Подумалось о Ривеке и Фреде, разумеется, ничего не могло произойти. Не верилось.

Мысль скользнула к диакону Василию. Сейчас протоирей поймал себя на том, что в последнее время чаще, чем нужно, думает о нем. Скользкий тип. Настораживает и его показная подобострастность. Подобострастные люди - страшные люди - от них всегда жди ножа в спину. Подобострастный человек - существо ненависти... Да бог с ним. Не приближать к себе таких - и вся премудрость.

В темном углу церкви лотошник с жаром нашептывал на ухо диакону Василию:

- Жиды, мало того что своим видом церковь Христа поганят, еще и штучки там разные себе позволяют. Эта «фуражка» со скрипкой у меня во-где сидит!

- А где они? - с деланным равнодушием спросил диакон, про водя ладошкой по жидкой бородачке.

- Там ... возле меня.

- Хорошо, брат мой! - похвалил диакон... - Клопа не видел?

- Да с утра вроде во дворе ушивался.

- Найди его.

... Фред листает страницы брошюры, прочитывая некоторые строчки вслух: «Кратковременное пребывание тела Богоматери в гробе, и переселение Ее душой и телом на небо ... вместе с тем церковь учит ... от тления и разрушения к вечному бессмертию...»

- Спокойно, парниша! - вдруг падает шепоток из-за спины, и локти перехвачены чьими-то цепкими клешнями. - Без суеты, армия! С улыбочкой! - два незнакомца волокут его к выходу, зажав с обеих сторон. И скалят зубы: - улыбка для ближнего.

- В чем дело?! - ошарашенно выговаривает Ривека. - Что вам нужно? - забегают вперед и срывается в голос:

- Отпустите его!

В мгновение стихли молитвы и множество голов разом обернулось к выходу. В глазах любопытство, точно секунду назад и не было в их душах любимого Спасителя.

- Отпустите его сейчас же! - выкрикивает Ривека, но на нее тут же шикают:

- П-пшла, шлюха жидовская!

Фреда уже вытолкнули во двор. Прихожане, дружно отвернувшись от иконостаса, заторопились следом: шаркают подошвами, подталкивают друг дружку, словно боятся не успеть - «жареным» запахло. Дверь от потока людей уже не закрывалась, а со двора, еще

больше подстегивая нетерпение находившихся в храме, рвались крики:

- Он нашу церковь испоганить хотел!

- Антихрист!

- Дом Господень оскверняют!

Еще с минуту назад смиренные в молитвах лица, оказавшись за дверьми, на свету божьем, освирепели в секунду, словно свет слизал с них напаянные в церкви маски.

... Диакон Василий в опустевшей церкви с возбужденными глазами отмерял шаги от места где только что стояли прихожане до двери - куда они все вытекли за минуту.

- Двадцать шажков! - хихикнув, у выхода вскинул мудрым пальцем:

- От свечи до злобы - одно слово!

Он осторожно приоткрыл дверь.

... Толпа, стиснув Фреда в кольцо, тянулась к нему множеством кулаков, десятками скрюченных пальцев: достать, порвать, вырвать кусок кожи и мяса! Искажённые в крике лица:

- Бей антихриста!

Фреда завалили на землю. Прикрывая руками голову, он извивался под ударами ног.

Ривека пыталась разорвать шевелящееся кольцо из озверелых людских тел, оттаскивала чьи-то плечи:

- Вы же люди! Вы же христиане!

Какая-то женщина в истерике металась перед стоявшими во дворе зеваками, зажав кулаки, умоляла:

- Остановите их! Ну вы же люди! На коленях прошу!

- Бей антихриста! - подзадоривал со стороны коренастый мужичонка.

Клоп.

Приладив к плечу скрипку Фреда, подбросил толпе: - Смерть сионистской сволочи! - и согнувшись, точно профессионал, выцарапал смычком рваные быстрые звуки.

Взглянув на Ривеку, которая била кулачками по разгоряченным спинам, завопил:

- Ведьма! Она тоже с этим антихристом! Дави ведьму! Толпа вдруг заметила Ривеку, горящие глаза надвинулись на нее, чья-то женская рука схватила за косу, подоспевшие цепкие руки рванули ворот платья. Оно разошлось до бедра, оголив ослепившее девичье тело.

Мужичок ошалело замер, потом, дико хохоча, словно впад в какой-то транс, кусал края скрипки и неожиданно, в исступлении, с размаху разнес ее об асфальт.

- Ну, Клоп! Ну дает! - из щелки дверей поглядывал диакон Василий, но вдруг, увидев вошедшего о. Александра, рванул из своего убежища к толпе:

- Братья! - вскинув рукой, завопил он. - Остановитесь!

- Остановитесь! - С ужаснувшимися глазами крикнул о. Александр.

Толпа, то ли по голосу, то ли по какой-то цепной реакции услышала, ощутила - настоятель церкви! Еще секунду назад голодные, обезумевшие псы, они при виде священника рассыпались по сторонам.

Двор опустел. Лишь диакон Василий колдовал над избитым Фредом: осторожно ощупывал его руки, ребра.

Помог подняться. Мундир на Фреде был изодран, висел клочьями, весь был извалян в пыли.

Отстранившись от диакона, Фред, пошатываясь, поплелся к Ривеке. Она плакала, ткнувшись лицом в плечо священника, прижимая к телу разодранное платье. Протоиерей стоял растерянный, беспомощный, как большой виноватый ребенок.

- Ривека, - подошел Фред, - Ривека! - он взял ее плечо.

Она вдруг разрыдалась, вырвав плечо метнулась к калитке, но, видно испугавшись выйти на улицу, плача опустила на колени:

- За что?

О. Александр большим черным медведем приблизился к ней, поднял, прижал к широкой с крестом груди. Глаза священника заволочло от слез.

Возле крыльца валялась разбитая скрипка. Хромая, Фред подошел, поднял, безучастными глазами посмотрев на нее, выронил из рук.

Звякнули оборванные струны.

С опущенной головой стал возле священника и подрагивающей на его груди Ривеки.

Диакон Василий и еще несколько прихожан со стороны смотрели на них. - Видал? - негромко бросил диакон стоявшему рядом лотошнику. - Жиды в одну кучу сгреблись!

- Сгреблись! - согласился тот.

- Куда ни глянешь - везде только их рожи.

- Они мне тоже - во где! - лотошник чиркнул по горлу толстым пальцем.

- Все места позанимали. Вот и в церкви хозяйничать хотят!

- Да! С каких это пор жида христианами заделались?!

- Как видишь! Не-ет! Спасаться надо от них.

- Давно пора!

- А где Клоп?- тихо спросил диакон.

- А он - сразу ... как только этот пришел, сразу ноги «сделал»...

- Он сегодня молодцом оказался ... Клоп свое слово еще скажет!..

Фред еще с минуту молча стоял возле Ривеки и о. Александра.

- Ривека, может, мне нужно ... - нерешительно начал он.

- Уходи! - глухо, в грудь священнику расставила она. - Уходи!

Безжизненными плетями свесились руки Фреда, глаза ткнулись в землю. Хромая, он двинул к калитке.

Но на улице выла, уже приближалась к церкви милицейская сирена, напротив ворот смолкла.

Двое милиционеров втолкнули Фреда в патрульную машину.

В дороге, ужасаясь, он хватался за голову: до конца службы оставалось меньше месяца, почти - ничего, и вот так влипнуть. Что теперь будет?! Что же будет? ... Дисбат?! Сердце рухнуло в какую-то пропасть. Крышка! Нет! Только не дисбат! Ох, какой идиот! Теперь-то Сыч возрадуется! И вспомнилась его угроза: «Посмотрим!»

* * *

...Комбат не стал докладывать начальству выше. «Я научу его Христа почитать!» - пообещал он дежур-

ному по части, забрал Фреда из милиции и на следующее утро стоял с ним между двух водоемов. Одно озеро выше, другое - ниже. С год назад землю их них брали для насыпи под антенну. Тот холм уже обложили дерном, и он стоял, как огромный верблюжий горб с зачехленной на вершине антенной. Этакий горб с соском.

Образовавшиеся котлованы наполнили водой. Один котлован выше, другой - в метрах двадцати, ниже. Как чашечки весов, где одна под грузом опустилась, другая - поднялась.

- Переведешь воду из нижнего водоема в верхний ... — как бы предложил капитан.

Но произнес так, словно благодетельствовал.

- А ну-ка посчитай еще раз - сколько метров от озера 1 до озера 2!...

Мы так и будем их называть: то, что выше - озеро N1... , а это, следовательно, озеро N2. Значит, наша задача провести такой канал, чтоб вода из нижнего озера побежала наверх. А теперь посчитаем, сколько метров от одного объекта до другого, - он сунул большие пальцы за ремень и, как бы между прочим, расставил:

- Из пункта А в пункт Б ... В общем, Иври, пустяковая школьная задачка. А если не хочешь задачку, то можно эту бумажку использовать, - он достал из галифе копию протокола, составленного в милиции. - В лучшем случае, загремишь за хулиганство ... А там ведь люди ученые и еще кое-что могут припаять ... Как-никак деятельность-то свою ты в храме разворачивал. Не где-нибудь - в храме!

- Ничего я не разворачивал! - расставил Фред.

- Это уже никто не докажет... Но так или иначе у тебя есть выбор: или канал, или каталажка ... Ну еще

есть - дисбат. Дисциплинарный батальон, то бишь. А знаешь, что такое дисбат? Это, Иври, зона вдвойне. Оттуда обычно калеками выходят, но я тебе предоставляю право выбирать. Свобода, значит, твое излюбленное слова. Вот и выбирай! - и с какой-то злостью выдавил:

- Это - твой Суэцкий канал! Понял! Я там подышал, а ты здесь сдохнешь! - но тут же, вроде бы, подобрел. - Но у тебя все-таки шанс: перебежит вода в верхний котлован - твоя взяла ... - и, не дожидаясь ответа, повернул к казарме.

И снова, торчавшие в окне солдатские головы смыло, как ракушки волной.

Сорок шагов насчитал Фред от нижнего водоема до верхнего. Двадцать метров. Если каждый день копать по метру, значит через двадцать дней ... Но ведь вода хлынет с верхнего в нижний. И как бы он ни копал, какую бы хитрую траншею ни вырыл, вода будет течь только вниз - из верхнего в нижний. И никогда не потечет вверх. Нет таких законов в природе! ... Сука Сыч! Но если это невозможно сделать? ... Чего же он тогда хочет - падла «суэцкая»! ... Но все равно это - не дисбат! Но, может, лучше тюряга? Там хоть ясно: дали год - отбарабанил - вышел ... В раба меня хочешь превратить?! Хрена!- Фред зло бросил вслед Сычу скрещенные руки ... и никаких дисбатов! Никаких тюряг! Двадцать метров - это двадцать дней! Целых двадцать дней! Думай! Думай, Иври, думай! На то ты и Иври! ... Эх, если бы не этот блядский протокол ... А земля под ногами - сплошной гравий!

Носок сапога подбил каменную почву, но ни следа, ни вмятины, лишь плоский камешек отлетел в сторону.

На площадке меж водоемами были разбросаны большие камни. Фред толкнул один. Этим камнем, да по его роже, подумал он о комбате.

Тяжелое небо, как подстрелянная птица, накололось на колючую проволоку высоченного забора. Подумалось о Ривеке. Неужели ... разрыв? А чего ж еще ожидать? Ему этот канал рыть, и пока он будет ковырять здесь землю, Ривека улетит. В Иерусалим ли, Хайфу, Тель-Авив, но все равно - навсегда! навсегда! - В душе поселилась воющая дворняга.

За спиной послышалось шарканье сапог. Фред оглянулся: гуськом, друг за дружкой - пилотки сдвинуты на носы, словно виноватые перед ним, топали - плелись ребята его призыва: впереди Паша, следом Хамишевич, Саша Клат, и замыкал эту унылую процессию Коля Стренадко.

Грызанов посматривал в окно .

...Сунув руку в грудь Фреда, ефрейтор вырвал сердце и длинным шакальным языком, закрыв от удовольствия глаза, стал слизывать с сердца кровь ...

Ребята подошли к Фреду, стали кружком.

- Ну че он? - Паша кивнул в сторону окна комбата.

- Суэцкий канал мне придумал, - Фред бросил глазами на озеро.

- Чего? - Стренадко неподдельно раскрыл рот.

- Воду, говорит, нужно перевести из нижнего озера в верхнее.

Призадумались.

- Так она ж наоборот потэче! - изумился Стренадко и замотал головой. - Ой, який сука он! Ой який блядь!

- Может, помогать как? - здоровенный Хамишевич, и сам не зная, как бы это могло быть, беспомощно развел руками.

- Нет, Хамишевич! Никто мне теперь не помощник. Лом и лопата - мои брат и сестра! - откуда-то вынырнула фраза. - Пойду искать, - и он побрел к старой казарме.

Лома не было, но нашлась кирка и ржавая лопата. Фред вернулся к котлованам. Осмотрелся.

Самым паскудным было - это пять окон казармы: четыре огромных - спального помещения, и одно, как кошечья глаз - офицерского кабинета, сычевский глаз. Все пять окон прицельно лупили по площадке, где Фреду предстояло колупать землю. Вид из этих окошек, конечно же, должен был умилять: два озерца, и на площадке меж ними - Фред, машущий киркой. Эти окна превращали площадку в лобное место: всякий мог полюбоваться на еврея, который одиноко и остервенело вгрызался в землю.

От таких мыслей хотелось вешаться: унижение предполагалось на славу! Большого и не придумаешь!

Фред пнул сапогом лопату.

... Двадцать метров, двадцать дней, насчитывал снова Фред.

Но почему именно двадцать? Почему не десять, не тридцать дней? Ведь эта блядь не устанавливала никаких сроков.

Пять окон прощупывали каждую клетку его души... Глаза сманивало, тянуло в их сторону, словно кролика на гипнотизирующий взгляд удава. Фред меж двух озер, спиной к окнам, но хоть боком, хоть раком - один хрен - он все равно, как на ладони.

«Начало» становилось самой настоящей казнью. Издевкой. Как ни крути - ни верти, а приступать к этому долбаному каналу придется. С какого тогда озера начинать? С верхнего? ... Но тогда он постоянно будет в воде ... Мысли вдруг заерничали, как шуты. Но копать все равно нужно ... Если не с верхнего, значит, с нижнего. Не с середины же! А почему бы не с середины? Шут, встав в позу короля, выпятил грудь. А может, и ему самому принять шутовскую роль?! Чем он сейчас не шут?! Ярость накатывала, как снежный ком.

Фред поплелся к нижнему котловану. Уровень воды в нем был ниже берега примерно на один метр. Если копать до уровня воды, значит надо вгрызаться в землю на этот самый метр. А почему именно до воды? Она ведь все равно не побежит вверх. Если копать ниже ... Шуты заюродствовали, заерничали, насмешливо позванивая колокольчиками, тыкали в него пальцами. В душе он уже выл, катаясь по земле, отчаяние распирало мозг, и казалось, вот-вот разорвет его на части.

Бессмыслица! Все бессмыслица! И то, что он приступил к этой бессмысленной работе, и то, что думал, самое паскудное - думать, как выполнять эту бессмыслицу ... Казнь.

Фред посмотрел на свои руки. С какой бы радостью он сейчас отрубил бы себе пальцы, руку, обе руки, но чтоб не знать этого унижения, чтоб не стоять под прицелом поедающих душу пяти окон, чтоб не делать, доводящую до безумия эту паскудную, бессмысленную работу ... Но такую ли бессмысленную для той мрази - Сыча!

В ярости, выложив все отчаяние в удар, он с размаху ударил киркой по краю водоема. Острие, попав на

камень, отрекошетило, кирка чудом не сорвалась с рук в водоем. Пять окон пристально изучали его профиль, нужно было погасить отчаяние! Нужно было просто работать.

Кирка с размаху рубанула по земле. Еще такой же удар. Третий. Четвертый. Комья развороченной земли, галька скатывались в котлован.

В первый метр уместились все существовавшие на земле злость и отчаяние. В землю Фред углубился сантиметров на восемьдесят, до уровня воды не дошел на штык-полтора.

Сидел в этом же окопчике, привалившись спиной к обнаженной прохладной земле. Руки горели от вздувшихся, как гнойные волдыри, мозолей.

Бросил ком в замершую у самых ног зеленую воду ... Как все будет? ...

Снова сдавила тоска. И никуда от нее не деться.

Над окопчиком неожиданно выросла фигура Сыча. Молчание.

Фред почувствовал холодный взгляд капитана - сверху - вниз, на дно, на плененное окопчиком его тело.

- Перекур ... или что? - сверху упал бесцветный голос.

- Все ... - Фред смотрел перед собой на зеленую полосу воды.

- Что - все?

- На сегодня все ...

- Когда говоришь со старшими по званию, надо вставать, Иври.

Фред нехотя поднялся, оставшись по пояс в яме. Глаза оказались на уровне сычевского ремня, Фред повернулся лицом к водоему.

- А почему не докопал до воды? Как же вода победит? Вроде бы ты и не глупый, - спокойно рассуждал комбат. Умело. Спокойно. Он знал, чем спокойней, тем больше злости закачаешь в чужую душу, тем эффективнее затравочка.

Фред стиснул зубы.

- Такая работа не пойдет, нужно докопать до воды, - тон Сыча был не приказной. Со стороны даже мог показаться добрым наставлением. - Надо продолжить... Иври.

Фред сжал черенок лопаты. Глаза на мгновение затуманило, но он справился с собой: сцепив зубы, остановил накатывавшие слезы, лишь одна сорвалась на дно амы. Глаза посветлели.

Фред продолжил работу. Штык под ногой упруго вошел в землю. Движения рук, тела размеренны. Только душа, как оплеванный колодец, как живая плоть, по которой раз за разом полощет нож.

Капитан закурил. Спичку прицельно сбросил в окопчик, она упала перед лопатой, вошедшей в землю. Фред, с трудом сдерживая себя, вывернул пласт земли, накрыв им спичку.

- А я недавно твои, так сказать, афоризмы вспоминал, - вкусно дымя сигаретой, почмокал Сыч. - Помнишь изречениями одно - Велик только Иуда! И никто из тех ... Да-а, ничего не скажешь - лихо! ...

Фред с молчаливым упорством всаживал лопату в землю.

Штык за штыком. Наклон - удар сапога по стыку - выброс, наклон - удар сапога - выброс. Лишь боковое зрение схватывало зеленое галифе, стекавшее в короткие хрозовые сапоги.

Надсмотрщик над рабом, разве что плетки нет, но вместо плетки хлещут желчные фразы:

- Да, Иври, вон, оказывается, сколько ты зла нако-вырял... Но я понимаю тебя. Это тебя кирка с лопатой обработали. Да, земля, видать, не подарок, но я не злой человек, хочу помочь тебе. Выполнишь, скажем, мою просьбу, считай - у тебя все в порядке. Протокольчик тут же, при тебе порву, тем более, через недельку – другую - демобилизация пойдет... Так что есть возможность на дембель первым пойти. Как говорится, с почетом.

Фред глянул снизу вверх. Лицо комбата, по обыкновению, было спокойным. Точно он отдыхал на пляже.

- Так что, Иври, твоя судьба в твоих руках.

Фред ждал.

- А дело-то пустяк. Хотя и очень серьезное, - Сыч стрельнул окурком в пруд. - Я бы очень хотел, чтоб ты встал на путь истины ... Хочется мне тебя христианином видеть.

Фред внутренне содрогнулся: вот чего задумала эта сука! ...

- Ну, а что? - благодушествовал комбат. - Всякое бывает. Вон, даже самый первый апостол Павел и тот поначалу Христа преследовал. Но однако ж в христианство и перешел. У тебя тоже были ошибки, но ничего. Все может загладиться, только в церковь сходить да покаяться, грехи свои отмолить. Можно сходить в ту самую. Христианство примешь, кресту поклонись, а там - и увольнительная в кармане. Вместо протокольчика. Видишь, вместо дисбата я тебе твой родной дом предлагаю, небось и бабенка ждет? Кто ж тебе еще предложит такое.

Фред вонзил лопату в землю: христианство ему принять...

...Вспомнилась комната Ривеки. «Жила одна еврейка Хана. И было у нее семеро сыновей...»

Фред поднял на капитана глаза. Врезать бы ему этой лопаткой промеж глаз за «дом родной» ... Но то ли вставшая в памяти история о Хане, то ли еще что, как волной смыло злобу.

Фред облокотился о край ямы. Говорить, все время задирая голову, хрена тебе, скотина, но все же, глядя перед собой - на замшелую поверхность пруда, расставил:

- Разрешите, товарищ капитан, рассказать вам одну историю.

- Надо понимать - вместо ответа.

- Так точно.

- Ну смотри, парнишка...

- Смотрю, товарищ капитан... Во времена, когда царь Антиох завоевал Израиль, евреев заставляли поклоняться идолу. Но для еврея изменить своему богу - хуже смерти. Жила в то время одна простая еврейка - Хана. Было у нее семеро сыновей. Решил Антиох покорить их, чтоб сыновья идолу предались. Привели к царю старшего сына. Поклонись, говорит царь, образу, не подчинился старший сын: «Ибо сказано в писании, - говорит, - только господь Бог твой!» Убили его. Позвали второго. «Поклонись, иудей!» - требует Антиох. «Нет, - отвечает второй. - Не поклонюсь. Нет у меня других богов, кроме одного бога!» Убили второго.

- Круто, - перебил комбат, - ну и какой ты по счету из тех сыновей? Третий? Пятый? Седьмой? Седьмой, наверное, тоже отказался идолу поклоняться?

- Отказался.

- Но зато ты не откажешься. Понимаешь. Иври, народец сейчас не тот пошел, что во времена царей... Для нас ведь теперь своя душонка прежде всего. У человека к жизни любовь поднялась. Не то, что раньше - при царях твоих. Потому, что сам человек теперь и грошика ломаного не стоит. Парадокс получается: чем дешевле становится человек, тем жизнь свою дороже ценит ... так что - ты не сын Ханы, да и Христос не идол. Но, как я понимаю, христианство тебя не привлекает...

- Не привлекает...

Ну ладно, Иври, - капитан с усилием сглотнул раздражение. - Убивать я тебя, конечно, не буду ... Копай! - он носком сапога обсыпал край ямы. - Копай, сын Ханы, - с усмешкой шпильнул он и затопал своими короткими сапожками в казарму.

Пять окон нацелились на яму, Фред увидел себя торчащим из нее по грудь.

Говорят, одиночество - это когда тебе не с кем поделиться, но можно и по-другому.

Одиночество - это когда в тебе присутствует весь мир, но нет в нем лишь самого тебя.

Фигура капитана стояла за углом казармы.

- Хрен я положил на все твои предложения, господин капитан! - сплюнул Фред .

...Откуда-то из-за казармы неожиданно возникли израильские «Фантомы» с шестиконечными звездами. Качнув над окопчиком крыльями, они умчались вдаль и снова, вернувшись и блеснув на солнце стремительными шестиконечками, словно поприветствовав Фреда, втекли в горизонт...

- Твой Суэцкий канал! - вспомнились слова Сыча.
А раз так, значит он - Фред должен был выстоять.

Фред взялся за лопату.

Оставалось только выбросить разрыхленную землю.

Тонкие язычки воды, лизнув дно, зазмеились по окопчику.

«До воды хотел, падла! Вот тебе и вода!»

Кирка и лопата сброшены в яму. Свесив ноги, Фред сидел на краю окопчика.

Осеннее гаснущее небо зависло серой тканью, словно вечер раскинул над дивизионом светомаскировку.

Вот и первый день на «канале». Ладони горели, словно он схватился за раскаленные прутья. На скрипке такими руками не сыграешь. С болью увиделась разбитая скрипка, словно на сером асфальте изуродованная девчонка. Могли изуродовать и девчонку ... Ривека.

Если бы не о. Александр, толпа раздавила бы ее. Ривека. Теперь они, наверное, уже никогда не увидятся. Во всем виноват сам. Но виновен ли?

... На подоконнике, на тонкой картонке, будто на какой-то крохотной сцене, стоят несколько пластилиновых фигурок. Размером с мизинец каждая. В ней еще десяток желтого, коричневого, черного цветов - персонажи Нового Завета. Ривека взяла одну поменьше - Иисус со вскинутыми к небесам руками. Стала медленно снимать. Фигурка переламывалась. Ривека, вдруг испу-

гавшись, выправила ее, перекрестилась: Господи, прости меня грешную. Господи, прости меня! Ты есть! Ты есть и будешь, Господи! И никому не убить веру в тебя!

Смотрела убегающими глазами в окно: серое небо за стеклами, какое-то отчужденное, словно не принадлежавшее ни земле, ни людям, замерло в своем непостижимом далеке. Взирает холодно и безразлично. А можно ли на весь этот озлобленный мир смотреть иначе? И смогла ли бы она сама сохранить любовь к человеку? Хватило ли бы ей милосердия не отвернуться от людей, хотя бы после случившегося в церкви? «Ведьма! Дави ведьму!» Искривленные в злобе рты, десятки безумно нацеленных глаз ... Женские скрюченные пальцы, рванувшие на ней платье ... И ее тело, подставленное под звериные взгляды. Об этом уже, наверное, говорит весь город.

И увиделось: шепчутся искривленные губы, усмеваются, жалят взгляды, тычутся пальцы - в автобусах, на улицах, домах - везде! Опозоренная! Как жить?

Ривека бросилась на диван, плача, сползла на пол; «Я не хочу жить!» А в мыслях отец, мать, - только бы не разрыдаться! Только бы не услышали! Кусая губы в кровь, душила рвущийся из груди плач. Сплюснутая щека слиплась с намокшим полом.

Но дверь неслышно отворилась, в створку гляну ли внимательные осторожные глаза, словно взгляд на цыпочках. Елизар.

- Что случилось, Ривека? - Елизар уже был на коленях подле, отнимал от пола сопротивлявшиеся плечи. - Сестренка! - он прижал ее к груди нежно, словно дочь. Она слышала тепло, точно подставили раскрытую ладонь: отдай боль твою!

Ривека обняла брата, и теперь уже не был страшен ни громкий плач, и никакие рыдания.

Елизар, все еще на коленях, нежно гладил подрагивающую на его груди голову:

- Кто ж тебя так обидел, сестренка? Скажи! Ты ведь мне все говорила!

- Звери! Они звери! - и стали беспорядочно падать слова, отрывки слов, подрубленные всхлипыванием. - Они хотели ... убить меня! - она разрыдалась, но это уже была последняя сладкая волна плача - было жалко себя и хорошо. Хорошо, что есть такие сильные руки брата и он любит, и жалеет свою сестренку.

- Кто они? - замер Елизар.

- Там ... в церкви ...

- Ты можешь показать кто? - он оторвал ее от себя, стараясь заглянуть в припухшие мокрые глаза.

Она покачала головой.

Елизар уложил ее на диван, сел в изголовье:

- Ладно, сестренка, успокойся. Все выясним ... ты одна была?

Молчание лицом в подушку. - Так одна?

- Нет.

- А с кем?

После паузы она нерешительно выговорила:

- Он к нам домой приходил, - она уже успокоилась, но голос после плача звучал простуженно.

- Этот солдат что ли?

Молчаливый кивок на подушке.

- А он че? Не видел что ли?!

- Они били его. Свалили на землю и били ... Ногами.

- Ладно, успокойся, сестренка. Разберемся! - задумавшись, проговорил. - Вы еще в рубашке родились. С толпой шутки плохи.

Дверь тихо приоткрылась, и в ней появилось встревоженное лицо матери.

Елизар, незаметно для Ривеки, снизу бросил рукой и словно для нее же - подбодрил:

- Ничего страшного. Все нормально.

Дверь закрылась, упрятав долгий материнский вздох.

- Как говорится, все, что ни делается, все к лучшему, - он пощекотал кончиком косы по ее щеке. - Хоть туда ходить не будешь.

Она метнула быстрым взглядом, вырвав из рук брата косу, переметнулась за его спину в угол дивана.

- Извини, сестренка. Я - точно балда! Мне так и говорят: какая у тебя сестра красивая! А умница какая! Мол, не то что ты - охламон, и нарочито горестно вздохнул.

Ривека, как виноватая лисичка, обняла брата со спины:

- Если б ты знал, как я горжусь тобой. Знаешь, когда мне тяжело, я как подумаю, что у меня есть такой брат, знаешь, как легко становится. Брат и еще...

- Скрипач небось?

- Нет.

- Христос, конечно...

- Да. Каждая душа должна быть защищена от всего злого в том мире. Иначе зло перельется в твою душу и ты будешь всю жизнь с этой, самой тяжелой ношей.

- Ага! - он поднялся, перекосившись в одну сторону, точно тащил тяжелый мешок, заковылял по комнате:

- Ох, не могу! Ох, тяжело! - и, не выдержав, плюхнулся на пол, картинно разбросав руки. Все, мол, издох.

Ривека улыбнулась, но словно получив одобрение, расхрабрилась:

- Каждый человек что-то значит для другого. Вот ты что значишь для меня?

Елизар приподнялся на локти:

- Как что? Брат ... значу ...

- А что это значит - брат? Это значит - ты моя защита. Страж моей чести. А я для тебя, следовательно, значу - твоя честь. Это я только об одном. Ты ведь не только моя защита, но еще...

- Сабля! - он вскинул рукой

- Вот - вот! А родители - наша совесть. Это - дорога к любви. Иисус - тоже дорога. Это отдушина в мире зла ... Когда я вижу подлость, грязь, когда мне больно, я знаю - он первый, кто успокоит меня.

- А я?

- И ты тоже. Но только я ж не могу тебе все говорить ... ну я, конечно, все говорю... но...

- ... «но» - это про бойца со скрипкой? - и, полусуто, подбросил. - А он что для тебя значит?

- Он? - от хлестнувшей неожиданно мысли Ривека замерла: ведь Фред не принимает Христа.

- Ну ладно. - Елизар поднялся, потрусив ладони, полувопросом проговорил:

- Не знаю ... Но ведь мы уезжаем. И не куда-нибудь - в другой город, а в чужую, то есть - другую страну.

...Фред целовал ее губы, шею, «Мы останемся здесь: Нет, мы вместе вернемся в наш Израиль... «А что он значит для тебя?» «Он ведь хочет отобрать у меня самое святое - Христа...»

Взгляд Ривеки потек к подоконнику, к лежавшей на нем картонке с пластилиновыми фигурками Христа. А ведь она, пусть неосознанно, чуть не сломала одну из них. Неужели и вправду это сомнения?!.. Безумные глаза, руки... Треск разорванного платья ... Марина, принеся в церковь свою одежду ...

- Ко мне кто-нибудь приходил? - она взглянула на брата.

- Да вроде бы никто. Кто-то должен был прийти?

- Да нет. Но, может быть, Маринка ...

- Слышь, сестренка, а давай я звякну ей. Смотри, какой вечерок. Прошвырнитесь по местечку, развеешься ... а?

Она пожала плечами.

- Один момент, - и каблуки его уже быстро затопали по лестнице .

... И вот уже красные «Жигули» несутся по Горску. Марина покровительственно похлопывает по плечу Ромы. Тот доволен, словно кот, который только что умял хозяйскую рыбку. Полный кайф.

- Когда поедешь в Израиль, вызов мне пришлешь? - Рома в зеркало взглянул на Ривеку.

- А разве у тебя нет? Мне казалось, весь Горск уже имеет.

- Нет, у нас тоже есть, целых три штуки. Из Иерусалима. Нацерета, Хайфы ... но если ты пришлешь вызов ...

- Эх, Ривека, совсем загубила парня ... - и мимоходом помахала в окошко заглядевшемуся на нее парню. -

Привет, козел.- «Козел» не слышал своего имени, радостно проводил ее взглядом.

- Эх, полюбил бы меня кто-нибудь, как мой братец тебя! - Марина повернулась к подруге. - На край света готов махнуть. В христианство готов податься!

- Хоть сейчас! - выразил согласие Рома.

- Не то, что некоторые, - подбросила Маринка.

- А кто это «некоторые»? - он с любопытством взглянул на сестру.

- Да есть такие... Прицепился к моей подруженьке один тут ... Из-за него чуть не убили ее ... Нет, Ривека, как хочешь, а он тебе - не пара.

- Кто - «он»? - небрежно спросил Рома.

- Да ты его знаешь. Солдата помнишь? Еще подвозили его...

- А, скрипаченок этот?

- Он самый.

- Ривека, одно твое слово, и он больше не появится, - с ленцой произнес Роман.

- Он, наверное, и так уже не придет, - она взглянула в окно.

- А давайте на природу! - вдохновился Рома.

- И то правда! Вечерок-то какой - красота! - Марина вдохнула, как от букета роз.

... Жигуленок остановился на берегу реки.

...Свежий воздух, на багажнике две бутылки шампанского, конфеты, фрукты.

Бабахнула пробка, вызволив из серебристого горла пенистого шумного джина. Джин зашипел в трех стаканах и, словно усмиранный ими, превратился в золотое искрящееся вино.

Из машины струился сладкий, зовущий голос суперзвезды. На мелодию накатывал порывистый шелест реки. Еще один фон к спокойному небу, красивой музыки, шампанскому, блеску глаз.

- За мое желание! - Марина с хитрецей посмотрела на Ривеку. - Идет?

- Идет! Но только за какое?

- Ну раз сказала «А», значит нужно сказать и «Б». За то, чтоб я в один прекрасный день гуляла на свадьбе моего брата и моей подруги! - она выпила, и ей тут же захотелось подышать над рекой.

- А вы потанцуйте пока! Вон какие песенки! - она кивнула на открытые дверцы машины, из которых по-прежнему струился голос суперзвезды, и пошла вдоль реки искать воздух посвежее.

Рома отпил игристого, стал перед Ривекой: - Потанцуем?

Она пожала плечами. Топтались на пожелтевшей низкой траве.

- У тебя душистые волосы, - он удерживал руки на ее лопатках, притягивая к себе.

Она пыталась сохранить дистанцию, но расстояние до его лица с мгновениями таяло. Соприкоснулись коленями.

- Я люблю тебя! - хрипнул он, склонился к ее рту, но успел лишь коснуться кончиков губ - Ривека отпрянула, вырвалась из его рук, забежала за машину.

Рома, провинившейся дворнягой, через минуту поплелся следом.

- Прости ... но я не могу без тебя! - он сел у нее в ногах. - Я все равно тебя никому не отдам. Никому! - он приник губами к ее коленке. - Я же люблю тебя!

Она высвободилась из его рук, села в машину:

- Поехали, Рома. Уже поздно, - она хотела захлопнуть дверцу, но он удержал ее.

- Скажи, ты любишь его?

- Кого?

- Солдата этого.

- Я люблю только Христа, - она думала о Фреде и отвечала скорее ему, будто перед ней был он, а не Рома.

Рома вдруг сорвался с места, закружил вокруг машины:

- Ривека любит только Христа! И я тоже люблю Христа! Ривека любит ... Маринка! Двигай сюда!

Та беспечной, вихляющей походкой подрулила к машине, принимая уже налитый стакан шампанского, с любопытством прошлась по лицам Романа и Ривеки. Та сидела в машине, покручивая свое шампанское на коленях. Рома, облокотившись о дверцу, светился лицом, как фонарь.

- Чем ты его так осчастливила? - хмыкнула Марина. - Смотри, светится, хоть сто рублей проси.

- Никого я не осчастливила, - мол, чего это ради, передернула она.

- Ну ничего! - подбодрил себя Рома. - Все еще впереди! А этот бокал я поднимаю за Иисуса Христа! За то, что мы любим только его! - и с намеком: - Только его и никого больше! Так, Ривека?

- Ладно, поехали, - она вложила стакан в остолбеневшую руку Ромы. - За Него молятся, а не пьют! - и незлобно Марине. - Ну что, надышалась над рекой?

- С тобой надышишься!

Ривека рассмеялась, с вызовом хлопнула дверцей.

Домой, так домой, ничего тут не попишешь - Рома на прощанье просигналил реке, и машина, словно телега, затряслась по каменистому берегу.

Выбрались на трассу. Мост. Первые дома городской окраины.

Рома вдруг затормозил, заглушил двигатель, секунду глядя перед собой, словно перед последним боем, сжал руль:

- Ривека, я подам документы на выезд! Я брошу все!

Шедшие сзади автомашины длинными сигналами обляяли ставший на дороге «Жигуленок». Но машина стояла, точно прикипела шинами к асфальту, поток автомобилей стал огигать ее, точно река ставший на пути валун.

Рома не видел ни их, ни выразительных жестов водителей и не слышал отчаянно злых сигналов. Он по-прежнему сжимал черную баранку руля:

- Я брошу все! Я поеду с тобой! Только скажи - «да»!

- Ох и подруга у меня! - завелась было Марина, но Рома тут же оборвал ее: - Подожди!

- Нужны вы мне оба! - отвернулась к окну.

- Можешь не отвечать ... сейчас. Завтра я приду с родителями.

- Я тебе уже отвечала...

Рома врубил двигатель и на скорости бросил машину в уличный поток.

Автомобиль летел, обгоняя на большой скорости, одну за машину одной.

- Все равно мои родители придут снова! - процедил Рома. - Они будут ходить сколько понадобится! - и силь-

нее придавил педаль акселератора. - Все! Решил! Завтра подаю документы! - с куражом прихлопнул по рулю. - Израиль - так Израиль!

- Не гони! – Марина в страхе вжималась в кресло. - Что ты делаешь? Останови! Останови сейчас же!

- Держись, старуха! - Рома с истошным сигналом обошел метнувшийся вправо, видно испугавшийся, белый «Жигуленок». Резко сбросив скорость, поймал в зеркале глаза Ланы, она улыбалась, глядя на Марину.

- Фу-ух! - выдохнула та, когда машина пошла спастительно медленней, и облегчила душу длинным, классически закрученным матом.

Повернувшись к Ривеке, нарочито пригрозила пальцем.

- Больше в эту машину ни я, ни ты ни одной ногой! - и миролюбиво подкралась. - Ты на меня не в обиде, Ривека? Хоть проветрились немного.

- Спасибо тебе, Маринка! - она попросила, чтоб ее подвезли к дому священника.

Жена о. Александра Надежда Ивановна, поливала во дворе розы. Увидев Ривеку, поставила кувшин на асфальтовую дорожку:

- Дюймовочка наша пожаловала! - Надежда Ивановна, обняв ее за плечи, повела к дому. У крыльца вздохнула:

- В последнее время молчит все больше. Словно камень на душе какой, - и развела руками. - Не знаю! Иди доченька. Иди. Как раз давеча про тебя спрашивал. Беспокоился. Ривеку, говорит, что-то в церкви не видел...

О. Александр в рабочей рясе работал за письменным столом; на столе, рядом со стопками книг, фосфорически светились электронные часы.

Ривеку не замечал.

Откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза. Нервно отброшенная ручка скатилась с белого, наполовину исписанного листа.

Ривека посмотрела на львиную красивую голову и, казалось, не узнавала. От закрытых век растекалась по комнате неожиданная усталость. Что-то еще отдалось в душе с болью ... Одиночество. Она вдруг почувствовала, что этот добрый, ласковый человек одинок. Но почему? И разве может быть одиноким тот, кто находится в такой близости с Богом? Эта мысль обдала холодом.

Львиная голова повернулась в ее сторону. Увидев Ривеку, священник потеплел глазами, улыбнулся. Выпрямился.

- Прости доченька! Вот измучила меня эта книга. Проходи.

Садись, - он показал на черный, с поистершейся кожей диван. - Что-то ты совсем забросила старика.

- Я не забросила! - натянув на-колени платье, кивнула на стопку исписанных листов. - Книга большая будет? - а в мыслях стелился один и тот же вопрос, тревожил и временами, казалось, вот-вот сорвется с губ: «... одиночество... Бог...»

О. Александр говорил о книге, но вдруг смолк, с виною в голосе спросил:

- Ты в церковь ходить не будешь? - походило больше на просьбу.

Ей захотелось подойти к священнику, без умолку говорить теплые, добрые слова, отогреть его усталое, как виделось ей, сердце.

- Разве ж я смогу без церкви ... Без Христа, - и призналась. - Только после того ...

- Да, - коротко выдохнул священник, - Хотел я начать следствие, но меня отговорили, У твоего дружка-солдатика могли бы возникнуть неприятности. А парню-то служить-то всего ничего... Скрипку разбили, надо купить. Скрипка у него была ценная? - он вопросительно посмотрел на Ревеку.

Она пожала плечами.

Протоиерей задумался, скрестил на груди большие, руки, накрыв ими массивный серебристый крест. Взглянул на Ривеку: - А твой дружок - с головой! - и лукаво подался вперед. - Вот бы из него священника... а? Вот такой получился бы! - он вскинул большой палец. Помолчав, спросил:

- Не давал о себе знать?

Она покачала головой.

- Ну ничего. Все пройдет. Еще со смехом вспоминать будете. Помянешь мое слово. Сядете как-нибудь вечером, а у вас уже семь малышей.

- Не сядем ...

- И почему?

- Он хотел отобрать у меня Бога.

- Девчонка ты еще несмышленная. Прости, пожалуйста. Бог - это прежде всего любовь. Он хотел отнять у тебя бога, а ты у него - любовь. Вот ведь как получается.

Она опустила глаза.

- Ну, молодец, что пришла! - протоиерей сложил в одну стопку исписанные листы. - Сейчас пойдем в церковь. Ты должна быть там. Потом можешь и не ходить. К слову, конечно, но после того происшествия тебе обязательно нужно там быть. Иначе ведь что получается: раз ты не приходишь, значит, автоматически, ты чувствуешь за собой вину. Или позор. А вот когда ты вот так, с гордо

поднятой головой, такая красивая, сильная появишься среди всех, пусть все поймут - этот храм - твой, ты перед людьми и Богом чиста, а если кто и опозорен, то та нечисть, которая в божьем доме подняла руку на ближнего.

О. Александр вдруг оборвал себя. «Храм для иудея - это прежде всего присутствие бога. И ни один еврей, если он нормальный, не позволит себе хамить в присутствии Бога».

Священник попытался отмахнуться от этого, бодро подмигнул Ривеке:

- Позор не на нас, а на тех. Верно? - он легко вышел из-за стола.

Эта легкость передалась Ривеке, и она выпалила:

- А бывает так: ты с богом, но одинок? - и тут же сникла.

Настоятель, словно застигнутый врасплох, застыл возле открытого книжного шкафа, ладонь надолго замерла на книгах. Долгий, уносящийся в вечернее окно, усталый взгляд.

Не зная, что ответить, священник вернулся к столу, зачем-то стал перебирать книги, а потом, все бросив, подсел к Ривеке на диван:

- Доченька, почему ты спросила об этом?

Она повела плечами, чувствуя, как горит лицо, словно ее поймали на воровстве.

- Ты это о себе?

Она ответила жестом головы - нет.

- Ну хорошо, - священник говорил бодрым голосом, но глаза его потемнели, словно наплывшая в них грусть была черного цвета.

Уже готовый к выходу, он стал посредине комнаты, улыбнулся:

- А знаешь о чем я сегодня думал весь день?

- Скажите.

- О! о самом главном в моей жизни! Оказывается, у меня есть три самые главные вещи. Сказать?

- Да.

- Это Ривека, Фред и Иерусалим.

Польщенная, она не посмела поднять глаз:

- Ну Иерусалим - конечно. А вот остальное - это вы преувеличиваете:

- Ни капельки, - они выходили из комнаты. - Боюсь, что моя милая спутница не совсем хорошо знает, ни что такое Ривека, ни что такое Фред...

Про Иерусалим, конечно, я этого не скажу! - и снова невольно выдохнул: - Е-ру-ша-ла-ем!

В воротах Ривека остановилась - нет косынки. Взяла у Надежды Ивановны.

Дорога к церкви.

Ривека мельком взглянула на о. Александра. Рядом с ним - спокойно. На душе гордо и легко. Встречные с уважением кланяются священнику, и кажется Лане, что капелька от уважения к настоятелю перепадает и ей.

И все же, когда за домами открылся золоченный купол церкви, сердце стало тревожно постукивать, невольно тянуло к лицам прохожих, узнали ее или нет, с презрением смотрят или нет?

Двор церкви ей показался в чем-то непривычным и новым. Хотя все здесь было, как и раньше: открывались двери храма, проплывали умиротворенные лица, стоял говор.

Лишь в глубине двора, нарушив эту полутьшину, резанным поросенком взвизгнула электропила.

Прихожане, увидав протоиерея, раздались, почтено кланялись. Косили глазами на Ривеку.

В церкви, как обычно, горели свечи, стоял приглушенный гул голосов.

О. Александр провел Ривеку к первому ряду. Минуту-другую она стояла в замешательстве: среди прихожан, казалось, были именно те, кто в тот день напал на нее, и все они сейчас били по ней пристальными взглядами. Ривека поправила косынку. Как спасение, на алтаре стала фигура настоятеля - богатырски - добрая. С легкостью на душе Ривека перекрестилась на иконостас. Прикрыла глаза, на сердце уютно. Уголки губ раздвинулись от исходящей из души улыбки: все, что еще недавно, казалось, было отнято у нее - и этот храм, сиянье икон, трепетное пламя тонких, как березки, свечек, кроткий лик Христа - все это возвращалось вновь.

Неожиданно для себя Ривека обернулась: меж молящихся лиц впивался в нее жалящий взгляд, Ривека вспомнила эти глаза ...

Возвращалась домой с двойным чувством: лик Христа, а из-за него прицельный ненавидящий взгляд.

Вечерело. Первые улицы местечка. И совершенно иная, чем в городе, жизнь - свои законы, привычки, свои правды и кривды.

Далеко впереди возник пронзительный голос кларнета, заиграла гармонь, ударил барабан. Музыка приближалась, а вместе с ней замаячила цветастая толпа.

Свадьба.

Невесту вели в дом жениха.

Улица была запружена: десятки свечек горели в бережливых руках детишек, впереди жениха и невесты плясали несколько женщин. И во главе гомонящей возбужденной толпы дул во все щеки кларнетист, гармонист растяпшал меха, стучал барабанщик по зажатому под мышками барабану.

Шествие, как забавный хвостик, замыкал счастливый Наумка, он тоже нес свою музыку: свисавший с плеча магнитофон выдавал на всю катушку неизменного «Казачка». И неизвестно, чья песня была громче - Наумкина или топавших впереди толпы музыкантов.

Шествие проплыло, прокатило, протанцевало мимо Ривеки.

Платок Надежды Ивановны так и остался у нее. Ривека непроизвольно вбирала его в кулачок, словно боялась, что косынка в ее руке выдаст, что она, еврейка, только сейчас была в церкви, крестилась и молилась.

И вдруг чужой ощутила она себя возле, этого, праздничного, шествия: безоглядная веселость, свечи в детских руках и даже задорная «Хава нагила», казалось, никогда и не принадлежали ей. Чужая! Она нервными пальцами тербила косынку. И на фоне ликующих возгласов навязчиво возникал кроткий лик Христа, из-за которого выглядывали тяжелые жалящие глаза.

Ривека ускорила шаг - поскорее домой. Но музыка настигала и вместе с ней, как ветки по лицу, хлестало: «...с богом... и одиноким...» Она подумала о Роме. Если он готов принять ее веру, значит не такая она одинокая.

...Ривека протягивает к нему руку, раскрывает ладонь. На ней, как раскинувшая крылышки серебряная пчелка, лежал крестик, Рома обеими руками берет

цепочку, надевает крестик на шею и уже никогда не снимает его...

Рома с матерью идут по местечку, по проезжей части улицы. Правила уличного движения в местечке были не из самых главных, как впрочем, и некоторые другие.

Рома за руку поздоровался с шедшим навстречу парнем.

- А че без машины? - мельком бросил тот.

- Что-то тормоза забарахлили. К мастеру отогнал...

...У самых ворот встретились с Ривекой.

- Здравствуйте! - улыбнулась Лида.

- Здравствуйте!

- К вам можно?

- Заходите ... - Ривека прошла вперед.

- Спасибо, - Лида приостановилась в калитке, посмотрела на сына. - Что-то не в духе твоя голубка ...

- Входи-входи, - кивнул Рома.

- Входи не входи, - проворчала она, но во дворе уже ласково и даже виновато улыбалась старику Дану и Соне:

- Уж слишком частой гостьей я у вас стала! - но и не дала себя в обиду. - Замучил всех он. И меня, и всю семью! - кивнула на Рому. - Ну иди, поворкуй со своей голубкой.

...С Ривекой говорили об Израиле, отъезде, и снова Рома пообещал подать заявление на выезд. И (посмотрит она!) добудет билет на тот же самолет, что и ее семья.

Ривека сидела на своем излюбленном месте, у окна, изредка поддерживая разговор какой-нибудь дежурной фразой.

В комнату вошел Елизар:

- Ривека, тебя к телефону. - Солдат твой.

Рома вскинул голову, как насторожившийся воробей.

Неуютная пауза. .

- Я поговорю с ним! Ладно? - поднялся он.

Ривека отвела глаза в окно.

Рома спустился на первый этаж, поднял трубку:

- Алло!

- Алло! - ответили на другом конце.

- Это кто говорит?! - Рома старался быть строгим.

- Фред.

- Так вот что, парень, я даю тебе братский совет: забудь этот телефон! Понял?

- Кто со мной говорит? - глухо донеслось с трубки.

- Рома с тобой говорит! Ты все понял? или ...

Но в трубке уже звучали короткие гудки.

Рома, довольный собой, по-солдатски стянул рубашку к спине, краем глаза выглянул из коридора во двор.

Мать и родители Ривеки говорили за столом.

- Да, он парень, видать, неплохой, кивала Соня. - Но что ж поделаешь - уезжаем, ты бы на моем месте как поступила? Оставила бы дочку? Да ведь не куда-нибудь - в другую страну переезжаем!

Рома видел, как дипломатично вздохнула его мать, разгладила на коленях платье:

- Конечно, и я бы не оставила, что там говорить, но вот этот мой сын ненормальный, говорит - с ними уеду. С вами, значит. Любит он ее. Я же вижу.

Старики молчали, потупив головы.

Рома вернулся в комнату, сел на диване рядом с Елизаром:

- Думаю, он больше звонить не будет.

- Запретил? - сбоку глянул Елизар .

Рома проглотил эту насмешку, как витаминку:

- Фанатик этот скрипач, - подбросил он.

- Ну-ну, - вам, дескать, философам, виднее, - Елизар поднялся, в дверях обернулся, но, не проронив ни слова, мол, бог с вами, затопал по лестнице. Дверь осталась открытой.

«Фанатику» после этого звонка еще одна бессонная ночь была обеспечена. Только до ночи еще предстояло прожить вечер, а значит, снова на канале вгрызаться в землю.

С товарищами отношения оставались прежними: ели один хлеб, вместе сидели на занятиях, перед вечерней проверкой, как всегда, болтали в курилке, но только в личное время, когда можно было бы быть с друзьями, ему приходилось топтать на канал.

... Фред крошил землю уже минут пятнадцать. С каждым ударом кирки, казалось, вгонял в себя очередную порцию злости ... Ривека ... Рома. Как он мог оказаться в ее доме? «Забудь этот телефон!» Что случилось?

Злость откачала из груди весь кислород, мозг был забит какими-то призрачными движениями, туманно виделось, как сближались лица,плыли слащавые улыбки, возились сближавшиеся тела.

Он зло отбросил кирку, сел на дно траншеи. Не замечал, как в кулаке крошился ком земли.

На шею упала холодная капля. Он поднял глаза. Серое тяжелое небо начинало истекать водами, словно кто-то наверху вскрыл вены с бесцветной кровью.

Дождь сеялся волнами, будто колосилось пшеничное поле.

Фред сидел, не двигаясь, привалившись спиной к земле. Дно мира, в которое стекало небо и могло затопить. И хотелось, чтоб затопило.

Подкатило сладкое отчаяние.

... Он поднял со дна лопату, левую ладонь положил на край колодца, как на колоду для рубки мяса, надо было только собраться духом, суметь... и тогда вместе с пальцами будут отсечены все унижения, все пройдет. Лишь одно мгновение, и он будет свободен... Ривека...

Не заметил, как над ямой встал комбат, укутанный в плащ-палатку, как идол в брезенте. Снаружи торчал лишь черный козырек фуражки, да из глубины поглядывали шарики-глаза. Сверху - вниз. Шарили по душе.

- Что, Иври, перекур? - поддел капитан.

- Отдыхаем.

- Да. Самое время. Особенно для размышлений. И место подходящее, уединенное. Как на исповеди в синагоге. Только о Боге и думать.

- ?..

- Через недельку - другую демобилизация, а ты, Иври, в этой яме. Да, столько работы впереди... Ну ничего, денек - другой помокнешь здесь, да и сам попросишься, ох как потянет в церковь-то! Крест будешь целовать, как соски молоденькой бабенки. За уши не оторвут! От счастья изомлеешь: вот, мол, какое избавление и радость принес мне крест божий!

Фред, с нахлынувшей злостью, выпрыгнул из ямы, став лицом к идолу в брезенте, про цедил:

- Рабское племя!

Сыч держал его уже за ворот. Плащ идола распахнулся.

Неожиданно с боку ударил окрик: - Фред! - от казармы крупными прыжками, разбрызгивая лужи, неся к ним Паша Гришин.

- Фред, пошли! - прерывисто дыша, он оттаскивал его в сторону. - Фред ... товарищ капитан ...

Комбат, видно справившись с собой, разжал пальцы:

- Пошел, Иуда!

Фред дернулся из рук Паши, но тот обхватил его за плечи:

- Не надо. Фред! Я прошу тебя! Брат! ...

Тот вывернулся, зло бросил другу в лицо:

- Ты тоже не лучше! Прикажут - побежишь на погромы! Ненавижу!

- Не ори! - сорвался Паша. По лицу, как слезы, стекал дождь. Стиснув зубы, он сжал кулаки, словно душил в них рвущийся наружу гнев.

Фред, словно отрезвев, сник.

Паша торопливым широким шагом двину л к казарме. В дымке дождя маячила почерневшая намокшая гимнастерка.

Сыч снова превратился в идола в брезенте. Постреливал из него глазками, как из амбразуры пулемета.

Фред, сначала нерешительно, но потом громче окликнул Пашу. Тот не обращал внимания, с опущенной головой быстро уходил к казарме.

- Паша! - Фред метнулся вдогонку, поскользнувшись, упал, обрызгав лицо грязью. Поднялся, обойдя друга, стал перед ним. Тот, не останавливаясь, хотел обойти его, но Фред снова стал на пути:

- Паша, прости! Ну виноват я! Ну сволочь! Ну, ударь меня! Ну! - и, словно затравливая, ткнул в плечо. И еще посильнее: - Ну, ударь!

Гришин поднял глаза и вдруг ткнул его тоже. Фред ответил.

Паша влепил еще раз - посильнее. И снова, точно вызывая более сильный удар, Фред ответил. Паша - ткнул, и от его удара Фред чуть развернул плечи.

Вдруг они улыбнулись и, уже смеясь, по очереди тыкали друг в друга кулаками.

Глаза Фреда затуманило от слез, он обнял друга, давя плач, тяжело выговорил:

- Я же люблю тебя, Пашка! Понимаешь? Ты же брат мне... А?

Тот, видно, тоже с спазмом в горле, проклокотал:

- Все нормально, Фред! Ты только держись, браток!

И обнявшись, с промокшими гимнастерками, как бездомные дворняги, они запетляли к казарме.

- А че он опять? - спросил Паша.

- Да все то же ...

- С ним похитрее надо. А ты попер! Тебе это нельзя! Протокол-то при нем! ... Ты его умом должен ... Он тебя силой, а ты - умом! - и по-доброму усмехнулся. - Вишь, я и то - больше еврей, чем ты ...

Рассмеялись.

Комбат зло смотрел им вслед.

- Иуда! - сплюнул он упавшую на губы дождевку. - Я тебе устрою свободу! Я тебе устрою рабов! - капюшон сполз с его головы. Он зло нахлобучил его:

- Кровью будешь выхаркивать эту свободу! Иудина!

Он надолго засел в своем кабинете, никого не впускал и не подходил к телефону. Потом, окликнув дневального, приказал позвать «этого Иври».

Вошедшего Фреда, нарочито не замечал, откинувшись на стуле, смотрел куда-то мимо него - в дверь. Начал бдагодушно, словно, добрый, славный начальник:

- Проходи, Иври, чего в дверях стоять? Видишь, как я к тебе отношусь. Ты мне - «раб», да «племя», а я тебе все прощаю. Даже не знаю почему.

Фред смотрел в окно.

- Я тебя вот зачем позвал ... У нас, наверное, новый библиотекарь будет. Тебе ведь сейчас не до книжек, - и лениво потребовал:

- Ключ от библиотеки..

Фред внутренне усмехнулся, полез было в карман, но помедлив, что-то решив в себе, нашелся:

- Но я должен сдать книги.

- Сдадут.

- Расписывался ведь я.

- Все это я предвидел, Иври, - капитан был доволен собой. - Признайся - «Сначала использую последнюю возможность, а потом отдам ему ключ», - так ведь подумал? А, Иври? Вроде бы в библиотеку, а сам в самоволочку. Угадал?

Фред замешался.

- Ладно, Иври, так как ты человек свободы, я даю тебе ее - свободу, бери! Можешь идти куда захочешь,

хоть в сто самоволок, можешь делать, что на душу ляжет! Пей! Гуляй! Играй на своей скрипочке - свобода! Но канал все-таки за тобой! А ключ от библиотечки можешь держать при себе! - он подался над столом вперед, увидев растерянность Фреда, расхохотался ему в лицо:

- Свободен, Иври! - кажется впервые Фред слышал его смех.

Он повернул к двери.

Нервный смех комбата еще бил в спину.

Саша Клат и Гришин ждали Фреда возле оббитой железом оружейной комнаты. Вошли в библиотечку.

- Ух и собака он! - удивлялся Клат - безобидный длиннолицый немец. - Какая гадость этот Сыч! - исчерпал он запас ругательств.

- И никуда не пожалеешься! - вздохнул Паша.

- Да. У него протокол ...

- И зачем ему это надо?! - вздохнул Паша.

- Ну ничего! - прибодрился Фред. - Как говорят евреи, как скажешь, так и будет. Все будет хорошо! Свобода, так свобода! Ну че? Может, используем свободу - то? Можно ведь, за самогончиком сходить...

Наскребли денег.

... Дождь уже затихал. Тропинка, вытопанная еще с весны, мокро петляла в порыжелой осенней траве вдоль скошенного поля.

Стога, как столетние деды, понуро застыли под низким насупленным небом.

В деревушку Фред и вправду топал без опаски, не боясь случайных встреч с офицерами. Но в обратный путь шел с оглядкой, радуясь, что набежали сумерки: свобода-свободой, но пять бутылок в вещмешке позвякивали. Впереди высокой стеной зачернел забор дивизиона,

ребята, наверное, уже ждут - не дождутся. Фред прибавил шагу, но вдруг, с заколотившим сердцем, замер, от забора отделилась тонкая фигура, замаячила навстречу.

Фред метнулся на поле, спрятался за первым стогом сена. Фигурой оказалась женщина. Но, услышав бормотанье, Фред в сердцах сплюнул: напугала его Дивизионка. Он вышел из укрытия, под сапогами захрустели, торчавшие из земли черенки пшеницы.

- Нашенский? - Дивизионка остановилась. Различив лицо Фреда, обрадовано шмыгнула носом:

- А, это ты музыкант! - она, как обычно, была под хмельком, со слипшимися мокрыми волосами, в допотопном мужском пиджаке.

За плечами Фреда в вещмешкебрякнули бутылки.

- Вышивку волокешь?

- Арбузный сок.

- Побреши, побреши! - Небось, «горяченькая»! - Дай хлебнуть! Не за падло...

- Хлебнуть? - вглядывался он в ее припухшее лицо.

- Хлебнуть, музыкант.

- Хлебнуть, так хлебнуть! - какое-то любопытство засело в нем.

- Ах как ты подмогнул мне! - она в секунду осчастливилась, возбужденно затараторила про свою «долбанную» жизнь, потащила его на поле. У первого стога, выпотрошив его нутро, соорудила в нем пещерку:

- Влазь! Сейчас будет тепло!

И действительно, в лазу было уютно, дурманяще пахло свежим сеном.

Влезли целиком, лишь снаружи торчали четыре сапога - Дивизионка тоже ходила в кирзачах.

Сумерки сгустились, из их «логова», как из пещеры, виднелась черная стена забора да причудливо затаившиеся стога - «деды».

Фред достал бутылку.

- Тяни первый! - с нетерпением бросила она, ее лицо было близко и со рта шел запах спиртного.

Фред сорвал бумажную пробку, взболтал для чего-то, приложился к бутылке.

Самогонка оказалась крепкой, он дотянул до половины, отдышался.

Дивизионка перехватила бутылку, забулькала, заклокотала «горяченькая», переливаясь из бутылки в горло.

Фред жевал хлебную корку, блаженствуя от напывавшего хмеля.

Дивизионка выдула весь самогон, утерлась рукавом, сунула пустую бутылку в карман: - Пригодится.

- Судьба, говорю, - мычала она, пережевывая корку хлеба. - Ты все бегал от меня, бегал, а оно вон как вышло... Хочешь я тебя поцелую, музыкант?

- Да нет, я и так счастлив! - поспешил он поблагодарить.

- Я знаю ... ты брезгуешь меня! Брезгуешь?

Он молчал. Где-то за этой ночи или в ней, и может, глядя на календарь, родители снова и снова считают оставшиеся до его приезда дни. Только не знают они ни о Сыче, ни о канале и ни о протоколе. Скажи им сейчас кто-нибудь, что их благовоспитанный, интеллигентный сын на грани тюрьмы, а в эту минуту хлещет из горла самогонку, не поверят ... Ривека ...

- Че потух, музыкант? - Дивизионка ткнула его плечом.

- Хреново! Вот что! - в темноте его голос звучал отчетливо и, вдруг, не зная сам почему, стал выплескивать ей свои беды-горести: комбат, Израиль, Суэцкий канал, и ... Ривека.

Он рванул пробку второй бутылки, зло запрокинул. Выщеживал, затаив дыхание.

- Ах ты, бедолага! - жалела Дивизионка и следом приложилась к самогону.

Выпив, долго нюхала рукав своего пиджака. Сунув бутылку в другой карман, повернулась к нему пьяны голосом: - Слышь, музыкант, а красивая эта христианка?

- Красивая.

- Обалдеть! - припала к нему плечом. - Чтоб еврейка, да к попам! ... - и хохотнула.

- Поп-то тоже еврей! - вконец огорошил ее Фред

- Врешь!

- Не вру.

- Ну и хрен с ними! ... А ты меня сильно брезгуешь?

- Не брезгую ...

- Ну тогда давай ... — она потянулась к нему губами.

- В другой раз ... - отстранился он и вылез из стога.

Дивизионка высунулась следом, как дворняга из будки:

- Слышь, музыкант, я тоже с тобой ... С вашими хоть... погуляю, - и пошла рядом. - А ты этим-то хоть хорошо водишь ... как его ... дрючком? - она изобразила игру на скрипке.

- Смычком... - рассмеялся он.

- Вот я и говорю ... дрючком ... - она вцепилась в его рукав.

Он смеялся, волоча по земле мешок с громыхающими бутылками. Потом, бросив его, запрокинул глаза к ночному небу: - Свобода!

Пилотка скатилась за спину.

- Свобода! – выгибаясь кричал он с брошенными вверх руками.

- Свобода!

Но вдруг, оборвав смех, опустошенно сник. Брел, вяло переставляя ноги .

- Может, пропустим горяченькой!? - заплетавшимся голосом Дивизионка дернула его за рукав.

- Мы уже свою долю выдули ...

- Я знаю ... ты меня брезгуешь ... - посетовала она. - А знаешь, какая я была?! Ох, какая красивая! ... А лучше бы и не была ... тогда может меня батька мой не трахнул.

Фред остановился, с неожиданной болью вглядываясь в ночной силуэт своей неожиданной спутницы...

Пошли молча.

- Мне тогда двенадцать годков исполнилась. А батька пьяный был ...

- И где ж этот, твой ...

- Сидит ... Вторая отсидка ...

- А мать?

- Удавилась ... А-а! - Дивизионка, отмахнувшись, припала к его плечу:

- А споем, музыкант?

- А че ты знаешь?

- Я много знаю! У меня голос! - И пьяно, словно ей сразу же не поверили, принялась убеждать. - Да, голос! А че? Если б не батька, я б уже по заграницам каталась! А кого хуже? - и затянула хрипловатым, но красивым еще голосом:

Ах ты, мамка моя золотая,
Ты ушла от меня навсегда!
Где ж искать тебя, я уж не знаю,
Жизнь пропала моя без тебя!
И сразу же спросила:

- Голос?

- Голос ...

Они молча топали в ночи. Дивизионка еще раз пропела «... жизнь пропала моя без тебя» и вдруг остановилась:

- Слышь, музыкант, а знаешь, что я еще люблю? ... Пианину такую... Здоровенная ... сучка! До самого потолка! По телику видела! Но как душу мотает ... так знаешь или нет?

- Орган?

- Ага. Как заиграет, сука, аж плакать хочется ... Я люблю, когда плакать хочется.

Глядя на нее, он отчего-то вспомнил Наумку:

- Сплошные музыканты...

- Кто это?

- Есть один. В Горске, на магнитофоне все «Казачка» играет. Больной.

- Чокнутый что ли?

- С ума сошел. С войны. Вот и получается - одни музыканты: он музыкант, ты певица, и я, еще один шваркнутый, тоже - певец.

- Видать, для нашего брата музыка вместо всего, - вздохнула она и снова завела: - Ах ты, мамка моя золотая ... - и неожиданно. - А ты на этой штуке играть сумеешь?

- На какой?

- Ну что в церквях...

- Может, и сумею...

... Органист смотрел в ночное небо. Тысячи звезд, как ноты одной непостижимо-горькой, красивой и, может, болезненной симфонии светились над миром, органист читал эти ноты, его пальцы колдовали над клавишами, которые истекали то медленной, то быстрой вселенской мелодией, Мелодия, как на ладони, вынесла двенадцатилетнюю девочку, метавшуюся под звериным телом отца ...

...Рамы старых, проделанных в небе окон, походили на фашистскую свастику...

...По у лице автоматчики с собаками вели длинную колонну из стариков, детей, женщин. На их спинах, старчески сгорбленных, сутулых от предчувствия беды, хрупких, как листок бумаги, были нашиты шестиконечные звезды. Звезды - большие, звезды поменьше, и - маленькие, как яблочки.

Шестьсот звезд...

Колонну вывели за город. Лаяли псы, орали автоматчики.

- Куда мы идем? - спрашивали дети.

И на чьих-то руках плакали младенцы.

Колонну остановили у огромного рва. Приказали всем раздеться. Молоденькая девушка цеплялась за свое платье, раздался выстрел.

Обнаженные женщины стояли рядом со старыми отцами, прятали глаза. Возле холма свежей земли выросла гора платьев, рубашек, туфель, детских сандалий.

Шестьсот человек согнали в яму. Выстрелов почти не было. Но ров был засыпан.

Несколько дней шевелилась земля за Горском. Трехлетнего Наумку успели спрятать местные жители, на третий день он решил найти мать.

Шел он долго, но, может, это казалось ему - стояла холодная осень. Наумка шел бы, наверное, весь день, но вдруг слева от дороги увидел торчавшие из рыхлой земли какие-то руки, он повернул к ним, недалеко от торчавшей из земли ладони черной травой вырастала и расплескалась по земле волна женских волос.

Наумка стал над ними. Что-то припоминая, наклонился и потянул на себя. Что-то там поддалось, показалась женская голова, и Наумка узнал обсыпанное землей лицо матери. Глаза ее были открыты, но Наумку не видели.

- Мама! - кричал Наумка, разгребая маленькими ладошками землю. Но тело матери уходило куда-то в глубину. Чья-то рука чернела на груди матери.

Наумка не помнил, как вгрызался окровавленными пальцами в землю: разгребал, бросал, пытаясь вытянуть уже по грудь откопанное тело. Но мать не хотела ему помочь, он кричал, бился кулачками о землю - ведь он так долго искал ее, но, видно, застекленевшие глаза матери не узнавали его

Наумку подобрали к вечеру. Он лежал в вырытой ямке, рядом с грудью матери и никого уже не узнавал ...

...Орган стих...

... Наумка брел по ночной улице местечка. Вдруг остановился. Замер. Схватившись за голову, сжал ее, словно от чего-то хотел укрыться. Он видел, как детские

руки тянули из земли черную волну волос. Наумка сжимал голову, но застывшие глаза матери не отпускали его.

Он надавил на черную клавишу магнитофона - песня не помогала. Наумка бросился в ночную улицу. «Казачок!» Но разгребали окровавленные ладони нескончаемую землю, и мать не хотела подниматься.

Ривека проснулась от быстро нараставшей мелодии. Привыкал к темноте, долго вглядывалась в потолок, в проступавшие секундами очертания шкафа, стола. Мелодия отчетливо влетала в открытую форточку и так же, как возникнув, стала затихать. «Наумка!»

Сна как и не было ... В том рву, вместе с родными Наумки, покоилась и первая семья ее отца - жена и двое детей. Мальчик и девочка. Девочку звали Ривека, мальчика - Яков. Как и сейчас: она - Ривека, брат - Яков ... Немцы потом хвалились, как пристрелили одну «жидовку», кормившую грудью ребенка ... Отец, думая об отъезде в Израиль, укорял себя - не должен был он оставлять могилу жены и двоих детей.

...Израиль... Она повернулась на другой бок, с головой влезла под одеяло... надо заснуть ... но вот вспомнился прошедший вечер, Рома с матерью, приходившие к ее родителям, наверное, в последний раз. Отец ее оставлять здесь не собирался, а то, что будет или не будет в Израиле (если Рома и приедет), одному Богу известно... Рома. А чем плохой парень? Но Фред опустился на колени подле. «Я люблю тебя, Ривека!» Ее голова легла на подушке. Никто никогда не целовал ее губы. Но вот его сладкое дыхание слилось с ее. «По твоим щекам слезы?» И потом его долгие поцелуи вдруг сменились на быстрые и благодарные. «Единственная!» А потом - те страшные минуты в храме. «Уходи!»... Руки

милиционеров толкнули его в машину... Фред... ну почему так? Почему? Ведь я люблю тебя!

Она села на кровати, поджав ноги, ткнулась лицом в колени. Теперь, наверное, она с Фредом уже никогда не увидится ... Если бы не тот звонок!

Почему она не подошла сама, а позволила подойти этому Роме? И почему он не позвонил еще раз?

По ночному окну ударили тяжелые капли, и скоро на дворе тоскливо зашелестел дождь.

Стало еще уютней, захотелось упрятаться под одеяло. Она бросила плечи на подушку и вдруг замерла. Телефонный звонок? Но кто - в такой поздний час? Может, Фред? Она сбросила одеяло, в ночной рубашке, босая, сбегала по лестнице. Только бы там не положили трубку!

В прихожей покоилась тишина, над телефоном висело зеркало с горевшими по бокам свечами-лампами.

- Алло! - она. казалось, выдохнула в трубку всю надежду, все ожидание.

Ответил какой-то хриплый, заплетающийся женский голос: - Алле! - пауза, и слышно, как на том конце возникли голоса: хриплый женский переговаривался с далеким - мужским. - Ривеку позовите, - голос действительно был пьяный.

- Кто говорит? - растерянно.

- Ривеку надо...

- Слушаю.

- А-а, так это ты, краля ... - голос вдруг оборвался, видно, отняли трубку, и в ней возник мужской:

- Вас можно поздравить, девушка?!

Ривека молчала, догадавшись, что это Фред.

- Алло! На свадьбу пригласите? А то можно бы и поиграть, если хорошо заплатите!

Она поняла - Фред пьян. Вдруг почувствовала свою вину, но тут же обрубил:

- Прежде, чем звонить в полночь, не мешало бы протрезвиться!

Но там уже передали или отняли трубку и снова возник пьяный женский голос:

- Слышь, попиха ... - и тут же оборвался.

Ривека положила трубку. По щекам скатились слезы .

... И все тысячи отречений и тысячи - нет. Никогда она не простит ему этого! С какой-то пьяной проституткой... Так унижить! Клялся в любви! Ложь! ... Но ведь сама ...

Ривека бросилась на постель ... Вот он лежит в обнимку с этой шлюхой, они смеются над ней и пьют свою поганую водку ... Но что ожидать от человека, отрицающего Христа, но зато у нее есть люди, которые ради нее готовы на все: и веру ее принять, и поехать за ней хоть на край света ... Рома ... Преданность - важнее любви!..

... Рома взял ее за руки, приблизился, вот уже слышно его дыхание, но вдруг вместо его лица возникает лицо Фреда ...

Ривека мечется в постели ...

... Фред с Двизионкой бредут после звонка к старой казарме. Ночь .

... Сыч при свете ночника читает Новый Завет. Рядом, под одеялами - жена. Причмокивает губами и в

полусне что-то бормочет. Недовольна - и во сне покоя нет.

Сыч посылает ее подальше - к своей теще, возвращается к Евангелию:

«...Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом...»

Перед глазами возникает лицо Фреда: «Христианство выжило потому, что поддерживало господ». Капитан закрыл книгу, сел в постели, одеяло сползло с безволосой груди. Сидел, не двигаясь, привалившись плечом к ковру. Снова взял книжку. В ночной тишине сухо зашелестели хрупкие страницы:

«...Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» Он посмотрел на спящую жену. Пшеничные волосы разметались по подушке. Красива даже во сне, сука! Пока он на службе, она с комполка трахается!

... Сыч поднес к ее лицу руку, два пальца рогаткой направил к закрытым векам. Стал давить короткими толстыми пальцами.

Два глазных яблока вырвались из хлопнувших век, словно глазницы выплюнули мягкие шарики...

Комбат в сердцах сплюнул, бросил Новый Завет на тумбочку, выключил ночник, с какой-то злостью полез на жену ...

... В наступившем утре низкорослый мужик со жвачкой во рту вынес из сарая остро отточенный топор, замахнулся на спящую собаку и отсек ей голову. Клоп.

Довольный, проверил пальцем остроту окровавленного лезвия. Глаза довольно блеснули - остер топорик!

И хмыкнул, припомнив, как о. Александр прижимал к груди молоденькую плачущую еврейку.

... Отец Александр держал в руках Евангелие:

«... Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих Вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих Вас и гонящих Вас... » Он перекрестился на крест на стене, который оказался окровавленным топором ...

... Александр сел в служебную машину на заднее сиденье. Лежавшую на нем скрипку переложил за голову под стекло.

- Ну что, поехали? - молодой шофер в черном костюме свойски посмотрел на священника.

- С Богом, Кирюша! - перекрестился протоирей.

Машина скользила по утренним, еще не многолюдным улицам Горска. Городское шоссе вытекло в широкую трассу с высокими тополями по обеим сторонам. Кирюша несколько раз заглядывал в зеркало на священника, что-то видно, хотел сказать и не решался. И все-таки, почесав в затылке, выпалил:

- Святой отец, хотите анекдот? Про евреев... - и предупредил. - Без ругательств.

- Ну если без...

- Вот, значит, перестройка, ну и еврей решил открыть магазин. Чтоб в этом магазине было все, открыл, люди заходят, спрашивают - ну все есть. Тебе это надо - пожалуйста! Надо другое, - пожалуйста. А рядом с евреем жил армянин, ну, думает, попрошу у него, что он не найдет. Думал, думал и придумал. Заходит в магазин и говорит: слышь, еврей, у тебя, говорят, все есть. - Все! Тогда дай мне три ничего!!! Еврей почесал в затылке и отвечает: пожалуйста, пошли. Заводит этого армяна в подвал, выключает свет и спрашивает: - Армян, что видишь? - Ничего! - Ну тогда бери сколько хочешь!

О. Александр рассмеялся густым басом ...

Долго ехали через лес. Машину священника пропустили все КПП.

Сыч пригласил протоиерея в казарму, в свой кабинет. В ожидании Фреда говорили о нем.

- Признаться, - капитан откинулся на стуле. - Я думал, что вас пригласил он сам.

О. Александр поправил на столе черный скрипичный футляр:

- А разве он должен был пригласить?

- В идеальном варианте - да.

Протоиерей ждал разъяснений.

Комбат безразличным тоном разложил:

- После хулиганства в вашей церкви, я решил, что ему надо бы покаяться... да принять христианство.

- Ну и что же он?

- Упрямя, как и все его соплеменники.

- Навязывать веру нельзя ...

Сыч выдержал паузу, бросил взгляд в потолок:

- Насколько мне известно, христианство имело несколько другие приемы. Как говорит наш подопечный,

которому вы привезли эту скрипочку. Сейчас он зайдет, и вы все это услышите. Обещаю вам это...

- Я знаю о его взглядах. Христианства он не примет. Уверен.

- Примет.

В дверь постучали, в кабинет вошел Фред. Сразу, что увидел - скрипку, лежавшую на столе перед священником.

- Проходи, Иври, садись. Вот тебе скрипку привезли.

- Товарищ капитан, - протоиерей приостановился, поднял на него глаза. - Насколько я знаю, Иври - это еврей. Так что можете так называть и меня.

Сыч, пальнув в него глазами, проглотил что-то несъедобное.

- Да, я христианин, - в голос священника прокралась улыбка. - Мои родители тоже христиане, хотя и еврейского происхождения.

Капитан тупо уставился на крест настоятеля, покоившийся на мощной груди: что-то, видимо, никак не мог принять. Наконец, с какой-то приятцей в голосе выговорил:

- Потрясающая штукавина! ... По разную сторону баррикад! - он попеременно посмотрел на сидевших друг против друга священника и Фреда.

- Не хотите ли сказать, что во главе баррикад - вы, - о. Александр указал на место комбата за «Т» - образным столом.

- Может быть ... Но дело не в этом ... Вот мой друг, - капитан смотрел мимо Фреда. - Я, если откровенно ... батюшке говорил. Думал, грешным делом, ты наш договор принял. Даже обрадовался, но, оказывается, ошибся.

Но, в любом случае, сейчас хорошая возможность ... И священник здесь...

- Я вас попрошу повременить с вашим миссионерством. Мы обязательно обратимся к вашим услугам, как только это понадобится, - прервал его священник.

- Мне сегодня судьба преподнесла отменный сюрприз. Весьма приятный подарок! - блаженствовал Сыч снова, попеременно, глядя на Фреда и о. Александра.

- Я понимаю вашу «радость», - старался быть спокойным священник. - Но увы, всему рано или поздно конец ... Вы не отпустили бы вашего солдата буквально на десять минут.

Сыч раскрыл лежавший перед ним журнал, неторопливо полистал, бросил:

- Пожалуйста.

- Спасибо, - в тон ему ответил протоиерей, взглянул на Фреда. - Ну что, проведешь меня до машины? - и по-доброму улыбнулся.

В дверях, на прощанье, обернулся на Сыча:

- Желаю спокойствия души ...

Выйдя из казармы, о. Александр осмотрелся: на высокой насыпи, желтой от осенней травы, стояла станция разведки целей. Антенна, как огромная паутина, нависла над ней.

- Никогда бы не поверил, если бы мне сказали, что я когда-нибудь окажусь в таких местах ... Да, жизнь меняется.

Священник раскрыл футляр:

- Скрипка, наверное, не такая, как была у тебя, но тоже ... неплохая. Друга моего. Старый музыкант ... Ну, а футляр - твой.

Фред бережливо достал скрипку, на дне остался журнал с белой обложкой и синим заголовком.

- За журнал спасибо...

Священник внимательно следил за движениями Фреда, тот пристроил скрипку на плече, на черном погоне, поднял смычок, прозвучал первый пробный звук, второй, третий, и через паузу из-под смычка полилась нежная мелодия: «Плач Израиля».

Но Фред неожиданно оборвал мелодию, решительно сложил смычок и скрипку в футляр:

- Я не смогу взять ее!

- Но почему?

- Эта скрипка выше классом...

- Возьми, пожалуйста, я тебя очень прошу! Ведь я так виноват перед тобой... и перед Ривекой.

Фред взглянул.

о. Александр вложил футляр под мышки Фреду:

- А Ривека тебя любит. Поверь старому протоиерею. Ты только не отступай. Я знаю, у нее накапливается чувство вины, ты потом поймешь это: перед кем и какое! Нужно просто оказаться выше, но не сдавайся. Вы нужны друг другу ... Скрипку занеси, и, наверное, я пойду.

Фред медлил.

- Ну хорошо. Я сам отнесу, ты только скажи, куда положить, очень прошу. Понимаешь, сынок, мне не так уж много осталось. Если ты не возьмешь ... мне потом ... будет плохо. Священник казался беззащитным и одиноким.

- Спасибо вам! Это такой подарок! Отец обрадуется! Я сейчас, - Фред занес скрипку в казарму, и через минуту они шли к воротам.

... Черная «Волга» настоятеля стояла на обочине, недалеко от калитки.

О. Александр открыл заднюю дверцу, хотел было сесть, но обернулся:

- Ривеке что-нибудь передать?

Фред пожал плечами.

- Хорошо, все беру на себя! - протоиерей свойски улыбнулся, сел в машину и на прощанье выдохнул:

- Да поможет тебе Бог, милый!

Черная «Волга» развернулась, выехала на бетонное шоссе. Фред долго смотрел ей вслед, взглянул на часы: вместо десяти минут, проговорил почти час.

Перед обедом, в ожидании машины - пока при везут из полка термоса с едой, солдаты обычно собирались перед телевизором, располагались по призывам: старослужащие - на передних стульях, призывом младше - во втором ряду и позади всех выстраивали свои стулья «салаги».

Грызанов, Стренадко, Гришин, Хамишевич, Фред сидели впереди, в двух метрах от экрана.

Показывали интервью с известным режиссером. Молоденькая корреспондент, робея, по бумажке задавала вопросы, режиссер, закинув ногу на ногу, раскованно жестикулировал.

Говорили о Достоевском. Режиссер выдавал умные фразы:

- Федор Михайлович однажды высказал одну крамольную вещь. До сих пор ее никто не решался выговорить. Сказать?

- Скажите! - сомлела корреспонденточка.

Мэтр сотворил многозначительную физиономию, выдержал паузу и отчаянно махнул рукой: мол, была - не была:

- Он сказал, кажется, так: «В русской душе уживается великая идея и великая подлость... » Такое мог...

Но режиссера перебил Грызанов, вскочивший после «великой подлости»:

- Сволочи! - чертыхнулся он, вырвав из розетки шнур.

Режиссера поглотил почерневший экран.

- А ну включи! - одернул его Гришин.

- Че? Не слышал, че он говорит? Про своих же русских?! - ощерился Грызанов.

- Включи! - кивнул Фред.

- Паш, да ты смотри - здесь же эти черножопые сидят! - Грызанов кивнул на солдат из средней Азии и Кавказа.

- Ты нации не трогай! - поднялся Фред и включил телевизор.

- Я здесь старший! - ефрейтор снова выдернул вилку.

- Включи! - Фред перехватил шнур.

Стояли глаза в глаза.

Грызанов выдернул шнур из руки Фреда. - «Я тебя не боюсь! Иври» - с насмешкой

Фред вцепился ему в грудь. Грызанов у дарил носком сапога по его голени. С перекошенным лицом Фред набросился на Грызанова, опрокинулся стол.

Унежев и Гришин стали их разнимать. С грохотом летели стулья. Неожиданно Грызанов отскочил в угол, скинув ремень намотал на руку:

- За жидов заступаться! Не подходи! - он хлестал ремнем по воздуху, не давая подступиться.

Комбата заметили, когда он уже стоял в комнате. Вытянулись, пряча глаза - и поправляя на себе гимнастерки. Переводили дыхание.

Капитан посмотрел на одного из молодых солдат:

- Что здесь?

Тот смешался, не помня фразу режиссера, что-то испуганно залепетал.

Комбат взглянул на ефрейтора.

- Тут режиссера показывали. - подчинился тот взгляду. - Говорит ... у русских ... язык не поворачивается, товарищ капитан ... А этот, - он кивнул на Фреда ...

- Опять ты! - Сыч впился в него глазами.

- Я! Могу даже повторить. «В русской душе уживается и великая идея и великая подлость». Федор Достоевский.

- Ты, паренек, зарываешься! - вспыхнул капитан.

Фред пожал плечами:

- Достоевский просто хотел сказать, что в русской душе живет великая идея. Этого почему-то никто не заметил. Сразу «подлость» заметили. Но никто не хочет думать, что в каждой душе, значит в каждом народе живет эта подлость. В этом числе и великая подлость. Но кто о своем народе сказал, что в нем живет великая идея. Есть мера и есть плата. Достоевский поднял русских до высоты бога. А его сами же русские за это начинают топтать ...

Комбат пошел к дверям, обернувшись на стоявших в одном углу Грызанова, Фреда, Гришина, Унежева, зло процедил:

- На канал! Все - пахать на канал!

... Инструмента было два - наказанных пятеро. Для начала устроили перекур, измерили сколько выкопано. Фред вырыл пол канала.

Грызанов сидел на холмике земли, виновато поглядывал на товарищей. Вздохнув, взял кирку и стал усердно долбить землю. Долбил - долбил и, видно, не выдержав «изоляцию», пропыхтел:

- Я же не знаю, что там в башке у этого Достоевского. Мало ли чего у него на уме.

Паша, Хамишевич и Фред рассмеялись.

- А че? Не так что ли? Если говоришь что-то, то говори прямо ... А то смотрю - русских хают! А кому приятно?! - и подбодренный смехом товарищей посмотрел на Фреда:

- А вот если бы про евреев так?

- Как? - посмеивался Фред.

- Ну как этот - твой Достоевский.

- Ну если это про кого и сказано, то про евреев точно, хочешь скажу?

Грызанов молчал.

- В еврейской душе уживается и великая идея, и великая подлость.

Грызанов снова молчал.

- Грызан! - живо бросил Фред и незаметно подмигнул друзьям. - Слышь, Грызан, а хочешь поменяемся нациями: ты евреем станешь, а я - русским?

Грызанов от неожиданности замер:

- Хитрый какой! Мне и так не сладко живется!

Ребята грохнули. Смеялись долго, глядя на потевшегося совсем ефрейтора.

- А че? - не понимал он их смеха. - Не прав я, что ли? - и, почесав за ухом, порассуждал: - Я вообще-то за

все нации, но только чуть что, так сразу же - еврей! лучше как есть - русским.

Грохнули по новой.

Из окна кабинета комбата стреляли злые глаза .

... Руки капитана прошли сквозь стекло. Словно тросы протянулись от казармы к горлу Грызанова и, приподняв над землей, стали душить.

Ефрейтор хрипел, дергал руками, ногами и сник, как подвешенная тряпичная кукла ...

Сегодняшний вечер для него - протоирея - должен был стать особенным: через каких-нибудь полчаса он начнет самую важную, пожалуй, в своей жизни проповедь.

Он вышел из дома. Ранние осенние сумерки затопили тихие улицы. Безлюдье. Лишь одна-две случайные фигуры возникнут в свете редких уличных фонарей, да промчит, светя фарами, одинокий автомобиль.

Быстро подступившая темнота словно проглотила всякую жизнь провинциального городка.

О. Александр быстрой, хотя и неторопливой походкой шел по опустевшей вечерней улице.

К этой проповеди он шел, наверное, не один день и месяц.

Когда впервые подумалось о ней, да и вообще были ли мысль, именно как о проповеди, сказать бы он не мог. И, тем более, как только возникала об этом какая-нибудь мысль, он прятался, убегал от нее, как избегают встречи с тем, перед кем виноват.

Но душа, как невидимая пчела, собирала этот свой горький мед. И чтоб почувствовать, что сердце уже переполнено, нужна была, наверное, последняя капля.

... Статья в журнале и последний разговор с Фредом ... Фред говорил, глядя куда-то в сторону бетонного шоссе, с неподдельной грустью, припав спиной к высокому, с колючей проволокой, забору дивизиона:

- ... Привнесешь в мир любовь - погибнешь от ненависти ... Бог. Свобода. Любовь. Вот с чем пришел иудейский народ в мир. Ему же ответили Освенцимом ...

Уже в машине, когда она только отъезжала от ворот дивизиона, он, протоиерей, понял, что эти слова должны стать частью его проповеди. Главной частью. Их оставалось только произнести. И он должен был их произнести. Он должен был передать людям боль этого еврейского парня, которая была и болью миллионов его соплеменников

... Дорога от дома к церкви. Старый знакомый путь. Каждый день по нему идет он, идут сотни его прихожан ... Люди идут одной дорогой ... По этой же дороге не раз шла его любимица Ривека, однажды этим путем шел и Фред ... Диакон Василий ... Люди идут одной дорогой, но разными путями.

Сегодняшняя дорога для него - постаревшего на ней протоирея - такая же, как много лет назад, и сегодня уже иная. Кто знает, может, это его последние версты на этой земле. Во всяком случае, их осталось немного ... Но, может быть, это просто усталость? А если не усталость? Но тогда откуда это? Если раньше он мог видеть впереди свое время - отрезки в пять, десять лет, в которые он знал - ему быть, и ничто с ним не могло случиться, сейчас впереди была пустота. Мрак. Как эта осенняя темень. И

ничего не изменить ... Но, в общем, все было так, как должно было быть. И поправить уже ничего нельзя.

И вдруг скользнула неожиданная мысль: а ведь он мог бы все изменить. Прямо сейчас, на этой дороге, начать с того, чтоб отказаться от проповеди, которую он должен был начать через каких-нибудь несколько минут. Отказаться от нее и затем оставить службу. И тогда впереди возникал добрый кусок жизни - не только из пяти, а кто знает, и - больше лет. Все можно было бы поправить - прими он только решение. Выходила странная штука: ничего поправить нельзя, потому, что все можно было изменить. Потому он не откажется и от сегодняшней проповеди ... Которую, знал, ему не простят ... Как, впрочем, и многое другое ...

Он представил, как будет проходить проповедь, видел, кажется, все в деталях ...

... В церкви, как обычно, горели свечи. Стоял негромкий гул голосов. При входе его разом обернулись несколько рядов, человек тридцать. Поклонились.

В первом ряду, как всегда, стояла Ривека. Он улыбнулся ей. И вот под куполом вспыхнул яркий свет: зажглось паникадило - огромный обруч-люстра, на котором горело множество лампочек-свеч. С алтаря он увидел диакона Василия, тот стоял возле лотошника. Из-за спины выглядывал его вечный спутник, что-то вроде лакея - плотный, низкорослый мужичок.

Но вот он, протоиерей, поднял голову.

В храме все замерло. С портретов святых на стенах, с царских врат, всего иконостаса - отовсюду струилось ослепительное золото.

Он взялся за крест на груди, и в густую тишину опустился низкий звучный голос:

- Братья и сестры! Я понимаю ваше удивление и, может быть, недоумение. Тот ли час, та ли минута, чтоб засиял этот свет в глазах наших! - он показал рукой на паникадило. - Может, и нет. Но я хотел произнести сегодня словопокаяния. Вы знаете: покаяние - путь к очищению. И поэтому пусть этот путь будет освещен божественным светом: чтоб увидели мы! И, увидев, прозрели!

Скажу вам правду. Не просто, братья и дети мои, мне было решиться выйти к вам с этим словом! Ибо сегодня я должен обвинить и признать вину. Обвинить самое святое для меня - христианскую церковь, и признать свою и общую нашу вину.

Диакон остолбенело смотрел на него. Ряды прихожан онемели. Церковь словно рухнула в вязкую тишину.

- Я хорошо понимаю, - продолжал он, - что значит слово «вина» и что означает «принять на себя вину» ... Но о какой вине говорю я? И перед кем?

Он выдержал паузу и твердо расставил:

- О вине Церкви перед многострадальным народом дома Израилева ... Но вспомним прежде, кто впервые возвестил миру: «Возлюби ближнего своего»? - Израиль. Вспомним, чей народ подарил миру Бога единого? - Израиль. Вспомним, кто первый поднял над миром слово Свобода? - Израиль.

Привнесешь в мир Бога - будешь обвинен в богоубийстве! При внесешь в мир Свободу - поставят на тебе клеймо раба! Привнесешь в мир любовь – погибнешь от ненависти к тебе!

Бог! Свобода! Любовь! Вот с чем пришел иудейский народ в мир. Мы же ответили ему печами и газовыми камерами Освенцима.

Но и сегодня есть опасность Освенцима. Мы пришли к тому, что готовы в храме господнем убить!

Прихожане стояли в растерянности.

Диакон Василий стиснул зубы.

Он - о. Александр - говорил спокойно и уверенно:

- Сегодня я признаю себя виновным в страданиях, смерти ни в чем не повинных стариков, женщин, детей. Тех, кто был сожжен на кострах инквизиции, принял смерть мучеников, но не предал своей веры!

Виновен!

Виновен, если хочу излечиться!..

... Виновен! - невольно выдохнул настоятель в ночь. Задумавшись, не видел, как из-за угла выскользнула черная тень низкорослой фигуры, подкралась из-за спины.

Над головой протоиерея тускло блеснуло лезвие топора ... О. Александр терял равновесие, но все же, пошатываясь, повернулся.

Сделав шаг, казалось, пытался разглядеть в темноте пятившегося убийцу. Но кровь уже залила все лицо, глаза, протоиерей шагнул еще раз и только услышал звон ударившегося об асфальт топора и животный крик бросившегося в безжизненную улицу человека.

О. Александр знал, что теряет сознание, собрав силы, дотянул до какой-то стены и, берясь за нее, перебирая по ней руками, делал свои последние шаги. К церкви ... Уже в уходящем сознании мелькнуло:

«Не успел!»

В последнюю секунду священник выпрямился и, словно подкошенный могучий ствол, рухнул на землю.

Ночь, как черная ряса, скрыла окровавленный на груди священника крест и кровавую к топору дорогу.

... Фреда втокнули в темницу, замуровали дверь. Камера смертника. В дальнем углу слышался шорох. Присмотревшись в слабом свете лучинки, Фред увидел стоявшего на четвереньках человека. Минуту всматривались друг в друга. Стоявший на коленях, видно, что-то вычислив для себя, распростерся на соломенной подстилке.

Фред подошел к нему, попытался заговорить, но незнакомец безучастно смотрел в темный потолок.

Фред обшарил углы и стены - ни еды, ни питья, лишь на одном камнестояла кружка с тухлой водой.

Время вычеркнуто, вместо него - привыкание к мысли о смерти.

Но все же смерти еще нет.

Лучины сменяются одна на другую. Время - свет.

Фред нашел какой-то ящик, поставил возле камня, сел на камень перед ящиком, как продавец за прилавком. Незнакомец изредка поглядывал на своего «коллегу».

Фред начал торговлю:

- Подходите, покупайте! Самые дешевые туфли! Самые лучшие в мире украшения: Самоцветы! Жемчуг! Бриллианты! - голос Фреда громкий, как у торговцев на восточном базаре - Подходи! Налетай!!!

Незнакомец, зашуршав соломой, приподнялся на локте, взгляделся.

Хоть и полумрак в темнице, а у Фреда торговля, видать, шла отличная, теперь он всю хвалил покупателей:

- Молодец! Не пожалеешь! Носи на здоровье! Сам будешь носить и еще внукам останется... Девушка, вот

бюстгальтер французский! Как раз на ваши молоденькие груди! Мерить даю бесплатно! - бюстгальтер, видно, подошел, и Фред в восторге подарил еще пару. - Бери!

Сколько времени шла торговля - неизвестно. Но голос Фреда чуть-чуть осип, и это должно было означать конец рабочего дня. Пора собирать манатки.

Фред закрывает базар.

Незнакомец давно лежит, отвернувшись к стенке: видно, решил, что его сокамерник свихнулся.

После базара - отдых. Фред снова пытался разговаривать незнакомца, но тот упорно молчал в потолок.

Фред опять ощупывает стену - может, можно где-то расковырять, пробить дыру ... Но везде камень, да железная дверь замурована.

И как измерять время?

- Господа! - Фред подносит ко рту кулак - микрофон. - Сегодня перед вами выступает лучший скрипач мира - Фред Подневольный. Пардон! Фред Свободный! Поприветствуем! «Микрофон» сходу превращается в «смычок», и пошел смычек по скрипке! Скрипка по техническим причинам озвучивалась голосом: та-та-та-та-м, та-та-а, та-та. Концерт по заявкам. Полнейший аншлаг! У зрителей, в том числе у незнакомца на сене, в полумраке горят глаза, разумеется, от восторга!

- Браво! Браво, Фред! Браво, Свободный! - скандирует зал и требует:

- «Молдаванку!» - «Семь сорок!»

- «Плач Израиля!» - заявки сыплются справа и слева. И, конечно же, цветы! Женщины, девушки вбегают на сцену, целуют его. Но вот и она! Единственная! Ривека! Она плывет к нему, как во сне! Протягивает руки, обнимает ...

Концерт оборван. Фред опускается на свою постель (тоже из соломы), смотрит в ноги. Как хочется жить! Видеть Ревеку! Быть с нею Но вокруг темнота, лишь тонкое пламя свечи да угрюмый незнакомец. Но, может, он немой?

И время вычеркнуто. Только меняются лучинки, да лицо обрастает бородой.

Но жизнь идет. Надо ходить на базар, устраивать концерты и, конечно же, заниматься наукой. Для этого, разумеется, здесь тоже есть все условия, нужна тетрадь, - пожалуйста, целых четыре стены, нужна ручка - есть камешки на полу.

- Начинаем лекцию! - громко предупреждает Фред.
- Сегодняшней темой будет: «Элементы высшей математики в решении прикладных задач христоматолокеяйцеграфических процессов...»

Незнакомец на Фреда уже и не смотрит. Или не слышит, или точно решил, что в камеру ему подбросили долбанутого.

В кружке кончается протухшая водица, ремень застегнут на последней дырочке ... Но жизнь все-таки идет. А значит, нужно идти, ползти на базар, торговать, покупать, одевать.

- Нержавеющие бананы! Скатерти-самобранки! - выговаривает Фред. Он уже не похож на прежнего азартного продавца на восточном базаре, разве что оброс весь ... но все-таки, как может, Фред предлагает:

- Чувяки. Носки. Презервативы!

При последнем, незнакомец подает признаки жизни, шуршит, как мышь в соломе, поднимается.

- Подходи, покупай, - устало приглашает Фред. - Самые дешевые презервативы в мире. Милльон долларов штука.

- Ничего себе, самые дешевые! - хрипло возмущается незнакомец.

- Не нравится, - проходи дальше, ищи дешевле. Незнакомец вдруг зло посмотрел на Фреда, опрокинул его ящик-прилавок И, схватившись за голову, завопил:

- Мы дышим здесь! Гнием! А ему - гандоны! Сука! - он бредет в свой угол, валится на подстилку.

Но жизнь все равно идет, а значит, надо проводить и концерты, и лекции. Только по сто раз уже сыграны все пьесы. «Плач Израиля», «Семь сорок» сыграны сто раз и исписаны на лекциях тетради - все стены, осталась нетронутой лишь маленькая страничка - последний нижний угол.

Фред подползает к этому кусочку-странице, задыхаясь, теряя порою сознание, почти безжизненной рукой выводит: - Свобода.

Теперь уже все кончено, гаснет последняя лучинка, осталось только после «Свободы» поставить точку. Фред вдавливая в месте точки камень, и рука вдруг прорывается сквозь стенку. В образовавшееся отверстие проникает живительный воздух и свет. В этом, последнем углу, обнаруживается лаз.

«Неужели свобода?!»

От счастья у незнакомца вдруг появляются силы, и он, как ребенок, скачет по темнице (уже бывшей): - Свобода! Свобода! Свобода!

... Казалось, всего-навсего это был сон, но живой. А, может, это было и какое-то предупреждение перед бедой ...

... Вечером по команде комбата выстроили весь дивизион.

На дворе шел дождь, и солдаты построились в узком коридоре казармы.

Комбат, по привычке забросив руки за спину, прошелся вдоль длинной шеренги, достав какие-то листки, стал по центру:

- Рядовой Гришин!

- Я!

- Выйти из строя!

- Ефрейтор Грызанов!

- Я!

И капитан назвал всех солдат из призыва Фреда. Вызвал и его.

Стояли лицом к шеренге.

Комбат завел длинную речь о том, как хорошо служили эти «ребята», как «добросовестно» выполняли свой воинский долг. Все. Кроме одного. Им был Фред.

Ну так вот, сегодня я принес обходные листы. Сыч казался великодушным. - Итак, поздравляю старослужащих с началом демобилизации! - комбат раздал «бегунки».

Перед строем остался один Фред.

- Ну а вы, после хулиганства в церкви, должны отработать свой долг. Поэтому ваш обходной пока останется у меня, - и подсышал ... - Вместе с протоколом, конечно.

Фред стиснул зубы.

Капитан стал рядом, негромко, поигрывая перед глазами Фреда, обходным листом, предложил:

- Но если мы признаем свою вину и примем наше предложение, то, пожалуйста: ... Дом ... Друзья ... СВОБОДА, вот они.

Фред взглянул на прямоугольный листок, которым Сыч дразнил его, отвернулся.

- На канал, - спокойным голосом выдал комбат. - Там лучше думается.

Фред прошел вдоль шеренги, каждой клеткой ощущая взгляд строя. На дворе по-прежнему лил нудный дождь. Фред прошелся по крыльцу: вперед - назад, в раздумье невольно выронил: - Только одно «да» ... - и поймал себя на том, что, кажется, начинает заговаривать сам с собой.

Мгновенно, словно только и ждали, как дешевенькие шлюшки, откуда-то вынырнули сомнения: ведь все можно изменить. К чему это упрямство? Ну пойдет он в церковь, ну окрестят ... Ну и что? Неужели из-за этого он вдруг перестанет быть евреем? Ведь не перестанет! А как близко - дом, гражданка ... Ривека.

И усмехнулся: «лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Хотя, в общем, если умирать нормально, то лучше всего в постели, по-человечески. А стоя надо жить.

Из дверей с шумом-гамом высыпали солдаты. Мгновенно зачиркали спички, задымили сигареты.

Вышли и друзья Фреда. Виновато стояли рядом, молчаливо курили.

Пауза становилась тягостной. Фред вернулся в казарму, надев шинель, сбежал с крыльца, под взглядами солдат, быстро направился к воротам.

Он уже выходил из калитки, как в спину у дарил голос Грызанова:

- Стой! Что-то скажу!

Вприпрыжку, перемахивая через лужи, подбежал к Фреду.

Переводя дыхание, выпалил:

- ... Священник! ... Убили его! ... Который приезжал! ... Сейчас по телеку передали...

Фред привалился спиной к воротам ...

- Ощущение пустоты не покидало весь вечер, было чувство потери. Казалось, с протоиереем он был на разных полюсах, а в чем-то, может, и враждовал, но вот неожиданно и впервые в жизни, после его смерти пришло ощущение, что мир, действительно, может терять. Произошло непоправимое. Личные беды виделись незначительными и суетными...

... Колдовала над миром ночь, принося в людские жилища сны и бессонницу, смывая контуры праведности, лжи, меры и платы. А если что-то и обозначала резче, то силуэты ненависти и потерь ...

... Свеча горела в сложенных на груди, покойных руках о. Александра и впервые не отражалась в его глазах.

Протоиерея хоронили на старом христианском кладбище, находившемся сразу за церковью.

Гроб вынесли из храма и до могилы несли на плечах. Плакали одетые в черное русские женщины: опираясь на палочки, с трудом переставляя ноги, шли зао. Александром столетние старушки. Повидавшие жизнь мужчины, с медалями на пиджаках, не могли удержаться слез.

Руководил похоронами диакон Василий. С траурной маской на хилобородом лице сновал вдоль процессии, бросая команды.

Где-то толпе с жвачкой в зубах шлепал низкорослый мужичок Клоп. Взгляд его тянуло к гробу, но перед глазами вставало обернувшееся в ночи, лицо священника.

Фред на похороны успел. Переодевшись в гражданскую одежду (у бабы Лены) шел в длинном, запрудившем всю улицу, траурном шествии.

Провожать настоятеля, казалось, выпел весь Горск. Было много евреев, крестившихся у о. Александра.

Ривеку Фред увидел, когда входили в разваленные железные ворота кладбища. Она держала под руку жену настоятеля - Надежду Ивановну.

Рядом же, поглядывая по сторонам, шла Марина.

В толпе мелькнуло лицо Ромы и до самого конца шествия попадало на глаза.

Но вот глухо ударили по гробу комья сырой земли, заголосили старушки, заплакали молоденькие прихожанки. И бил по нервам духовой оркестр.

Быстро поднялся рыжий холмик земли.

Все.

И тогда Фред поднял скрипку и над свежей могилкой зазвучал «Плач Израиля». Ударила тишина. Лишь в этой онемевшей тишине. отчетливо звучала печальная мелодия. В какую-то минуту все, казалось, растерялись, но рванул женский плач, и все увидели, как жена священника припала к плечу Фреда. Тот опустил скрипку, хотел было обнять так неожиданно подошедшую к нему эту

женщину, но откуда-то возник Рома: - Пойдемте, Надежда Ивановна...

Она на прощанье сквозь слезы взглянула на Фреда:
- Он очень любил тебя, Фред! Помни об этом!

Рома под руку повел ее, и с другой стороны стала Ривека.

Фред сквозь толпу протиснулся к ней, хотел было приостановить за руку: - Ривека, только одно слово. - Но она высвободила руку: - Потом ... Я прошу тебя ... - и шагнула вслед за Надеждой Ивановной.

Рома подождал, пока женщины сели в машину, стал перед Фредом:

- Отойдем-ка, парень!

Они перешли на противоположный тротуар, стали под развесистым кленом.

Поигрывая ключами от «Жигулей», Рома небрежно проплевал:

- Я ведь предупреждал тебя, скрипач?! Оставь девчонку в покое!

- А ты кто такой? - в тон ему ответил Фред.

- Ты хочешь знать, кто я такой?!

- Вообще-то ты мне и на хрен не нужен! - Фред посмотрел ему в глаза.

Рома вскипел, схватился было за борта его пиджака, но в толпе у церкви и из машины за ними наблюдали.

- Я еще найду тебя, падла! - несколько отойдя, обернулся Рома. - Жди!

- Да идешь ты ... - послал его Фред.

Рома красноречиво пальнул глазами, но своего шествия к машине не остановил, захлопнулась дверца.

Фред увидел, как в заднем стекле обернулась на него Ривека. Взгляд, как перед расставанием.

Красная «Лада» скрылась за поворотом.

Толпы людей от церковных ворот растекались по улице.

Теперь уже никто из этих прихожан не придет на проведи о. Александра. Фред побрел наугад.

Вспомнился последний, долгий разговор с протоиереем.

- Ривека любит тебя. Просто у нее накапливается чувство вины.

- Она не свободна.

- А что такое свобода?

- Свобода - это отсутствие вины.

- Но каждый человек в чем-то всегда виновен.

- Я, например, ни перед кем, ни в чем не виноват.

- Имеется в виду - каждый должен чувствовать в себе некоторую греховность...

... Фред выбрел на тихую, с низкими домами улицу. Клены с округлыми, как мозги, кронами, выстроились вдоль узких тротуаров.

Неподвижные и равнодушные замерли перед окнами, как перед склеенными зеркалами.

Пустынное серое небо.

Подумалось о доме. Сейчас бы в аэропорт и - домой. Но ...

Свободы - хоть отбавляй.

Фред внутренне усмехнулся.

Вспомнился Еська. С его легкой, а может, и нелегкой, руки он познакомился с Ривекой ... Время - третий час. Можно бы и сходить к нему. Все равно до вечерней проверки успеть можно.

Еська поначалу его не узнал.

- Вам кого? - крикнул он, выйдя на крыльцо, но потом, радостно плеснув руками, сбежал навстречу:

- Тебя в гражданке и не узнать! Тебе бы «бабочку» на кадык – и на концерт!

Пили на кухне чай. Еська слушал Фреда, сострадательно поводя крупным носом:

- Я тебя понимаю! Кто-кто, а я тебя понимаю! Моя баба, знаешь, сколько меня водила за нос?!

И оба рассмеялись.

- А этот Рома - сука! - возмущался Еська. - На глазах этих христиан - на своего же еврея! ... А мы еще, чуть чего - да мы евреи! Евреи! А сами не знаем, как горло друг другу перегрызть! Еврей еврея не любит! Клянусь!

- Это так. Но только это и в каждом народе: есть евреи, которые евреев же и не любят, русские - русских, французы - французов. Самый большой антисемит среди евреев, русофоб - среди русских, самый большой антиазиат - среди азиатов ... Самый большой враг твоего народа - в твоём же народе. Все напутано в этом мире.

Еська предложил «все-таки» по маленькой, но Фред отказался. Поторговались и в конце концов вместо выпивки взялись за прерванный разговор.

- Интересное дело в этом мире! - искренне поражался Еська. - Одни - евреи! Другие - китайцы, Третьи - еще кто-то. А ведь все из одного мяса, из одного «лекарства», и все по одному методу делаются! - он показал это известным жестом.

Но потом, подперев щеку ладонью, призадумался.

- Знаешь, когда я себя больше всего евреем чувствую? - вдруг неожиданно бросил он, - Когда меня жидом называют и на праздники!

Рассмеялись.

- Все верно, - после паузы вставил Фред. - Нация - это боль ... А так, если по каждому человеку судить о нации, то все нации сволочами окажутся.

- Только во всем евреев обвиняют ... Знаешь анекдот?

- Нет.

- Один отдыхает на море. Загорал себе, купался. Ну вот полежал на песочке и думает, пойду окунусь еще разок, заплыл далеко. Смотрит по сторонам, видит, что не выплыть ему. «Жида проклятые!» - кричит.

Посмеялись.

- Что ни говори, Еська! - Фред отчаянно рубанул рукой. - А интересный все-таки народ еврейцы! Никакие гонения не убили в нас смеха! - и уже в раздумье проговорил. - Но кто знает, может, и по-другому. Может, потому и смех в еврейской душе, что она переполнена печалью? А?

- Это уж т-точно! - заверил Еська ...

В этот день с Ривекой Фреду встретиться не удалось. До позднего вечера она была в доме о. Александра.

Фред вернулся в казарму к вечерней проверке. В коридоре столкнулся с Сычом.

Глаза в глаза.

- Отдыхаем? - безразлично спросил комбат.

- Отдыхаем ...

- Отдыхай, отдыхай, Иври, только канал не на мне.

- И не на мне тоже!

Сыч быстро взглянул:

- Бунтовать вздумал? Ну бунтуй - бунтуй, - капитан шумно высморкнулся в огромный носовой платок. - Геррой! Евреи вообще гер-роический народ ...

- 140 героев Советского Союза - евреи, товарищ капитан... между прочим.

- Ты будешь сто сорок первым... Но вот все твои друзья разъехались, даже не знаю, как ты здесь будешь ... Среди новобранцев столько здоровых ребятишек... а друзья, получается, далековато ...

- Ничего, товарищ капитан, лишь бы друзья были ... помогут! - в тон ему ответил Фред.

Ривека заставила себя взять свой церковный платок и пойти в церковь. Перед выходом замучила себя перед зеркалом, то надевая, то снимая его. Словно надевала его в первый раз.

Вдруг с накотившей досадой отшвырнула его, раскинув уголки, платок качнулся в воздухе и мягкой, мертвой птицей упал на пол.

Ривека долго смотрела на синий комок материи, подошла к нему и снова, уже в который раз за эти минуты, ей увиделись глаза о. Александра.

С упреком себе Ривека сорвала платок с пола, быстро сбежав по лестнице, может быть, впервые в жизни, не таясь, прошла мимо дверей отцовской комнаты.

Жена Елизара во дворе подвязывала стебельки уже отцветших роз.

- Пошла? - мельком взглянув, привычно бросила она.

- Да. Я скоро, - предупредила Ривека, тут же поймав себя на «скоро»: там ведь нужно находиться немало времени.

И по местечку в этот раз проходила, не боясь и не стесняясь расспросов и возможных насмешек.

Так и получилось. Встретились две подруги:

- Привет, Ривека! Ты куда?

- В церковь, - ответила без оглядки.

- Ну и сумасшедшая ты!

- Какая уж есть, - пожала плечами, и теперь страхи исчезли вовсе.

Ривека уже вышла из местечка, привычно перешла дорогу. Вот и этот короткий узкий переулочек. Минут через десять она будет у церкви.

Сердце вдруг тревожно ударило: какие взгляды, какие лица встретят ее там? ... Как теперь все будет без о. Александра?!

Она машинально посторонилась: белый автомобиль медленно выплыл из-за спины. Не придав особого значения - машина, как машина, мало ли их ездило по этому переулку ... думала о священнике.

Белый автомобиль остановился. В секунду, Ривека не успела и крикнуть, два человека, пригрозив ножом, посадили ее в машину, и автомобиль, вырвавшись из переулочка, через минуту уже мчал по широкой улице.

Ривека оказалась на заднем сиденье меж двух мужчин. Сидевший справа ткнул ей под грудь ножом:

- Не бей крыльшками, пташечка - христосочка! А то твою грудку собачкам - ням-ням!

- Ты там осторожней! - небрежно бросил, сидевший впереди в фуражке и очках мужчина. - Товар мне не испортить!

В первые мгновенья Ривека показалось, что она теряет сознание, но потом все вдруг оказалось как есть: она меж двух парней в куда-то летящем автомобиле.

Страх. Мысли о смерти. С отчаянием подумалось о родителях.

- Ты не бойся, мы тебя не тронем. Ты нам нужна живая! - нарочито-ласково повернулись к ней «черные очки»

В какой-то момент Ривеку заставили пригнуть голову, держали ниц, пока машина не въехала в маленький двор с небольшим кирпичным домом.

Смеркалось.

Ривеку ввели в освещенную стеклянной люстрой полупустую комнату: два занавешенных окна, кровать, диван, стол. На тумбочке телевизор.

Мужчина, угрожавший ножом - в кожаной черной куртке - подтолкнул ее к дивану, заставил сесть. Глядя испуганным зверьком, она вжалась в угол.

В комнате появились остальные. «Черная куртка» подседа к Ривеке, глядя в глаза, словно всасываясь в них, медленно повел рукой по ее ноге:

- Ах какая свежесть!

Ривека сбросила его руку. «Куртка», тут же схватив ее подбородок, долгим поцелуем впился в стиснувшиеся губы.

Ривека пыталась вырваться, билась под навалившимся на нее грузным телом. Высвободилась неожиданно: очкастый, видно старший в банде, за волосы оттянул голову «куртки», сбросил его на пол. Отряхнув руки, предупредил:

- Не шали! - покровительственно посмотрел на Ривеку, оттиравшую рукой красный рот. - Не бойся,

девочка! Тебя больше никто не поцелует! Кроме жениха твоего, конечно! Если, конечно, твой папуля окажется молодцом.

Потом все четверо сели в стороне, двое на кровати, двое напротив на стуле. По их обрывистой речи Ривека поняла: она заложница, и теперь от отца хотят потребовать двести тысяч.

Поначалу стали торговаться: то заломили бешеную цену, то - вроде бы ничего - папаша осилит. Если даже продали дом за триста тысяч, кое-что еще должно было оставаться. Ведь в Израиль семья Дана должна была выехать еще не скоро.

Спорили и поглядывали на Ривеку.

- Ну что? Остались у папки деньжата? - спросил главарь. Ривека молчала.

- Ладно. Если даже и не остались - найдет. Еще как найдет.

Ведь она еврейка. Значит и родители ее тоже евреи! А евреи - ох как любят своих детей! Чего-чего, а этого у них не отнять! Лю-любят!

И вдруг вспомнилось Ривеке Евангелие:

«И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и детях наших».

Главарь, глядя на нее, не то действительно с уважением, не то для своего успокоения и убеждая своих «собратьев», продолжил:

- В детдомах нет ни одного еврейского ребенка. Это я по бывшей своей пахоте знаю. Евреи своих детей не бросают. Так что за нашу красавицу старик любую деньгу положит, так ведь, Ривека?

Она удивилась, что главарь назвал ее имя, но тут же резко одернула:

- Нет у отца никаких денег! - а в глубине души вдруг испугалась: неужели не дадут за нее эти паршивые деньги! Но тут же успокоила себя - отец отдаст любые деньги!! Если даже эти мрази попросят миллион.

- Если надо, и триста найдет! - главарь словно отгадал ее мысли. - Ну, ладно, лапонька, чувствуй себя, как дома!

В комнате раздалось ржанье.

- Пошли ребята! - кивнул главарь. Закрывая за собой дверь, обернулся:

- Ничего не бойся. Здесь у тебя будет охрана, как у шахини, если захочешь пи-пи, ам-ам или еще что, постучи в дверь. Вот так: тук-тук. Так что отдыхай и молись на своего папулю, чтоб евреем оказался.

Плач накатил вдруг, словно разорвал какие-то невидимые перегородки.

Она плакала, сдерживая рыданье, ткнувшись лицом в коричневое покрывало дивана, жалела и укоряла себя, жалела отца, чувствуя перед ним вину и отчего-то постоянно вспоминала строку из Евангелия: «И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на детях наших»

Для отца, действительно, самым святым в жизни была семья.

Ко своей второй семьей он шел долго. После войны, узнав, что жену и двоих детей убили, уехал из Горска, долго скитался по стране, жил один, боясь и одновременно желая новой семьи.

Первая покоилась за Горском, в том же рву, где нашли свою смерть шестьсот евреев местечка.

... Раздетые, они уже спустились в огромную пасть рва. Пряча глаза, стыдясь наготы, сиделись по приказу на холодную землю. Жена Дана спряталась среди старушек.

К ее обнаженному телу, дрожа от холода, жалась раздетая двухлетняя Ривека, грудного сына Дарья прижимала к груди, стараясь как можно больше закрыть голое тельце руками и телом. Малыш нашел материнский сосок, зачмокал, не зная, что это молоко ему уже не нужно, но кто и что заставит мать, отнять грудь у своего малыша, пусть даже в самый последний, гибельный миг. Кто знает, кто может сказать, что думала, что пережила Дарья на дне холодного рва - на этой последней постели, кормя своего младенца? Младенца, которого, она уже знала, скоро не станет.

Немец, стоя на краю рва, приказал всем лечь. Люди были послушны, и черная площадка стала белой от обнаженных тел, не легла лишь Дарья - не могла своими руками положить живого ребенка в могилу. А малыш по-прежнему сосал грудь.

- Лечь! - вслед за фашистом крикнул полицай.

Дарья сильнее прижала к себе младенца, согревая и кормя его.

Тогда немец спрыгнул в ров, ступая по живым телам, стал над Дарьей. Несколько мгновений смотрел на подрагивающий и вбирающий жизнь теплый комок. Потом, расстегнув кобуру, прицельно выстрелил в грудь Дарьи.

Она удержалась.

А по ее груди, как по белому холмику, красной змейкой поползла кровь, стекала в пока еще ничего не ведающий рот ребенка.

Но вдруг малыш выпустил красный от крови сосок матери, вскинул голову, словно удивился чему-то. И заплакал.

На маленьких губках перемешались белые капли материнского молока с ее кровью.

... Рассказывали, что стрелявший в Дарью фашист потом с какой-то гордостью посмеивался:

- О-о! Таковую бы картину написать - красота! «Жидовская мадонна, кормящая ребенка». Повторял, смеялся и был счастлив.

... Отец. В эти страшные для нее часы, думая о нем, Ривека, словно заново обретала его. И обретая, боялась потерять: а может, ее убьют...

Вместе с этим возрастало чувство вины перед ним, только бы увидеть его! Хотя бы на одну секунду!

Думая о нем, она вспоминала о Фреде. Его ласковые руки, губы. «Я люблю тебя».

Оглядывая эту комнату, два окна, на которые были надеты массивные решетки из толстых железных прутьев, она с тоской и страхом (может быть, уже ничего не повторится) видела, что и ее душа была похожа на такую же комнату, в которой решетками и дверьми она отгораживалась от огромного и столько таящего в себе радостей мира ... Христианка ... Но если бы все прошло! Если бы ей удалось вырваться из этого ада!

Она подходила к дверям, вслушивалась, и вроде бы за ними не было никого, но стоило повернуть ручку, оттуда доносился глухой недовольный окрик: - Чего еще?!

Никто из банды ее не трогал. Лишь однажды, на третье утро, один из них осторожно открыл дверь, вслушиваясь в тишину, замер, посмотрел на нее, она полулежала на кровати. Вошедший осторожно повернул в замке ключ, стал медленно подходить.

Ривека, подобрав под себя ноги, вжалась спиной в стену, точно хотела раствориться в ней.

Подходивший - в черной куртке - надвигался, словно черный ком. Подсев к ней, смрадно задышал у лица:

- Не бойся! Ты же мне нравишься! Я спасу тебя! - он говорил тихо, сверкая желтыми припухшими глазами, достал из кармана ключи:

- Я спасу тебя! А ты спасешь своего отца! Подумай сама, где он найдет столько денег?! А так - и ты спасешься и его вытянешь! Ведь вам еще в Израиль надо! Все от тебя зависит! - его рука втекла под платье, поползла вверх по ноге, губы приблизились и снова что-то вкрадчиво шепнули.

- Не-ет! - Ривека впилась в его лицо раскрытой ладонью, пальцы, нащупав яблоки глаз, стали выдавливать их.

«Черный» навалился на нее.

- Нет! - хлестал ее крик по стенам и окнам. - Не-ет!

В полусознании она услышала, как забарабанили в дверь, посыпались ругань, угрозы, от нее отплыла к дверям черная фигура, и затем в комнату ворвались двое из банды накинудись на «черного».

Упав на подушку, Ривека плакала. Потом, вдруг взглянув на троих, всхлипывая, попросила:

- Отпустите меня! Я прошу вас! - она сошла с кровати. - Ну отпустите!!! Люди вы или нет?! Я сама принесу вам эти деньги! Вы же лю-ди!

- Вставай, - в перерыве подошел к ней один из троих. - Не хнычь! - стал он над ней. - Все нормально! Твой папаша молодцом вышел! Не жмот! - и с неподдельным удивлением обернулся на сообщников:

- А и вправду эти евреи сумасшедшие!

Все еще стоя на коленях, Ривека замерла. Спина точно окаменела. Сознывая, что значило для нее только что услышанное, заплакала беззвучно - подрагивающими губами.

Сникла.

Заявился главарь.

Уставшая, разбитая, еще не веря, что действительно спасена, оглянувшись в дверях, словно вновь и вновь удостовераясь, что все прошло и этот ад остается позади.

Она прошлась глазами по тяжелым решеткам окон, взгляд, скользя по комнате, упал на стол, ткнулся в синий комок из легкой ткани - ее «церковный» платок. Теперь он и вправду лежал на коричневой скатерти, как мертвая птица.

Главарь, стоявший рядом, с расшаркивающимся улыбкой поднес ей платок:

- Ваша косыночка, сударыня! Ривека отвернулась.

Главарь о чем-то подумал и снова усмехнулся:

- 200 тысяч и платочек на память... Пошли! - сунув платок в карман, он закрыл за Ривекой дверь.

... Снова машина и долгая езда, остановились далеко за городом.

В какой-то момент в салоне возникла нервная тишина.

- Ну если твой папаша фокус выкинет!.. - сидевший справа, как и в первый раз, поиграл перед ее глазами ножом.

... Она увидела отца первая. Обернувшись в заднее стекло, сжала рукой верх сиденья. С онемевших губ сошло тихое: - Отец, - и повторила.

В руках у старика покачивалась черная распухшая сумка.

Развернувшись всем телом, будто могла прорваться сквозь стекло, она точно в беспамятстве вырывалась из сдерживающих ее рук:

- Отец!

- Не успокойшься, сейчас же уедем! - с переднего кресла потянулся к ней главарь, больно сжал руку.

Ривека испуганно притихла.

Потом ей дали выйти. В первые секунды она стояла неподвижно, не могла отойти от открытой дверцы машины, словно онемевшие ноги вросли в асфальт.

А он приближался. Седобородый, с разлохматившимися прядями - как бело косматое облако. И ей показалось - она увидела Бога.

Медленно шагнув, она метнулась к нему и, казалось, бежала навстречу целую вечность.

- Отец! - она прижималась к его груди, чувствуя щекой мягкую, пропахшую табаком и такую родную бороду. - Отец! - она сильней обнимала его, и по ее спине похлопывали большие и ласковые ладони.

- Прости меня. Прости, родненький!

- Жи-ва! - только выдохнул он, и в ее маленьких ладонях дрогнули огромные отцовские плечи...

... Дома, увидев ее живой - неврежденной заголосила на все местечко мать, долго целовала дочь, не умея успокоиться, била себя по коленям и причитала:

- Как же все это я вынесла, господи?! Как же я вынесла?! Видно, каменное сердце ты дал человеку! - и покачивалась из стороны в сторону.

И рядом с Ривекой были Елизар, Яков, маленький Дан и жена Елизара.

А потом Ривека стояла у окна в своей комнате, наблюдала, как собираются во дворе гости, звучат поздравления и накрывается стол. Отец находился в кругу друзей, улыбаясь, покуривал. Ривека смотрела на него и видела: отец счастлив. Счастлив, что ничего страшного с ней не случилось, что она жива, она здесь - рядом с ним.

Хотя цена этого ... В груди заселилась боль: отец отдал все, все, что заработал за жизнь - и дом, и деньги, и драгоценности. Ради нее, ради дочери. И снова, уже в который раз за этот день, память подставила фразу из Евангелия: «И отвечая, все народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших...».

Ложь! Вдруг осознала она. Ни евреи, ни какой другой народ не могут так проклясть своих детей! Клевета!

Разве бы смог так проклясть ее отец? Разве бы смог? Ривека смотрела на него, стоявшего среди друзей, и он казался, как никогда, родным и близким. Толкнуло раскрыть окно и крикнуть ему что-то доброе, теплое. Отец, я люблю тебя, я очень люблю тебя!

Он вдруг оторвался от разговора и посмотрел вверх, в ее окно. Она тут же отворила створки и помахала рукой, отец улыбнулся, кивнул... седобородый и достойный...

Вдруг на двор налетел сильный ветер, виноградные ветви затрепетали под его неожиданным буйством, сильный порыв ударил по окну Ривеки. Она отпрянула. Внутренние створки окна ударили по раме. Еще. И еще. Посыпались стекла.

Ривека прижалась к стенке. Но ветер, неожиданно ворвавшийся, также мгновенно куда-то унесся, будто коршун, сорвавший свою добычу.

Все лица во дворе были подняты сейчас на Ривеку , но, не замечая их, стоя у окна, пораженно смотрела она на пластилиновые фигурки Христа. Еще минуту назад целые, сейчас, ударами оконной створки о раму, они были сплющены. Глядя на этих бесформенных, раздавленных порывом, всего лишь порывом ветра(!) божков, она вдруг ясно, с ударившим сердцем осознала, поняла тайну и силу Невидимого Бога своих родителей.

ЕГО НЕЛЬЗЯ НИ СМЯТЬ, НИ СЖЕЧЬ, НИ УБИТЬ! ЕГО НЕВОЗМОЖНО УНИЧТОЖИТЬ! БОГ НЕПОДВЛАСТЕН НИ ОГНЮ, НИ ВОДЕ И НИ ЧЕЛОВЕКУ! И НЕТ НИКАКОГО ХРИСТА!

А если и есть - то это идол, идол, сотворенный злом.

Это открытие, это осознание долгую минуту не отпускало, держа ее точно в шоке, но прозвучал тревожный голос отца:

- Ривека, у тебя все в порядке?!

Она снова помахала ему рукой, но это было не так, как несколько минут назад, и она увиделась себе другой:

- В порядке. Теперь уже в порядке! - ответила она.

В ту же секунду на душе стало светлей, и словно кто-то ее подтолкнул, подошла к трельяжу.

- Я - еврейка! - глядя на себя в зеркале, выдохнула она.

- Я - еврейка! - повторила громче.

- Я еврейка! - с удивлением прислушиваясь к своим словам, она с гордостью что-то узнавала в себе.

- Я еврейка! - произнесла громко, подняла кверху раскрытые ладони, словно подставила их теплему дождю.

Так и замерла: в дверях стояли Елизар и Марина. Смеялись.

- Самая хорошая еврейка - это живая еврейка! - Елизар обнял сестру, и все трое уселись на диване.

Теплое уютное молчание.

Взгляд Ривеки упал на лежавшую на столе в черном переплете книгу.

Библия.

Ривека встала, взяла ее, листая, задумалась. И вдруг неожиданно, казалось, и для себя, стала выдирать из нее страницы.

Глянув на онемевших Елизара и Марину, улыбнулась, а затем рассмеялась - открыто и счастливо.

Елизар присел на корточки, поднял одну из страниц и пораженно вскинул глаза на сестру:

- Евангелие? ... - будто не веря себе, выговорил он, оглядывая вырванные страницы, которые как мертвая опадающая листва слетались к полу.

- Оно самая ... У еврейки может быть только одна священная книга - Тора! так ведь, брат? - она заговорила подмигнула.

- Кла-асс! - глядя на нее с корточек - снизу вверх, растянул Елизар.

- Ладно ... - Ривека отбросила книгу в сторону и по зашуршавшим листам вернулась к дивану.

Снова сидели все вместе.

- Знаешь, брат, мне завтра нужно к одному человеку поехать. Надо отдать долг. Понимаешь?

- А кто этот один человек? - он пригладил ей висок.

- А ты его знаешь ...

- Неужели «боец со скрипкой?»

Ривека кивнула.

- А знаешь, мой родственничек-то себе невесту засватал, как бы между прочим вставила Маринка.

- Какой «родственничек?» - не сразу поняла Ривека.

- Ромка, конечно ...

- А-а, - Ривека усмехнулась. - Тут, небось, про меня уже легенды ходят. Что там со мной «делали», когда украли ... Так? - И тут же продолжила. - А ты знаешь, подружка, в эти дни я как-то о нем и не думала. Да и почему я должна была думать? - и в растяжку поехала:

- Вот об отце - думала, о своих братьях - думала, в общем, только о близких думала ... И о «бойце со скрипкой» тоже, - она снова озорно подмигнула Елизару.

- Тебя и не узнать! - невольно выронила Маринка.

- Это уж точно: не узнать! ...

Елизар легко похлопал по плечу Ривеки:

- Слышь, сестра, не узнать - не узнать, а только я тебя одну ни к какому бойцу не отпущу. Вместе поедem.

- Нет, Елизар ... Я одна ... - и в раздумье расставила:

- Не волнуйся, брат, у нас за все заплачено. За все! - И выдохнула:

- За тысячу лет вперед заплачено.

... В казарме - никого, на железных, строго заправленных койках белыми жабами замерли подушки. Кровати друг от друга отделяли низкие коричневые тумбочки. Вдоль стены, сразу от дверей, на длинной

вешалке аккуратно, погон к погону, висели серые солдатские шинели.

Во всем холодная строгость. И если бы не этот неожиданно ясный осенний день, казарма казалась бы безжизненной и покинутой.

Но сочное синее небо, втекая в окна, наполняло ее, как если бы прозрачный бокал наполнили морской волной, подсвеченной золотым солнцем.

Но, может, от этого и слякотно на душе, что за окнами и далеко за ними, там - дома, разлился золотистосиний покой, а он, Фред, одиноко скрючился на табуретке и никого нет рядом, лишь на койке открытый футляр со скрипкой, да эта - его рассвободистая свобода.

Подумалось о Ревеке и друзьях. К ней вырваться уже, наверное, не удастся, а ребята давно разъехались по домам. Из «старичков» в дивизионе он остался один.

«Старичков» - Фред внутренне усмехнулся: старичком его уже никто не признавал, даже молодое пополнение, 12 человек, или вовсе не замечали его, или делали вид. Похоже, и здесь потрудились Сыч.

Вспомнилось недавнее с ним столкновение: «Все твои друзья разъехались. Даже не знаю, как ты здесь будешь ... Среди молодежи столько здоровых ребятешек, а друзья твои теперь, получается, далековато ...

Похоже, Сыч «обкладывал» его со всех сторон: и протокол, и свобода, и вот - новобранцы. Ключ от библиотеки тоже отняли.

И вдруг откуда-то из глубины души высунулась поганая крысиная мордочка: «А что? Мир перевернется? Ну сходишь с Сычом под ручку в церковь! Ну обрызгают тебя водичкой! Ну ... »

Фред зло сорвался с табуретки, раздраженно зашагал вдоль окон. За ними - канал с холмиками выброшенной земли. Здесь окно - солнце - безграничная синь, и не выбраться из этой тюрьмы! Еще окно - еще канал и еще ярче солнце и ослепительна синева! И на руках наручники! и никуда не деться! Никуда ...

Накатившиеся мысли погнали из казармы.

«...Перевести воду из нижнего котлована в верхний ... перевести воду из нижнего - в верхний ... перевести воду ... перевести ... » - сверлили мозг слова Сыча.

Фред прыгнул в канал, сорвал со дня кирку и стал крошить землю.

« ... из нижнего - в верхний ... из нижнего ... из нижнего ... Пожалуйста! На! Жри!» - он остервенело рубил киркой. Земля, крошась, сыпалась на дно, на сапоги, отлетая из-под массивного зуба кирки, стреляла по гимнастерке, попадая в шею, в лицо, на зубах крошился песок.

Капитан сидел в своем кабинете, разбирал схему одного из радио-блоков. В спину, сквозь стекла, ударили глухие звуки.

Он с удивлением стал у окна. Какой-то солдат, стоя по грудь в канале, остервенело, словно вкладывая всю силу в удар, лопатил киркой землю.

«Иври» - еще больше удивился комбат.

С минуту он решал эту неожиданную задачу, поскреб короткими ногтями подбородок и двинул к каналу.

Когда он подошел, Фред уже сидел на дне, привалившись спиной к изъеденной киркой торцовой стенке.

С приподнятой к небесам головой, застыл, словно привороженный какой-то мыслью.

На стоявшего над ним капитана не обращал внимания. Точно и не было ни его начищенных хромовых сапог, ни защитного цвета короткого туловища.

Молчание.

- О чем задумался, Иври? - свалился на него сверху холодный, с желчью, голос комбата.

Фред с минуту поотсутствовал, потом, так и не подняв глаз на капитана, в тон ему растянул:

- А вот, думаю, закончу службу и пойду в институт учиться. На режиссера ...

- Кино снимать будешь?

- Ага.

- Про Иуду, небось ...

- Про Иуду.

- Это хорошо ... Про Иуду - это хорошо. Но вот только закончить надо бы - канал-то ... Вот тогда будет кино! Всем кинам - кино! - нарочито серьезно протянул капитан, глядя вниз, где в яме, словно в капкане, сидела его жертва.

- Торжествуете ... - в тон ему ответила жертва.

- Да чего уж тут торжествовать. Наоборот. Чувство у меня: не увидеть мне твоего кина, Иври, жаль, конечно ...

- Ничего, если не я поставлю, то это сделает другой. Пока не вымрет клевета на евреев о надуманном убийстве надуманного бога, будут написаны сотни книг и поставлены сотни фильмов.

- «Клевета ... будет» - ... сьерничал капитан, - Но когда это еще будет, даже если и будет. Главное-то - ты здесь - в яме, под моими ногами как крысенок в капкане. Вот и все твое кино ... Да-а ... - капитан нарочито безнадежно развел руками.

Фреду вдруг припомнился «сон с темницей», та последняя точка и как рука прорвалась сквозь стенку.

- А что и вправду «да»? - взглянул он на комбата. - Хотите я вам сейчас покажу ... А то, действительно ... - он легко выбрался из траншеи, стряхнул с ладоней землю.

- Чего это ты покажешь?

- Как чего? Кино! Про свободу ... Иуду ...

- Ты у меня, как на ладони, Иври ...

Фред пристально посмотрел: - А говорите, что боитесь, что не увидите ...

- Ну валяй, показывай, а то действительно, что там с тобой еще может случиться.

- Благодарю вас... Только скрипку принесу. А то какое кино без музыки ... разрешите идти?

- Давай, неси свою музыку ...

Через пару минут Фред уже стоял перед капитаном: - Вы бы присели где-нибудь. Не стоя же кино смотреть.

Нашел капитану большой камень, комбат сел, уперся ладонями в колени. Фред отошел от него шагов на десять: - Ну что, поехали? - и прыгнув в канал, присел, точно растворился в нем.

Бескрайнее небо растеклось над колючей проволокой дивизиона, над зачехленными ракетами, над двумя котлованами с грязно-зеленой водой, над черной ямой «канала», в которой, словно в клетке, спрятался человек.

Фред сидел на корточках, на дне траншеи. Вывернул пилотку, натянул на черноволосую макушку

Медленно выпрямляясь, словно вырастал из канала. Смычок коснулся струн, и от земли, словно дымка, потянулась к небесам прозрачная, о чем-то грустящая мелодия. Она струилась к синеве, но, точно, под-

раненная колючей проволокой забора, застонав, оборвалась. Фред опустил смычок, взглянул на комбата. Тот сидел на своем камне метрах в семи напротив, чуть откинув спину, скрестил на груди короткие руки. Но пора начинать. Хотя начало уже было, начало в этом канале. Именно в нем, и с него. Мешает холодный, пронзающий взгляд Сыча. Но нужно справиться! Все, нет его!

Фред поднял скрипку и все еще по грудь находясь в канале, начал:

«...И помни, что рабом ты был ... »

Хотя не окончилось еще наше рабство, прав был Пророк на Синае, ибо часто, еще вчера голодные и оборванные, найдя сытный кусок, мы уже считаем себя самыми счастливыми и свободными. Вино чужбины дурманит наши души, это лживое благополучие створяет из нас слепцов, и, самодовольные, мы забываем о тех днях, когда плетки чужеземцев выжигали на наших лицах позорные рубцы рабства

« И помни, что рабом ты был ... »

Мы напрочь забываем об этом.

А если вдруг и вспоминаем, то лишь тогда, когда враги, превращая в прах наши святыни, заживо хоронят стариков и женщин, насилуют наших девушек, скармливают псам младенцев.

Только тогда, ослепшие, но уже не от благополучия, а от горя, мы вспоминаем, что напрочь забыли о своем рабстве, вычеркнули из своей жизни Заветы Пророка;

И только тогда мы понимаем, что значило для нас дарованное Богом - Исход.

Фред выпрыгнул из канала. Кажется, он справился с собой и был тем самым Иври, который, выйдя из египетского плена, стал на долгий с бесконечными испытаниями путь.

Он играл и комментировал:

«За спиной Иври сомкнулись волны Черного моря.
Исход.

Но прежде исход души. Все мы приходим в этот мир рабами! - Фред шагнул к комбату. - Один раб ненависти и злобы, второй - подлости и зависти, третий - раб денег и собственной же власти.

Можно обрести родину, но остаться рабом. Ибо земля обетованная начинается с другой земли - твоей души.

Покинуть рабом - вернуться свободным. Только уничтожив в себе зависть и злобу, можно обрести эту Землю Спасения - Свободную Душу.

И пусть она не останется для тебя чужбиной. Любить. Помнить. Возвращаться.

Любить трижды обретенную и отнятую землю, боль и горе ее и возвращаться к ней.

Возвращаться к плачу твоему, Иерусалим!»

Вздрыгнула над миром скрипка, заплакала, как плачут, когда разлучают с любимыми..

Комбат стиснул зубы, сжал ладонями колени: ударить бы по этой скрипке, разнести ее в прах ...

Играя, Фред шагнул к нему: - Любить. Помнить. Возвращаться. Ему помогла в этом его скрипка. Помнить. И помнил - скитания по горестным дорогам мира. Сердце Иври кровоточило от ран, но была одна - не рубящаяся ...

Семилетним мальчуганом бегал он среди своих сверстников, играл с ними в одни игры, говорил на одном с ними языке. Однажды они окружили его и стали бить:

- Вы убили Христа! - били его ногами. - Вы убили Христа! - выкалывали ему глаза. - Вы убили Христа! - протыкали штыками и бросали в газовые камеры!

И продолжалось в веках! Продолжалось в тысячелетиях!

- Вы убили Христа! - отбирали у него книги и закрывали перед ним двери в университеты. - Вы убили Христа! - и выжигали на спинах шестиконечные звезды!

И восстало сердце Иври!

- Короче! - небрежно, сквозь зубы, выдавил капитан.

- Хорошо ... если короче. Один только вопрос: Иисус был жертвой добровольной или же был предан?

- Предан, конечно, предан, Иудой предан! - бросил капитан.

- Но тогда, как же признание самого Иисуса: «Я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять ее, никто не отнимает ее у меня, но я сам отдаю ее».

- Наизусть знает ... - с ненавистью ухмыльнулся Сыч.

- Знаю. Но вы не ответили. И никто не ответит! Потому, что если было предательство, то нет никакого самопожертвования. Какое же самопожертвование - если предательство? Или какое предательство - если самопожертвование? Одно из двух. На этом и попался сочинитель Евангелия. Может, он и гениальный был мужичок, но злоба его и подкачала. Ему очень нужно было предательство и чтоб предателем был именно иудей. Вот и ...

Иуда. Имя-то какое подобрано: ни Фома, ни Иван, а Иуда, от слова Иудей. Сразу всю нацию замарать можно.

- Какой расклад! Будто сам и написал.

- Нет. Я б так не написал. Тут, товарищ капитан, без предательства нужно.

- Ну, конечно ... - съязвил Сыч.

- Да нет, товарищ капитан ... Ведь если ты Бог, если пришел в мир взять на себя грехи человеческие и пострадать за всех, так не толкай на грех, да к тому же и смерть. А Иисус что сделал: «обмакнув хлеб, дал ему». То есть толкнул беднягу на предательство и смерть. Ведь знал же он, что после предательства Иуда погибнет? Знал. Но знал и толкнул. Да еще чем? Самым святым - хлебом.

Но ладно, оставим хлеб ... Иисус - то ваш не так должен был поступить. Он не толкать должен был Иуду на предательство, если уж он Бог, а остановить его. Он должен был остановить Иуду и выйти к своим врагам сам. Вот тогда бы он ближнего спас и от греха, и от смерти. Вот тогда и «грех на себя взять, и за людей пострадать». Вот тогда ты и Бог. Но евангелисту предательство было нужно. Иуда был нужен, очень нужно было, чтоб предателем еврей был

- Умеем ... умеем ... - съехидничал Сыч. - Одно слово - жид. Но никому ты ничего не докажешь. А мне, тем более.

- Да вам и не нужно. Я сейчас посмотрел на вас, и с меня все зло сошло.

- Да -а? а может, и в церквушку потянуло?

- Не потянуло. Хотя, если захочу, то пойду.

- Ну, конечно. Ты человек «свободы».

- Да. Свобода - это отсутствие вины, товарищ капитан.

- Во как! Но нет, Иври, не быть тебе свободным! Никогда! Как был ты хриstopродавец, так и останешься им, так что не для тебя это «отсутствие вины». Не для тебя и не для твоих соплеменников.

- Я сказал, доказывать вам больше ничего не буду, не надо мне это. Ни мне, ни моим соплеменникам. Я сейчас это ясно понял. Как никогда. Потому у меня и злости теперь нет. Хотите кричать хриstopродавцы? - кричите. Хочется вам погромов - давайте, действуйте! Вот скоро новое тысячелетие идет - так что видите, какой вам простор открывается: еще целых тысячу лет можно насиловать и убивать! Ну, а там, глядишь, еще тыщонка лет подвалит. Так что простору для работы у вас - ого! И доказывать я вам больше ничего не буду. Не мне это надо, а вам. Я свободен от злобы, а у вас вон какой простор - целые тысячелетия впереди!

- А ты что думал, - вставил капитан, - что мы вам мир уготовим?! Не будет вам, жидярам мира! - он взял из рук Фреда смычок и будто ножом, приставил к горлу и повел им. - Никогда не будет вам мира! Потому, что этого не хочу я! Я и еще миллионы и миллионы! Но и это еще не все. Если сегодня у кого-то появится такой шанс уничтожить ваше племя, думаете, кто-то заступится за вас?

- Не думаем ...

- И правильно! Хрен кто заступится! Весь мир глазки прикроет и будет в две дырочки сопеть да потихоньку радоваться, что, наконец, изведено ваше жидовское племя! - И он с каким-то смаком, точно и вправду у него был нож, протащил по горлу Фреда смычком. - Понял ты это, хриstopродавец? - Сыч рассмеялся ему в глаза. В окнах казармы виднелись пятна лиц.

- А как же заповеди? «Возлюби ближнего», ведь сказано.

- В яму! Копать! - хохотал капитан. - Там тебе и будут все заповеди Христовы.

- Моисея ... Не «христовы». Бог их Моисею на горе Синай дал...

Фред шагнул было к траншее, но капитан вдруг остановил его:

- Стой, Иври. Погоди малость. Несправедливо как-то получается. Ты мне кино «покрутил»? Покрутил. Можно бы теперь и мне. Справедливо? Справедливо. Видишь, я у тебя и разрешеньица выпрашиваю. Так вот, как-то я тебе про наших новобранцев рассказывал. Хорошие ребята! Крепенькие! Ну, да ты их сам знаешь. Позови их ... - и он назвал три фамилии. - У них сейчас занятия, но ты скажи, что комбат приказал.

Фред, взглянув на него, усмехнулся:

- « ... обмакнув хлеб, протянул ему ... »

- Свободен, Иуда! - будто сплюнул, капитан.

- Свобода - это отсутствие вины! - покуражился

Фред.

- Ты еще не наговорился, христопродавец?!

- Уже иду! - шутовски козырнул Фреди, напевая: - Свобода! Свобода! - вперевалочку затопал к казарме.

Через несколько минут в сопровождении трех крепышей Фред подошел к комбату:

- Ваше приказание выполнено! - и шутовски козырнул.

- Товарищ капитан, по вашему приказанию прибыли! - усердно вытянулись остальные.

Капитан стал напротив Фреда, но обращался к новобранцам:

- Ребятки, не в службу, а в дружбу - про десять заповедей слышали?

- Слыхали! - ответили хором.

- И чьи это заповеди ... ну Христа, или еще кого?

- Христа.

- А вот этот Иуда говорит, что Моисея какого-то ... Крепыщи насмешливо прыснули.

Комбат, стрельнув хмурым взглядом, точно обрубил их веселость и они тут же сообразили про Моисея.

- Не порядок! - свысока глянул один из них на Фреда.

- Конечно!

- Какой там Моисей! - брезгливо бросил третий.

- Ты не изменил свое мнение? - комбат, подставил ухо Фреду, точно настройщик.

- Второзаконие Моисея! - Фред бросил руки за спину.

- Подскажите! - бросил комбат солдатам.

Те переглянулись, помялись, видно, не знали, с чего начать «подсказку». Взглянули на комбата. Тот отвернулся.

Один из троих лениво подрулил к Фреду:

- Так чьи, говоришь, заповеди-то? - Что не слышал? Иуда! А ну повтори! - он впился пятерней в гимнастерку Фреда

Другие двое, тут же став по бокам, перехватили его руки.

- Убери грабли! - Фред равнул плечами.

- А ну повтори, жидяра!

- Чернь! - Фред сплюнул ему в лицо.

Тот ударил фреда коленкой в живот.

- «Я Господь Бог твой», - Сыч стал отсчитывать заповеди. Потеряв дыхание, Фред пригнулся, но от удара в подбородок отлетел к каналу.

- «Да не будет у тебя других богов», - подбросил капитан.

Фред поднимался, но снова был сбит ударом сапога в плечо.

- Помни День субботний, чтоб святить его» - Сыч был начеку.

Раздавались глухие звуки ударов, и старателен был комбат:

- «Чти отца твоего и мать твою» ...

Его помощники тоже входили во вкус.

- «Не убей! Не укради!» - смаковал и Сыч.

Поднимаясь с колен, Фред попал рукой на большой булыжник. Встав, поднял его над собой:

- Стоять, мрази! Ну-у!

Лицо его было разбито, с обеих ноздрей на припухшую губу двумя нитями стекала кровь.

- Убью, падла! - с поднятым камнем Фред пошел на капитана. Тот побледнел, вцепив ладонь в висевшую на боку кобуру, растегнул ее.

Фред, впившись глазами в помертвевшее лицо комбата, приблизился к нему, для удара завел над головой камень.

- Давай! - процедил Сыч. - Бей!

Фред застыл с поднятым камнем, но через секунду булыжник вырвали из его рук и новым ударом Фред был сбит на землю.

Он лежал, ткнувшись лицом в землю, сплевывая перемешавшуюся с песком кровь.

- А это тебе одиннадцатая заповедь! - комбат сапогом, с силой ударил лежавшего на земле Фреда.

Фред захрипел, скрючился, на несколько минут потерял сознание.

- Будет знать заповеди! - сплюнул один из троих солдат. От казармы донесся быстрый топот сапог. К ним, поправляя на ходу красную на рукаве повязку, мчался дневальный.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться - вытянулся он перед Сычем.

- Что еще? - хмуро бросил он.

- Приехали там ... Девушка одна.

- Какая еще девушка? К кому?

- К нему, - едва кивнул тот, не рискуя взглянуть на лежавшего на земле Фреда.

Сыч, застегнув кобуру, надвинул на лоб фуражку.

- Сбросьте его пока туда! - он кивнул на канал и направился к воротам. Сквозь затуманенное сознание Фред чувствовал, как его ноги волоклись по земле, куда-то сорвались.

Уже придя в сознание, он услышал обрывки фраз и удаляющийся топот сапог. Увидел себя на дне канала. Приподнявшись на локтях, привалился плечом к холодной стене траншеи.

...Перед Сычом стояла стройная девушка с длинной, сбегавшей с груди косой. В руках держала книгу.

- Здравствуйте.

- Здравсте! - коротко стрельнул капитан, с раздражением глядя на книгу.

- Я к Фреду, - девушка, видно, стесняясь, обеими руками прижала книгу к груди.

- Верующая? - книга точно казнила его

- Да.

- Христианка?

- Нет.

- Он занят, - капитан повернул к воротам.

- Товарищ командир! - Ривека подбежала к нему, став между ним и калиткой, словно преградила ему дорогу ...

...Пересиливая себя, Фред вытащил свое тело из канала, пошатываясь, побрел к казарме.

Под прицелом любопытных солдатских глаз поднялся на крыльцо. Кто-то сочувственно открыл ему дверь.

Коридор. Дневальный.

Оставляя комья земли, тяжело топал по надраенным шашечкам кафеля.

- К тебе баба какая-то приехала, - видно, ужаснувшись виду Фреда, чем-то захотел ему помочь стоявший у телефона дневальный.

Ссутулившись, не слыша его, Фред прошел мимо.

- Баба к тебе приехала, говорю ... Ривека, говорит ...
- в спину ему повторил дневальный.

Фред замер. Медленно, точно не веря, обернулся.

- Точно говорю тебе! - чуть ли не забожился солдат на пристальный взгляд Фреда, - Комбат сейчас там... только не говори, что это я ...

- Спасибо, брат, - выдохнул Фред, толкнул дверь казармы.

До ворот нужно было пройти метров сто.

Нескончаемой казалась петляющая под сапогами дорога, гулко било сердце: только бы не ушла! Только бы успеть!

Наконец калитка. Фред рванул ее на себя. Одним взглядом увиделись удивленные глаза Ривеки, спина комбата и его резко обернувшаяся голова.

Фред выпел из калитки и уже не видел ни побелевшего лица комбата, ни зло пыхнувших его круглых глаз.

Устало при валившись спиной к воротам, с счастливой улыбкой смотрел на вышедшую из-за Сыча Ривеку, удивленный и затем испуганный ее взгляд.

- Фред! - она бросилась к нему. В руке мелькнула книга.

- Фред! - она припала к его груди. - Что они с тобой сделали? - боязливо проводила пальцами по его разбитому лицу, рука чутко скользила вдоль шеи, плечу.

Он взял ее лицо в ладони.

- Фред, родненький! Я же люблю тебя! - у нее сорвался голос, по шее скатились слезы, он привлек ее к себе. Вдыхая душистый запах волос, водил по ним щекой, губами.

Сыч нервно сошел с дороги, сорвал с дерева прут, хлестнул по голенищу короткого сапога.

Ривека притихла на груди Фреда, лишь всхлипывая, детски шмыгала носом.

- Я никогда не смогу без тебя! Ты же не разлюбил меня? нет?

- Я люблю тебя, родная ...

- Я тебя очень люблю ... Я тебе книжку принесла.
Помнишь, ты просил.

Он взял из ее рук аккуратный томик в черном переплете? - Тора! - выдохнул он.

- Но ведь другого не надо нам ... - она преданно взглянула.

- Ривека! - он обнял ее. - А я боялся, что потерял тебя..

- Правда? - она взглянула мышкой.

- Правда. Но теперь никто нас не разлучит. Пойдем ... - в одной руке у него была книга, другой он обнял Ривеку за плечи. Сыч все еще стоял на обочине.

- В казарму! - заревел он на Фреда. Ривека замерла.

- Не бойся! - Фред крепче обнял ее, и они прошли мимо капитана.

Тот в бешенстве выскочил на дорогу.

- Стоять! - крикнул он им в спину.

Фред склонил голову к Ривеке

- Стоять, жидовня!

Но, прильнувшие друг к другу, две фигуры удалялись, а на глаза назойливо попадала книга в руке Фреда.

- Стоять! Стоять! Стрелять буду! - Сыч словно в беспамятстве рванул из кобуры пистолет, поднял обеими руками, прицелился.

Фред и Ривека остановились. Оглянулись. Сыч стоял с наведенным на них пистолетом.

Фред взглянул на Ривеку. Что-то поняв в его взгляде, она положила голову ему на плечо. Он плотнее обнял ее, прикрыл своим телом.

И это были самые трудные, но самые счастливые их шаги, секунды, минуты.

- Стоять скоты! - бешено ревел Сыч. Но Фред и Ривека уходили.

Сыч навел мушку на спину Фреда, потом прицел перешел на голову девушки и снова скользнул к левой лопатке Фреда. И на глаза все время наплывала книга, маятником ходившая вдоль его бедра.

- Не уйдете! - прохрипел капитан, стиснув зубы.

Напряжение отдалось в затылке и разорвало его.

На глаза наплыла черная обложка книги и стала разрастаться. Спина Фреда уходила в нее, на глаза наваливалась темнота.

Сыч испуганно протащил по лицу потную дрожащую ладонь, похолодевшими пальцами протер глаза и вдруг понял - он не видит.

Над лесом взметнулся вопль.

Ударили выстрелы.

Фред и Ривека уже стояли на бетонке. Оглянулись.

Сыч, словно с завязанными глазами, лихорадочно, вслепую стрелял по сторонам.

Гулкое эхо слепых выстрелов уносилось к бескрайней синеве.

Расстреляв все патроны, Сыч рухнул на колени.

Фред взглянул на Тору, улыбнулся Ривеке и обнял за плечи .

...Они шли, и была свободной бетонка, она легко стелилась им под ноги, и за их спинами неотвратимо таяла колючая проволока заборов и фигура ослепшего и павшего на колени врага.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го тома

Предисловие	5
Рассказы	7
...Горские, бухарский дядюшка и Нью Йорк... (музыкальная комедия)	23
Свобода Иври.....	253
Часть первая: Кража	254
Часть вторая: Книга	361

Иосиф Мигиров родился в 1951 г. в г.Нальчике, в Росии.

Служил в армии.

После демобилизации поступил и 1982 г.окончил Литературный институт им. А.М.Горького.

Автор шести книг рассказов и романов.

Занимался еврейским фольклором, часть из материалов была опубликована в Израиле.

В 1996 г. эмигрировал в США. Гражданин США.

В 2012 г. в Нью Йорке вышла его книга на английском языке "Мистер Бродвей".

Публикуется в русскоязычной периодической печати..

ISBN 978-0-692-30692-5

9 0000 >

9 780692 306925